

1861

ВОКРУГ
СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Мы никогда
не сдадимся

декабрь
2009

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172785300-2

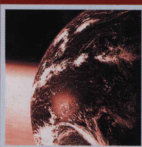

9 771727 853002

Полный ассортимент продукции Издательства

на сайте
www.vokrugsveta.ru/shop

enter

1861

ВОКРУГ СВЕТА

www.vokrugsveta.ru

ПОДПИСКА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

- 41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

- 80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

- 99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

**Льготная подписка
действительна
для предъявителей
подписного купона
за предыдущий период**

1861

ВОКРУГ СВЕТА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ
2009

**Мы никогда
не сдадимся**

ПОЛДЕНЬ, XXI век

Мы никогда не сдадимся

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы ООО «Видео Интернешнл-Пресс ВИ»:
Осенний бульвар, 25, 14 этаж, тел.: (495) 937 07 66, 973 07 67.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продаж: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 05.11.09. Формат 84 x 108 ¹/₃₂

Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 22 250

Заказ № 2429

ОАО «Типография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-273-9

9 785986 522739

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

Колонка дежурного по номеру

Исход...

Одна из «вечных» тем в литературе.

Причина этого явления проста — поиски лучшей доли для некоей человеческой общности. Самый крайний случай — массовая попытка спасти свою жизнь, уйти от неминуемой гибели.

Когда-то, в библейские времена, еврейский народ бежал из Египта... Жизнь кочевников — постоянная смена районов обитания... Много позже произошел исход европейских пассионариев на американский континент... В будущем, вполне возможно, человечество уйдет с родной планеты в безбрежные просторы Космоса.

Перемена места жительства всегда сопровождается большими трудностями для человека. Эти трудности становятся смертельно опасными, когда для исхода не хватает транспортных средств, а период переселения крайне ограничен во времени. Тут неизбежно возникает проблема выбора — кого спасать, а кого обречь на смерть.

Именно такую ситуацию рассматривает наш постоянный автор Майк Гелприн в рассказе, который так и называется «Исход».

Заглавная повесть номера, автором которой является другой наш постоянный автор Виктор Точинов, также связана с вышеупомянутой «вечной» темой, только тут исход уже состоялся. Однако и на космических дорогах человечеству никуда не деться от своих привычек и желаний, от своей собственной сути.

Темы остальных произведений номера не менее «вечны».

Тут и возможность или невозможность договориться с чуждым разумом; и попытка создания идеальной семейной пары; и сдача напрокат своей души (вместо прямой продажи дьяволу)... И многое другое.

В разделе же нехудожественной литературы еще один наш постоянный автор Антон Первушин анализирует причины и последствия будущего качественного скачка в развитии человеческой цивилизации. А в эссе Георгия Абсалямова сделана попытка разобраться: почему фантастика в упор не видит медицину грядущего?

Читайте, дамы и господа. И да не коснутся вас проблемы, приводящие к исходу...

Ник. Романецкий

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Светлана Головатюк
Исполнительный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Арт-директор Антон Федоров
Главный художник Юрий Токарев
Коммерческий директор Евгения Цой
PR-менеджеры Денис Мартынцев, Лейла Умерова
Менеджер по распространению Юлия Лысова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев,
Николай Новотный, Иван Пшеничников
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков

Редакция:

Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

Андрей Измайлов

www.mo-nast.ru

Святослав Логинов

www.rusf.ru/loginov

Евгений Лукин

www.rusf.ru/lukin

Сергей Лукьяненко

www.rusf.ru/lukian

Сергей Переслегин

okh.nm.ru

Вячеслав Рыбаков

www.rusf.ru/rybakov

Михаил Успенский

www.list.krasline.ru/writers/uspensk

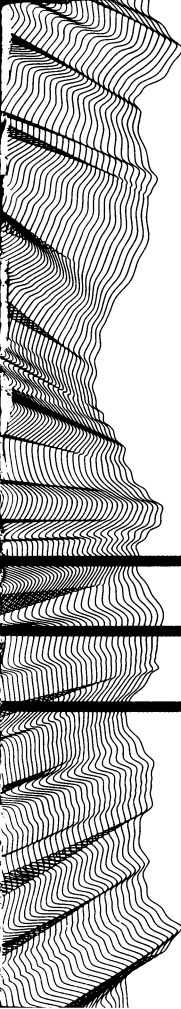
Александр Щёголев

www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ (60) 2009

ИСТОРИИ
ОБРАЗЫ
ФАНТАЗИИ

The image features a vertical composition. On the left side, there are several overlapping, wavy, line-art patterns that resemble topographical maps or stylized water ripples. These patterns are rendered in black lines on a white background. In the center-right area, there is a black square containing a white number '1'. To the right of this square is a gray square. Below the black square is another gray square, and to its right is a fourth gray square, creating a 2x2 grid of squares. The overall design is minimalist and geometric.

Мы никогда не сдадимся

Повесть

1. Вахтенный офицер и швартовый расчет хорошо знали свое дело: космобот коснулся шлюза джамп-базы «Святая равноапостольная княгиня Ольга» мягко, плавно, без нередкого в подобных случаях резкого толчка последней коррекции.

«Ну что же, — подумал Несвицкий, — все-таки флагман флота, и отбирают сюда, без сомнения, лучших из лучших...»

Шлюзовая камера медленно наполнялась воздухом, наконец наполнилась — в центре мембранного люка появилось крохотное отверстие, быстро росло, расширялось, и вскоре уже можно стало проникнуть на базу, но Несвицкий не хотел попасть туда, — согнувшись в три погибели, дождался, когда люк полностью втянется в стены, и лишь тогда шагнул внутрь.

— Сми-и-и-рна! — раздалась громкая команда.

Встречали его по первому разряду: двумя рядами вдоль переборок выстроились двенадцать рослых гвардионцев из личного конвоя флаг-адмирала: лица под низко надвинутыми касками застыли неподвижно, УОКи опущены к полу. Два офицера: один в мундире гвардейского поручика, с адъютантскими аксельбантами, второй — в темно-синей флотской форме, с погонами капитана второго ранга. Протокол соблюден изящно и тонко: с одной стороны, вроде бы кавторанг почти ровня по званию Несвицкому, всего на ступень ниже; но, учитывая место службы последнего, — не совсем и ровня... И в тоже время чин

достаточно высокий, чтобы дать понять гостю: его и представляемую им службу здесь весьма уважают и кого попало встречать не пошлют...

— Добро пожаловать на борт «Святой Ольги», господин полковник! — капитан второго ранга поднес ладонь к козырьку, поручик скопировал его жест. Гвардионцы сделали «на караул», вскинув УОКи.

— Вольно! — махнул им рукой Несвицкий. Неформальным жестом протянул руку кавторангу:

— Несвицкий, Михаил Александрович.

— Барон фон Корф, Николай Оттович, — отрекомендовался флотский, ответив крепким рукопожатием.

Поручик приличиям был учен — щелкнул каблуками и склонил голову в коротком полупоклоне:

— Гвардии поручик Гельметов к вашим услугам, господин полковник.

— Как прошло путешествие, Михаил Александрович? — поинтересовался капитан второго ранга.

— Все в порядке, долетел благополучно, — коротко ответил Несвицкий.

Не рассказывать же, в самом деле, что бот едва не стал жертвой какого-то пилота-камикадзе, прорвавшегося сквозь боевой порядок истребителей прикрытия, и пришлось провести несколько не самых приятных минут жизни при перегрузке в семь «же». Наверняка на джамп-базе уже осведомлены о подробностях инцидента, и жаловаться не к лицу...

— Тогда извините, я понимаю: устали с дороги, но командующий просил немедленно по прибытии пожаловать на военный совет, — произнес капитан второго ранга.

Несвицкий кивнул. На совет так на совет. Для того, собственно, и прибыл на борт джамп-базы он, полковник Несвицкий, адъютант его превосходительства светлейшего князя Горчакова, генерал-фельдмаршала и наместника Его Императорского Величества на Бете Эридана.

Шагая длинным коридором, полковник удивился необычной легкости своих движений — постоянно приходилось сдерживаться, чтобы не передвигаться неприлично большими скачками. Система искусственной гравитации была явно настроена не на параметры, определяемые уставом. Половина «же», а то и меньше... Между тем, спутники шагали так, словно ослабленная гравитация была для них привычной.

Интересно, в чем причина?

2. Степь здесь мало заслуживала такого названия, скорее напоминала полупустыню. А то и попросту пустыню...

Местность по мере приближения к Эрладийскому нагорью повышалась, иссушенная жаркими лучами Беты Эридана, ручьи и родники исчезали, редкие реки текли лишь весной, а летом превращались в цепочки не соединявшихся между собой озер, постепенно высыхающих. И лишь вокруг тех озер, вдоль их влажных берегов, росли нормальные травы, и кустарники, и деревья.

Но чуть дальше, уже через сотню-другую шагов, началась пустыня. Не песчаная, а каменная: поверхность — сплошная каменная крошка, и валяются на ней камни покрупнее — с кулак, с голову, и разбросаны кое-где валуны, остатки древних, почти до основания разрушившихся Эрладийских гор. Росло кое-что и там: перекрученные, ядовитыми шипами ошетилившиеся стебли, почти лишенные листвы, один от другого в нескольких метрах.

А еще — ядовитые испарения, время от времени вырывающиеся из трещин в скальных породах. И жесткое излучение с весьма необычным спектром: вроде ты жив-здоров, и волосы не выпадают, и кровь в порядке, но дети рождаются такие, что лучше б и не рождались...

Гиблая, в общем, местность.

Лет тридцать с лишним назад, вскоре после того, как прогнали кровопийц-эксплуататоров и повсеместно стирали с карты ненавистные народу названия, собрались было переименовать и Эрладу и даже название придумали новое, правильное: Кразнара, да засомневались: называть в честь красного знамени революции места эти проклятые?! Так и остались предгорья и пустыня Эрладой...

...Десантировали за час до рассвета, а подняли по тревоге вообще вскоре после полуночи, не позволив толком выспаться. Многие досыпали в трюме десантного глайдера, на полу, в тесноте, вповалку, никаких удобств внутри железной коробки не имелось, даже откидные сидения демонтированы, — лишь бы впихнуть побольше бойцов. Олегу еще повезло, устроился у самого борта, и лишь с одной стороны давили горячие тела товарищей.

Повезло-то повезло, но... Десантный глайдер — жестянка, по большому счету. Кое-какой броней прикрыта лишь кабина экипажа да еще двигательный отсек, а тоненькие борта трюма, в который загнали курсантов училища младкомсостава, прошьет даже очередь из самого захудалого пулемета, самыми обычными пулями... Тем, кто в центре, еще может повезти, а

вот он, Олег... Ладно бы в руку или в ногу, а если в голову? Или в сердце? Получить геройское ранение можно, но чтобы насосем... Обидно погибать, не повоевав, не убив ни одного имперского гада... И с девушками толком не целовавшись...

Поразмыслив, Олег натянул шлем, затем переместил вещмешок, служивший импровизированной подушкой, — положил так, чтобы получилась преграда между телом и тонким металлом борта. Запихал туда же сумку с противогазом, все-таки еще один лишний защитный слой на пути вражеской пули...

Запихал, сам понимая, каким идиотом выглядит, цифры ТТХ их заставляли учить так, чтобы от зубов отскакивало, и пробивную способность стрелкового оружия знал прекрасно... Но ведь недаром говорят, что лишняя соломинка ломает спину свиноруху?! Значит, и металлопластиковый корпус противогазного фильтра способен хоть немного, но изменить траекторию пули, а большего Олегу и не надо.

Добрались до точки высадки без приключений. Куда именно? А кто же им докладывал... Люк распахнулся, за ним — ночь. Команда: «Все наружу! С вещами и оружием!» Будущий младкомсостав выпрыгивал из глайдеров, строился по отделениям, повинаясь новым командам.

Выпрыгнул и Олег, встал в строй. Фары глайдеров погашены, ничего толком не разглядеть...

Где-то шел бой, далеко, в нескольких километрах. На горизонте небо раздирали огненные вспышки, доносился ослабленный расстоянием грохот.

Незнакомый командир прошелся перед строем — форма запыленная, голова перевязана, петлицы Олег не сумел рассмотреть во мраке. Долгих речей перевязанный не разводил:

— Товарищи курсанты! Командованием поставлена задача огромной важности! Враг рвется к Эрладийским рудникам. Его надо остановить. Здесь. Нам. Любой ценой. Пока мы живы, ни один имперский танк, ни один глайдер не должен пройти к Эрладе.

Обвел строй взглядом, хотя наверняка мог разглядеть лица только самых ближних к себе курсантов. Вроде бы хотел сказать что-то еще, но не сказал, махнул рукой и скомандовал другим тоном:

— Приступить к разгрузке! Командиры рот — ко мне за инструктажем.

Принимая из грузового люка и передавая дальше длинные тяжелые ящики, Олег недоумевал. Что же получается? Десять

долгих месяцев их учили на командиров, и почти выучили, и вдруг — под танки! Нет, он понимает, что приказ есть приказ и обсуждать его бессмысленно, но... Но ведь в должности командира взвода он, Олег, принес бы больше пользы...

Закончили разгрузку, тут и ротный вернулся, лицом мрачней тучи. Построил роту в колонну, повел куда-то в темноту. Четыре ящика из выгруженных понесли с собой. Всего четыре на девяносто человек. В ящиках, знал Олег, лежали «нюшки»... Отчего такое прозвище закрепилось за портативными излучательными комплексами для борьбы с наземными и низколетящими целями, неизвестно. Однако вот прикипело название, и официальную аббревиатуру никто не поминает... «Нюшка» — оружие простое, но эффективное. Жаль, что фактически одноразовое, даже сменные аккумуляторы в комплект не входят... Но если хорошенько замаскировать огневую точку, то с нескольких сотен метров любую бронемашину «нюшка» превратит в кусок мертвого металла, со спекшейся электроникой и хорошенько поджаренным экипажем. Если сильно повезет и противник замешкается, не сразу накроет расчет ответным ударом, то можно успеть превратить в металлолом еще один танк или бронеглайдер...

Четыре «нюшки» — для восьми человек. А остальные? Будут палить из личного стрелкового в надвигающуюся железную смерть? Это ведь только героический солдат Владлен Октябрёв в бесконечном мультсериале о своих похождениях умудряется угодить из подствольника то в воздухозаборник пикирующего на него штурмовика, а то и напрямую в дуло танковой пушки, подрывая в ней готовый к выстрелу снаряд... В реальной жизни на такое рассчитывать глупо.

Понимал это не один лишь Олег. Потому что в затылок послышался хриплый сдавленный шепот:

— На убой ведут, парни. Даже ведь УОКов нет... Камнями в танки кидать будем? Имперцы тут пройдут, нас не заметив, лишь потом глянут: что там к гусеницам прилипло?

Олег не сразу, но понял, кому принадлежал шепот: Позарыжий, из второго взвода, у них там два Позара, вот и различают по мастям: рыжий да черный...

Рыжий продолжал бубнить о полной бессмысленности предстоящей гибели, и Олег собрался было заткнуть паникера, но кто-то успел раньше:

— Смолкни, сука! Не хорони до срока!

Позар обиженно замолчал. Шагали молча и недолго, с полчаса где-то. Остановились, новая команда: разойтись, перекурить,

оправиться. Перекурили, старательно пряча огоньки папирос кто в ладонях, кто под полкой. Оправились, кому приспичило. Посидели на вещмешках — жесткие, с острыми сколами, камни больно впились в тело даже сквозь форму. Перекурили еще... Помалу начал донимать холод, Олег удивился: он-то считал, что Эрлада — место куда как жаркое... Кто-то высказал то же самое удивление вслух, другой голос пояснил: тут всегда так, днем жара дикая, ночью холодрыга, оттого-то и камни трескаются, на куски рассыпаются... Подожди, часа через три после рассвета так припечет, что холодок этот ночной за счастье вспоминать будешь. Рыжий встрял снова: а дадут ли нам дожить до жары-то? Ох как сомнительно...

Тут уж Олег, успевший всё хорошенько обдумать, его оборвал: хватит панику сеять! Не дурней же тебя командование? Ясней ясного, что танки до нас не доедут, разве что один или два через передовые рубежи прорвутся. Ну и поджарим имперцев из «нюшек», молодым командирам боевой опыт не помешает.

Рыжий паникер хотел что-то возразить, но тут Жега-взводный подошел, и разговоры стихли. Поднял своих, провел чуть левее, — вот, дескать, наша позиция. Окопаться и приготовиться к обороне.

Оставался бы у них комвзвода по-прежнему старшина Умзар, как в первые месяцы обучения, уж точно бы такую глупость не сморозил. Бывалый был мужичок, в гражданскую повоювавший. Но как новая война началась, всех старых взводных из училища тут же забрали, взамен назначили из своих же курсантов: практикуйтесь, дескать, товарищи будущие командиры.

А Жега, конечно, из успевающих курсантов был, но...

Окопайтесь... Ну-ну... Потыкали для вида саперными лопатками в камень — приказ есть приказ. Да только тут самый захудалый окопчик долбить полгода придется, если, конечно, без взрывчатки или лазерного бура.

Жега и сам сообразил, что промашка вышла, призадумался и новый приказ выдал: валуны используйте да бруствера выкладывайте из камней, тех, что поменьше.

Стали использовать и выкладывать... Но валунов на всех не хватало, да и камни не больно густо тут рассыпаны оказались, хилые бруствера получались, даже не спрятаться толком, не то что огонь вести.

А Олег к взводному, по всей форме, негромко так:

— Разрешите обратиться, товарищ комвзвода? По личному делу.

И в сторону кивнул, и лицо серьезное изобразил: мол, личное дело-то, да не совсем...

Отошли. Олег резину тянуть не стал: так мол и так, товарищ Жегвар, пособник врага у нас обнаружился, вернее, не совсем у

нас — во втором взводе. Панику сеет, людей смущает, вот-вот к дезертирству подбивать начнет. Или сам, один в ночь смоемся, ищи его потом всем училищем, пустыню на жаре прочесывай.

Жега лицом помрачнел, ушел куда-то. К ротному начальству, надо понимать. И вскоре вестовой прибежал, за Олегом: курсант Ракитин, бегом до комроты!

Рассветало...

У большой скалы несколько человек собрались. Сам ротный, и Жега, и Стален, второго взвода командир. Курсантов трое — из тех, что речи рыжего слышали. И Позар тут же — без оружия стоял, без шлема, без ремня...

Комроты подошедшему Олегу планшетку в руки сунул, да бумаги лист, да ручку: пиши, секретарем будешь.

Олег не понял: каким секретарем? Ротный прошипел: трибунала, мать твою! И голос злобный-злобный...

Ну, дела... Олег-то думал, что Позара под арест, да на гауптвахту, а потом рядовым на фронт, не нужен нам комсостав с такими-то мыслями... Как бы не так. Ротный пару вопросов свидетелям задал, к рыжему повернулся: чем оправдаешься?

Тот оправдываться не стал. На Олега уставился, одно твердит: сука, сука, сука... Голос бабий стал какой-то, чуть не рыдающий.

А ротный уже Жегу и Сталена в сторону тянет, совещаться. И тут же обратно вернулись. Комроты приговор огласил, быстро так, Олег записывать не успевал, какие-то обрывки фраз только на листок попадали: «по законам военного времени...», «решили единогласно...», «привести в исполнение немедленно...»

Олег не сразу понял, что пишет. Думал, ослышался.

Расстрел?!?

За слова, по глупости сказанные?!

А ротный уже на Олега показывает, скрежещет:

— Ты изменника выявил, тебе и точку ставить!

Час от часу не легче... Может, пугает ротный Позара? Чтоб на всю жизнь проникся, каково языком трепать?

Рыжий дожидаться и проверять: так оно, или нет, — не стал. Только что стоял обмякший, словно сонный, и вдруг закатал ближнему курсанту кулачищем между глаз. Да как побежит!

Ба-бах! — рывкнул пистолет ротного.

Позара вперед швырнуло, рухнул, лежит, не шевелится... Кровь по камням расплзаться начала...

А Олег смотрел и поверить не мог, что всё наяву, взаправду. Казалось, задремал все-таки в глайдере, разморило, и вот-вот проснется от команды «Все наружу! С вещами и оружием!».

3. — Господа офицеры!

Присутствующие встали, кое у кого звякнули при этом шпоры — у числившихся на службе в гвардейской кавалерии; какие уж лошади в век подпространственных звездолетов, однако — традиция-с...

Вошел флаг-адмирал Истомин. Полковник не был знаком с ним лично, изумился: неужели это тот самый молодцеватый пожилой мужчина с роскошными бакенбардами, которого изображают на официальных стереопортретах?

Бакенбарды, впрочем, наличествовали — точь-в-точь как на портретах. Но выглядел флаг-адмирал старой развалиной... Неуверенным жестом поприветствовал присутствующих, шаркал к креслу, тяжело в него опустился.

«Вот почему здесь такая низкая гравитация, — догадался Несвицкий. — Чтобы ординарцам не приходилось вести под белы ручки его превосходительство господина командующего флотом. Однако... На джамп-базе почти три тысячи экипажа, и всем грозит мышечная атрофия, — из-за того лишь, что Государь не решается отправить на заслуженный отдых эту живую легенду гражданской войны...»

Вел совет контр-адмирал Мезенцев — энергичный мужчина лет на двадцать моложе своего непосредственного начальника. Полковник заподозрил, что и на поле боя командует он, отдавая приказы от лица командующего. Но оно и к лучшему, если вдуматься.

— Господа! — начал контр-адмирал. — Мы собрались здесь, чтобы принять ряд непростых решений. Все вы, очевидно, информированы, что битва за космическое пространство в этом секторе Эридана закончилась. Закончилась нашей самой безоговорочной и решительной победой.

Несвицкий украдкой поморщился, вспомнив недавнее свое путешествие: перегрузки, притиснувшие его к креслу в пассажирском отсеке космобота — мечущегося, уворачивающегося от лазерных лучей и гаусс-разрядов. И свое чувство обреченного бессилия вспомнил полковник: жить тебе или умереть зависит вовсе не от тебя, от мужества и умения других людей, да и просто от прихоти фортуны...

Мезенцев, словно подслушав мысли полковника, продолжал:

— Здесь, на орбите Елизаветы, мятежникам еще удастся осуществлять отдельные вылазки. Но, уверяю вас, вопрос будет окончательно решен не то что в ближайшие дни — в ближайшие

часы. Подпространственный Портал, посредством которого мятежники могли получать помощь извне, уничтожен вчера. Оба космодрома после наших ударов с орбиты стали практически непригодны для использования, и восстановить их мы уже не позволим. Единичные запуски враг осуществляет с замаскированных стартовых площадок, небольших, не позволяющих поднять соединения, представляющие сколько-нибудь серьезную угрозу, и наши доблестные истребители...

Полковник перестал вслушиваться в гладко звучащую речь Мезенцева. Песня старая и хорошо известная: всеми победами мы обязаны героическому флоту, а сухопутчики, высадившись на планеты, приходят уже на готовое... Старенький командующий не то благосклонно кивал, слушая о недавних подвигах своих подчиненных, не то клевал носом в приступе дремоты.

Несвицкий внимательно разглядывал собравшихся людей. Офицеры-армейцы тоже слушали контр-адмирала без энтузиазма, наверняка имели собственное мнение о том, кто несет на себе главную тяжесть войны: в космосе, дескать, сражаться проще — враг виден издалека, не спрячется, не забьется в крысиную норку, а попробуйте-ка очистить от враждебного элемента поверхность планеты, особенно когда открытый бой сменяется затяжной партизанской войной.

Единственный среди собравшихся офицеров человек в штатском виц-мундире, естественно, вызывал любопытство. Полковник присмотрелся к его петлицам: надворный советник, проходит службу по Министерству возвращенных территорий. Надо полагать, представитель вновь назначенной гражданской администрации Елизаветы — или, как ее называют мятежники, Умзалы.

Контр-адмирал Мезенцев тем временем наконец закончил живописать подвиги своих орлов и соколов — доблестных экипажей героических боевых единиц космofлота. И перешел непосредственно к тем вопросам, кои и надлежало решить на совете:

— Теперь, господа офицеры, о главном. Флот свою стратегическую задачу выполнил: сопротивление на орбите сломлено, высадка произведена, плацдарм захвачен и в настоящий момент расширяется. Дальнейшие задачи должны решаться уже в плотном взаимодействии с сухопутными войсками, с силами внутренней безопасности и с гражданской администрацией. Однако сопротивление мятежников, наголову разбитых в космосе, на поверхности Елизаветы продолжается с прежним ожесточением. Да, мы одержали викторию на одном континенте. На

главном, но на одном. Всего же их на планете, напомним, пять, а если учесть, что Новая Аляска и Земля Чигиринского хоть и считаются географами за острова, но от материков с точки зрения стратегии не отличаются, то нам придется повторять операцию высадки еще шесть раз. Как вы знаете, сколь-либо существенного морского флота, способного преодолеть океанские просторы, — коим, захватив его, мы смогли бы воспользоваться, — на планете не имеется. Значит, предстоят суборбитальные десантные операции. Командование флота считает, что если потери, нанесенные вражескими ПВО и ПКО наземного базирования нашим штурмовикам и десант-ботам, вырастут в семь раз — подобный ущерб существенно скажется на боеспособности флота. Держать же на орбите джамп-базу и три линкора для концентрированного подавления очагов сопротивления — подобное решение никак нельзя признать разумным. Лишившись столь значительной части главных ударных сил, флот потеряет стратегическую инициативу в масштабах всей звездной системы. Наше победоносное и стремительное наступление превратится в череду локальных сражений между маневренными соединениями звездных крейсеров, мятежники получают время и возможность для мобилизации и перегруппировки сил, и последствия того могут быть весьма плачевны. Такова общая ситуация, таковы стоящие перед нами непростые задачи, и я жду ваших взвешенных советов, господа, о способах их решения. Прошу вас выступить первым, Сергей Анатольевич. Господа офицеры, кто не знаком, рекомендую: флаг-капитан князь Игнатъев-Центаврйский, за недавние мужество и героизм, проявленные при ликвидации орбитальной обороны мятежников, удостоен высочайшей благодарности и звания флигель-адъютанта Его Императорского Величества, в настоящее время исполняет обязанности командира эскадры легких крейсеров и, я уверен, вскоре будет постоянно утвержден в этой должности.

Князь — высокий, статный, с благородной сединой в шевелюре — поднялся, коротко поклонился присутствующим.

«Героизм героизмом, но четыре крейсера второго ранга в орбитальных сражениях потеряны, — подумал Несвицкий, — в том числе флагман эскадры. И погиб ее командир, милейший Карл Иванович фон Энkvист, человек удивительной доброты, прославившийся на весь флот чутким и тактичным отношением к подчиненным...»

Князь же Игнатъев, как немедленно выяснилось, от излишней доброты не страдал. По крайней мере, проявлять ее в отношении продолжавших сопротивление мятежников не считал нужным.

— Задача ясна, — без обиняков заявил флаг-капитан. — Мы не можем губить лучшие силы флота лишь для того, чтобы сломить обреченных фанатиков. И не можем двигаться дальше, оставляя за спиной очаги сопротивления. Единственно возможный выход, по моему мнению, — добиться безоговорочной капитуляции противника. Выковыривать по одному рассредоточенные и хорошо замаскированные комплексы ПВО — значит понести неоправданные потери техники, людей и времени. Предлагаю предъявить мятежникам ультиматум о немедленной капитуляции и затем провести серию акций устрашения. Уничтожать по одному городу в день — до основания, вместе с населением. Уверен, через неделю сопротивление будет сломлено.

— В свое ли вы уме, господин флаг-капитан??!! — неожиданно рявкнул мощный, звучный голос, и Несвицкий вздрогнул, не поняв в первый момент, кому он принадлежит. Казалось, что в просторной кают-компании джамп-базы прозвучал пресловутый библейский «глас свыше».

Но нет, голос и слова принадлежали командующему. Флаг-адмирал резко поднялся с кресла и отнюдь не выглядел теперь дряхлой развалиной: плечи распрямлены, глаза мечут молнии... Несвицкий понял, что сейчас видит того, давнего героя гражданской, — остановившего молниеносное наступление флота мятежников, имевших подавляющее превосходство в силах, на ближних подступах к Новому Петербургу. Спасшего и стольную планету, и императорское семейство от беспощадной резни, позволившего провести плановую эвакуацию...

Годы, тем не менее, брали свое, — вспышка адмиральского гнева оказалась весьма недолгой. Командующий на глазах обмяк, плечи опустились, затем опустился в кресло и сам старик, — не сел, но буквально-таки свалился... Голос его зазвучал негромко, и с каждым словом звучал все тише:

— Там ведь живут люди, Сергей Анатольевич, как вы не понимаете... Не комбатанты, мирные обыватели... Наши люди... Русские люди....

В кают-компании повисла звенящая тишина, все посторонние звуки смолкли, офицеры напряженно вслушивались в слабеющие слова флаг-адмирала.

— Продолжайте, господа... — почти прошептал он. — И я надеюсь услышать более взвешенные предложения...

От армейцев выступил генерал-майор Славич. И тоже подверг критике идею флаг-капитана, хотя и выдвинул совсем иные резоны, чем командующий. А если мятежники не сдадутся?

Тридцать с лишним лет прошло, господа, выросло новое поколение, настолько зараженное идеями коммунизма, что... Он, генерал, насмотрелся на освобожденном Новом Петербурге: фанатики, самые настоящие фанатики. Не все, конечно, но немалый процент... И этим фанатикам никакие жертвы не покажутся чрезмерными ради торжества их бредовых идей.

Тактику генерал предложил смешанную, половинчатую: неторопливо, не стремясь купить немедленную победу ценой ненужных жертв, уничтожать очаги сопротивления совместными силами армии и флота. Удары из космоса — но не главным вооружением линкоров и джамп-базы, не глобальные, уничтожающие всё и вся на большой площади. Вместо этого — конкретная отработка крейсерами и эсминцами конкретно выбранных целей, исключительно военных, разумеется. Плюс наземные операции сухопутчиков. Плюс локальные десанты спецназа, как армейского, так и флотского, а масштабную высадку на другие континенты совершать лишь после того, как потери в подобной операции не станут чрезмерными. Не станем гвоздить кувалдой, образно выразился генерал-майор, но изматываем врага уколами рапиры. Да, времени потребуется больше — недели, может быть, месяцы. Но иного выхода он, Славич, не видит.

Завязалась дискуссия. Большинство собравшихся офицеров поддерживало с теми или иными вариациями одну из двух высказанных точек зрения.

Выслушали всех. Затем контр-адмирал Мезенцев обратился к человеку в чужом мундире, не проронившему за весь совет ни слова. Точнее, не совсем к человеку... А если уж совершенно точно — совсем не к человеку.

— Будем рады услышать ваше мнение, мнаэрт Гнейи.

Хултианин встал и несколько мгновений молчал с совершенно каменным, неподвижным лицом. Полковник Несвицкий знал эту манеру хултиан — прежде чем что-либо сказать, непременно помолчать, выдержать длинную паузу. Нехитрый вроде бы трюк, но срабатывает без осечек. Спроси у хултианина любую ерунду, какого он мнения о погоде, например, — изреченный ответ покажется глубоко продуманным, чуть ли не истиной в последней инстанции.

— Мятеж должен быть подавлен, — произнес наконец мнаэрт хултианин на чистом русском, но с глубоко-глубоко спрятанным чуждым акцентом. — И не должен никогда повториться. Для этого должны быть уничтожены все мятежники, все сочувствующие им и все укрывающие их. Каким способом

наши уважаемые союзники сделают это — их внутреннее дело. Мы окажем всю доступную нам помощь в любом начинании, ведущем к означенному результату.

Он вновь замолчал, ничем, однако, не давая понять, что закончил свое выступление.

Чужой... Совершенно чужой... Вроде бы черты лица, если рассматривать каждую в отдельности, ничем не отличаются от людских. Да и размеры и пропорции фигуры тоже. Лица совсем как у людей, и та же анатомия, но достаточно одного взгляда, — и словно бы болезненный укол острой иглой: чужие! Странно, но трезиане — остатки древней, давно утерявшей былое могущество расы — воспринимаются как-то иначе, без ощущения столь режущей глаз чуждости... Хотя на людей не похожи абсолютно. Наверное, в этом все дело, в подсознательном психологическом барьере: так похожи на людей — но не люди! И подсознание бьет в набат, трубит тревогу: среди нас чужак! Среди нас оборотень, лишь прикидывающийся человеком! Чужой! Чужой! Чужой!!!

Выдержав полагающуюся паузу, хултианин сказал ожидаемое:

— Это мнение мое, и моего правительства, и моего народа. — Сказал и уселся на место.

Что да, то да... Этого у хултиан не отнимешь. Не было ни одного случая в их взаимоотношениях с эриданцами, чтобы хултианское правительство, например, дезавуировало какое-то заявление своего дипломата. Или бы объявило самоуправством действия какого-то хултианского офицера. Один народ — одна воля, примерно так переводится на русский их главное жизненное кредо. С одной стороны, принцип коллективной ответственности всех за каждого можно еще как-то понять, а с другой... Куда, черт побери, они девают несогласных, мыслящих иначе, не в общей направленности? — недоумевал порой полковник Несвицкий. Не может же таких совсем не быть...

Однако двадцать лет назад преогромнейшей удачей стала случайная встреча в космосе с расой, таким вот образом относящейся к инакомыслию... Без активной и всесторонней помощи хултиан едва ли стала бы возможной нынешняя реконкиста — речь в те годы шла о том, удастся или нет отстоять от мятежников немногочисленные планеты, оставшиеся под властью Империи. И многие считали, что не удастся, что придется совершить новый Исход, превратиться в межзвездных скитальцев без дома и родины...

4. Через час после рассвета и в самом деле стало припекать, все сильнее и сильнее.

Струйки пота скатывались под формой, щекотали тело. Металл гаусс-винтовки раскалился, Олег старался касаться только пластмассовых ее частей, но затем решил поправить прицел подствольника и чуть не обжегся... Голова внутри шлема... да, примерно так, наверное, ощущает себя содержимое кастрюли, поставленной в печь.

Казалось: пусть уж все поскорее начнется и закончится. Лучше бой, чем такое вот жаркое и потное его ожидание... Хотя, конечно, страшновато было. Первый бой... Да еще против бронетехники... Даже когда на тебя танки на полигоне прут и знаешь, что снаряды у них учебные, а эмиттеры только имитируют боевое излучение, и то поджилки подрагивают...

И все же Олег нетерпеливо ждал боя. Потому что мысли все время сворачивали на недавнее происшествие с Позаром. Очень неприятные мысли...

...Выстрел комроты не убил беглеца, всего лишь пробил бедро. Стоять самостоятельно Позар не мог, его держали под руки, — пока Стален, с трудом разбирая каракули Олега, зачитывал приговор перед мрачным строем курсантов.

А потом произошло самое мерзкое... Ротный, не глядя, потыкал пальцем в строй — ты, ты, ты... — вызвал вперед шестерых. Седьмой — Олег. Расстрельная команда. Приговоренного привалили не то к громадному валуну, не то к небольшой скале, и, едва отпустили, он тут же ополз, оплыл на землю, сложился пополам, уткнув голову в колени... Мимикрирующий комбинезон немедленно принял буро-ржавый цвет скалы. Бинты на небрежно перевязанной ноге Позара набухали красным.

По команде «Пли!» Олег выстрелил, закрыв глаза... Наверное, для того и назначают в расстрельную команду несколько человек, чтобы каждый мог потом заниматься самообманом: может, вовсе и не моя пуля прикончила изменника... Да только здесь не тот случай: расстреливали не пулями — гаусс-разрядами. С такого расстояния не промахнешься, как ни зажмуривайся...

Когда Олег поднял веки, все закончилось. Человека перед ними не было. Спекшееся нечто... А уж запах... Два с лишним часа прошло, но казалось: отвратительная вонь горелого мяса до сих пор терзает ноздри. Оттаскивать в сторону и засыпать мелкими камнями это тоже пришлось их семерке. Никто не произнес ни слова, но взгляды Олег ловил весьма недоброжелательные. Из-за тебя, дескать, в палачи угодили...

Но разве он виноват?! Разве не так же должен был поступить на его месте любой революционный курсант?! Каждый... Но сделал то, что был должен, лишь он... Правильно всё сделал, но отчего же так мерзко на душе?

...Атака, как ее ни ждали, началась неожиданно. Нарастающий вой — пронзительный, вонзающийся в мозг — послышался сверху. Штурмовики, догадался Олег. Заходят на атаку со стороны солнца... Быстрым движением опустил светофильтр на щиток из бронестекла, прикрывавший шлем спереди, поднял взгляд. Так и есть: на потемневшем небе желтеет пятно солнца, а рядом — черные пятнышки, почти не движущиеся, лишь увеличивающиеся в размерах...

Умом Олег понимал: рассеявшихся, забывшихся в каменные щели курсантов не увидят ни глаза пилотов, ни хитрые приборы: форма мимикрирующая, в инфрадиапазоне они тоже не видны, источников тепла вокруг хватает, над «нюшками» и их расчетами — все-таки изрядный компакт металла — раскинуты зонтики маскирующих полей, и металлодетекторы промолчат... Атаковать штурмовики смогут лишь вслепую, бить по площадям.

Всё так, но отчего-то казалось, что пилоты прекрасно видят именно его, Олега... Его одного — маленького, крохотного, беззащитного... Что у воющего в небе смертоносного железа лишь одна цель: он, Олег Ракитин.

— По штурмовикам не стрелять! — прозвучал голос Жегинского в наушниках шлема. Уверенный голос, командирский, но Олегу отчего-то показалось, что очень глубоко в нем угнездилась неуверенность. А может, и вправду показалось...

Во всех учебниках по тактике, что приходилось штудировать будущим младшим командирам, говорилось одно и то же: атаку низколетящей бронетехники предваряет комбинированный удар с воздуха, ракетно-бомбово-лучевой.

Пилоты имперских штурмовиков, очевидно, те учебники не читали. Ракеты не помчались к земле, и не ударили лучи боевых лазеров, и не хлестнули плети гаусс-излучения, невидимые, но смертельные.

На позицию роты курсантов всего лишь посыпались бомбы... Взрывались они негромко, выбрасывая огромные облака темно-коричневого дыма. Завеса, понял Олег, и не только визуальная, — облака перенасыщены полиметаллическими микрокристалликами. Но и отравляющие компоненты не исключены... Он автоматическим, отработанным движением пристыковал цилиндр противогаса к воздухозаборнику шлема.

Завеса густела... Игра теперь пойдет на равных: имперцы не видят их, но и они не смогут засечь приближающиеся танки и бронеглайдеры.

— По танкам — огонь! — выкрикнули наушники голосом Жегвара.

Танков Олег не видел. Равно как и других целей... Вертел головой во все стороны, пытался разглядеть врага в разрывах дымовой завесы. Тщетно...

Но другие, похоже, увидели. Хлопали гауссовки (вернее, их системы охлаждения, выбрасывавшие отработанный инертный газ), и с противным визгом уходили к цели гранаты из подствольников. «Нюшки» работали практически бесшумно, и вступила ли в бой хоть одна из них, Олег не знал.

Танк вынырнул из дыма совсем рядом, в паре сотен метров. Двигался он, конечно, на антиграве, на высоте человеческого роста над землей. Пушка повернута в другую сторону, но гаусс-эмиттер над башней вращается быстро-быстро, готовый в любую секунду и в любую сторону плюнуть невидимой и неслышимой смертью...

Олег поймал прицелом бронированную громадину. Стрелять из гаусс-винтовки в танк — занятие достаточно бесплодное. Защитные поля погасят энергию выстрела — температура внутри боевой машины повысится на тысячную долю градуса, на какую-то очень малую часть своей емкости разрядятся аккумуляторы танка... Вот и весь ущерб врагу.

Подствольный гранатомет чуть более эффективен. Но лишь чуть... Слишком невелики по размерам уязвимые части бронемашин, слишком большое рассеяние у гранат...

И все же Олег выстрелил в шар эмиттера, успев мельком подумать, что чем-то он напоминает школьный глобус, только ножка слишком толстая.

Ба-бах! Мимо... Граната просвистела в метре от цели, и ее белый дымный хвост исчез в туче дыма.

Слева тоже кто-то выстрелил по танку, тоже гранатой. Угодил в корпус — грохот, ослепительная вспышка, визг осколков. Зрелищно, но безвредно для танка. Кто там, слева? Олег не помнил, да и некогда было вспоминать...

Танк нанес ответный удар. Пушка рывкнула, и там, откуда прилетела вторая граната, встала стена багрового пламени. Ненадолго, на секунду или две — но живых среди обутленных камней не осталось с гарантией. ОВС, объемно-вакуумный снаряд, страшная штука...

«Зален...» — вспомнил Олег. Именно он там лежал, в укрытии между двумя валунами. Нет больше Залена, круглолицего

Речь надворного советника не затянулась, — изложенная холодно, сухо, без каких-либо эмоций.

Елизавета-Умзала с ее гигантскими запасами стратегического сырья, говорил Адабашьянц, одна из ключевых планет не только Беты Эридана, но и всей Империи — как освобожденной ее части, так и остающейся пока в руках мятежников. Война — весьма прожорливый младенец, можно сказать, ненасытный. Запасы снаряжения, техники и боеприпасов, накопленные за двадцать лет, расходуются теперь очень быстро. Он, надворный советник, не откроет великую тайну, если скажет: расходуются быстрее, чем возобновляются. И если бы не бесценная помощь союзников (поклон в сторону хультианина), то победоносное наступление уже на нынешнем этапе весьма замедлилось бы из-за недостатка ресурсов. Но какие громкие победы ни были бы одержаны сейчас, выбор стоит простой: или мы в кратчайшие сроки налаживаем производство, в первую очередь военное, на возвращенных территориях, или обрекаем себя на проигрыш войны в стратегической перспективе.

Отсюда вывод: министерство не намерено вмешиваться в дела армии или флота. Однако же категорически настаивает (и рекомое требование поддержано Личным кабинетом Его Императорского Величества): шахты, рудники и разрабатываемые открытым способом месторождения Елизаветы должны пострадать как можно меньше. Решать, каким именно способом будут достигнуты необходимые результаты — прерогатива господ военных. Но ясно, что всеуничтожающие удары из космоса исключены. Елизавета — планета малонаселенная, все ее города и поселки образовались возле тех или иных месторождений, уничтожение их автоматически означает: добыча сырья будет возобновлена не скоро. А это — поражение. Никакой героизм не поможет, если боевым кораблям будет не на чем летать и нечем стрелять.

Так вот выглядит ситуация с его экономической колокольни. Решайте сами, господа, но будьте мудры, предусмотрительны и осторожны.

— А теперь слово вам, Михаил Александрович. Господа, кто не знаком: полковник Отдельного корпуса Несвицкий, адъютант его высокопревосходительства наместника, светлейшего князя Горчакова.

Несвицкий встал, тоже звякнув шпорами, — офицеры ОЖЖ, «черная гвардия», как их иногда неформально именовали, номинально числились по ведомству гвардейской кавалерии.

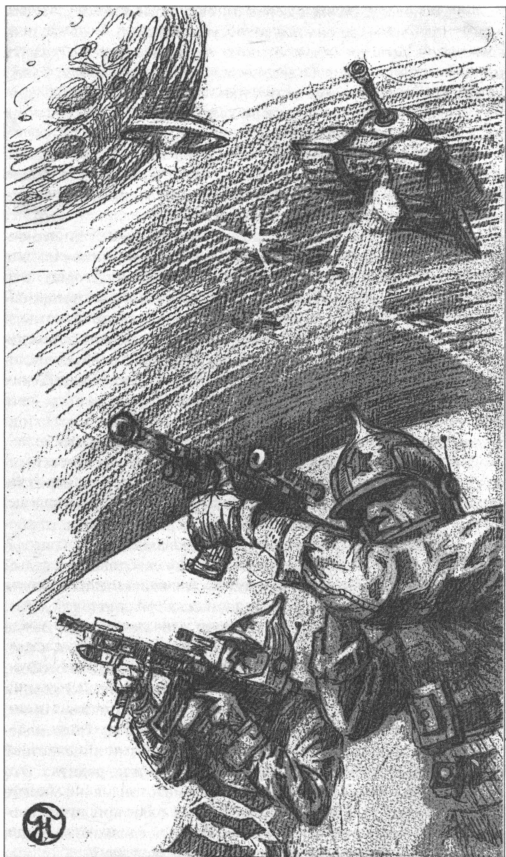
— Господа, я должен осветить еще один крайне важный аспект проблемы, до сих пор не обсуждавшийся, — начал полковник. — Естественно, всё мною сказанное будет отражать мнение командования Отдельного корпуса жандармов, равно как и его превосходительства наместника. Более того: проблема известна Его Императорскому Величеству и находится под его личным контролем.

Несвицкий помолчал, чтобы все осознали и прониклись важностью сказанного, затем вдруг понял, что бессознательно подражает хулиганам, мысленно сплюнул и продолжил уже проще, без высокопарных формулировок:

— Разговор пойдет о главном богатстве нашей цивилизации. И это отнюдь не руды и прочие ископаемые, хотя я вполне понимаю и разделяю резоны Министерства территорий. Это гены — огромные запасы генетического материала, привезенные на борту «Ковчега-7». С остротой проблемы все знакомы, я надеюсь, — не новость, в каких ничтожных количествах рождаются у нас дети естественным путем, и какие странные отклонения зачастую имеют. Речь не только о рабочих Эрладийских рудников, превратившихся в совершеннейших мутантов. Речь обо всем человечестве Эридана. Геном человека оказался слишком хрупким предметом для жизни под чужими звездами...

Несвицкий ни в малейшей мере не преувеличивал. Естественная рождаемость — даже если бы все дети рождались нормальными — не смогла бы обеспечить воспроизводство населения, не говоря уж о его приросте. А многих родившихся назвать нормальными язык не поворачивался... Оставалось лишь благодарить авторов проекта «Исход», в свое время снабдивших каждый громадный корабль-ковчег запасами мужских и женских половых клеток, достаточными для рождения многих триллионов людей.

Тогда, четыреста лет назад, идея эта вызвала на Земле много неистовых споров. Особенно яростно возражали религиозные ортодоксы: размножаться надлежит тем способом, для которого создал Господь людей, и никак иначе. Полковник Несвицкий искренне считал себя православным христианином, но был убежден в обратном: зачем тогда Господу было наделять каждую дочь Евы тремя-четырьмя сотнями яйцеклеток? Столько детей самой физически не выносить и не родить... Это не говоря уж о количестве мужских сперматозоидов, на многие порядки большем... Не состоял ли Божий план при таких вводных в ином? Не предусматривал ли, что люди должны в концов концов перейти к искусственному воспроизводству?

Как бы то ни было, но лишь привезенные с собой запасы генетического материала позволили человеческой цивилизации Эридана не просто выжить, но и очень быстро развиваться. Естественно, любые запасы когда-то закончатся. Но эриданцы получили очень большую фору... Генетические исследования шли полным ходом, окончательный результат не был достигнут, но наличие весьма обнадеживающих успехов признавали даже пессимисты. Все испортил проклятый мятеж... Затем, в ходе гражданской войны, произошло самое страшное: почти все генетические запасы попали в руки мятежников. И до сих пор не возвращены.

Об этом и повел речь Несвицкий:

— Контейнеры с генетическим материалом мятежники успели эвакуировать из главного хранилища на Новом Петербурге. Через Портал, на какую-то иную планету — но куда именно, нашей агентурной разведке установить не удалось. И вероятность того, что новое хранилище оборудовано где-то в заброшенных штольнях Елизаветы, исключать нельзя. Поэтому работать, господа, придется в белых перчатках.

Полковник выразительно посмотрел на Игнатьева-Центаврийского и добавил:

— Это приказ Его Императорского Величества.

Повисла пауза. Несвицкий, обводя присутствующих тяжелым взглядом из-под наполовину опущенных век, произнес:

— От себя добавлю, господа: у Отдельного корпуса есть *очень веские* основания полагать, что главное наше сокровище спрятано именно здесь. На Елизавете.

6. Вот она такая, эрладийская жара... Дикая, непредставимая, сводящая с ума.

Яростное солнце жжет с небес, а из-под ног пышет жаром раскалившийся камень. Ни ветерочка, обжигающий воздух застыл неподвижно, но у каменистой поверхности его горячие струи поднимаются вверх и перемешиваются с чуть менее горячими, и над пустыней стоит зыбкое марево, как над кастрюлей с закипающим супом. И оттого всё кажется размытым, смутным, зыбким... А может, глаз человека попросту не способен нормально функционировать на такой жаре.

Неудивительно, что товарищи, сосланные имперскими кровопийцами в этот ад, людьми не остались, превратились в мутантов. Тут и излучение никакое не нужно: когда день за днем, месяц за месяцем мучаешься, словно грешник

в аду, выдуманном попами, — или сдохнешь, или мутируешь, приспособишься...

Олегу очень хотелось скинуть форму. Почему-то казалось, что тогда станет хоть чуть-чуть, но прохладнее. Умом он понимал: не поможет, температура воздуха выше, чем температура тела, причем значительно выше, и ткань, наоборот, помогает удерживать относительную, иллюзорную прохладу. А кожа, ничем не прикрытая, тут же покроется пузырями солнечных ожогов... Но раздеться все же хотелось нестерпимо.

И пот, заливающий глаза, тоже хотелось отереть. Не мог ни того, ни другого, — руки связаны за спиной. Вернее, не связаны, а стянуты каким-то полупрозрачным тугим кольцом — ни узлов, ни каких-либо пряжек или защелок на нем не было видно. Разглядеть это украшение на своих запястьях Олег, естественно, не мог. Но впереди шагал комвзвода Стален, медленно шагал, прихрамывая, — и руки его были скованы точно так же.

...Привели их на то самое место, где не так давно стоял строй курсантов, слушая приговор Позару. Где прозвучали негромкие хлопки гауссовок, прикончивших изменника и паникера. Понятно, отчего именно сюда, — неподалеку громоздилась невысокая, разрушающаяся скала, все-таки дающая хоть какую-то тень. Но Олегу все равно показалось: если сейчас имперцы их здесь расстреляют, это судьба. Воздаяние. Революционному курсанту верить в такие вещи не полагается, но военнопленному, наверное, можно...

У скалы, в тени, застыл танк — антиграв отключен, стоит на гусеницах. Неподалеку — бронеглайдер, ствол лазерной установки направлен на кучку из полутора десятков пленных, струдившуюся на солнцепеке, люки десантного отсека распахнуты, десантники все снаружи. Свои защитные костюмы они уже скинули, и видно, что форма под ними у имперцев летняя, белая, отражающая максимум света... Олег с вялым любопытством всмотрелся в шевроны: не то моторизованные егеря, не то гренадеры... Отчего-то картинки из брошюры «Как распознать врага?» не шли на ум, хотя в свое время выучил их назубок и сдал зачет на «отлично».

Его болезненно тыкнули в спину чем-то жестким (прикладом?), подтолкнули к остальным пленным. Почти бессонная ночь напомнила о себе: нестерпимо хотелось лечь, вытянуться, закрыть глаза... Ни о чем не думать... Заснуть... Но проще и безболезненней было бы вздремнуть на раскаленной сковородке — камень ощутимо припекал сквозь толстые подошвы армейских ботинок. Да и конвоиры не позволяли даже присесть на корточки.

Неподалеку стоял еще один имперский танк, на вид целый и невредимый, но лишь на вид: десантники возились у люков, извлекая трупы танкистов.

Олег понял, что боевая машина угодила под удар «нюшки», но никаких эмоций от этого понимания не ощутил, ничего даже отдаленно похожего на то дикое ликование, охватившее его в бою, когда Жега-взводный поджарил точно такой же танк. Страх тоже не было. Ничего не было, лишь тупое сонное равнодушие...

А затем он увидел, как оттуда, где имперцы складывали в тенечке своих мертвецов, к пленным шагает человек. Тоже в белой форме, но фасон рубашки с короткими рукавами несколько иной; на плечах — офицерские погоны. Следом шагал другой, тоже с офицерскими погонами, говорил что-то, возбужденно жестикулировал, но первый офицер, казалось, не слышал.

Подошел поближе, и Олег смог разглядеть его лицо, застывшее в судорожной гримасе, бешено сверкавшие глаза. Увидел шевроны бронетанковых войск и погоны ротмистра. И пистолет в опущенной руке. Шагал танкист прямоком к пленным — деловито, целеустремленно. Олег вдруг понял: ротмистр идет их убивать. Из этого самого пистолета. Сейчас подойдет, и... Без трибунала, даже такого формального, какой состоялся здесь на рассвете. Выстрел — труп, выстрел — труп...

Уже можно было расслышать слова второго офицера, капитана не то grenader, не то мотоегерей, Олег так и не вспомнил, что означает эмблема в виде факела, скрещенного с мечом...

— Павел Николаевич, приказ генерала...

Ротмистр сбавил шаг, резко обернулся. Смахнул руку капитана со своего рукава. Произнес странным, полузадушенным каким-то голосом:

— Генерал ваш со мной под одной шинелью не спал... И в танке со мной не горел... И на Владиславу не десантировался... А у Анатоля семнадцать боевых операций на счету было, четыре высадки, два ранения... И Маша, невеста, дома осталась, второй год ждет, в отпуске обвенчаться собирались... Ты к ней пойдешь и расскажешь? Ты?! Что жениха ее, как гуся рождественского, зажарили?!

Не то егерь, не то grenader испуганно шагнул назад, потому что свои риторические вопросы ротмистр подкреплял энергичными жестами руки — той, что сжимала пистолет. И ствол держащегося оружия был направлен прямо на собеседника.

Капитан бросил быстрый взгляд на пленных и еще раз попытался переубедить танкиста, но теперь ни одного слова Олег не

понял, язык оказался незнакомым... Ротмистр перебил, рывкнув два слова, тоже на непонятном языке, и демонстративно отвернулся. Спросил у конвоиров, уже на русском:

— Которого с «помелом» взяли?

Олег сначала не понял, но потом, когда конвоиры вытолкнули из строя Сталена, догадался: так, наверное, имперцы на свой манер именуют «нюшку»...

Пистолет — небольшой, с коротким, словно бы обрубленным стволом, — медленно поднялся и уставился черным зрачком дула прямо в переносицу Сталена. Комвзвода держался, как и положено комсомольцу и командиру: на колени не вставал, пощаду не вымаливал... Но глаза все же закрыл.

Олег понял, что ротмистр не пугает, что сейчас грохнет выстрел, и взводного не станет; хотел отвести взгляд, но не смог... И увидел, как оружие столь же медленно опускается.

— Не будет тебе легкой смерти, крысеныш... — прошипел ротмистр.

И что-то быстро сказал в маленькую коробочку рации, висевшую на груди, слов команды Олег не разобрал. Башня танка — естественно, не подбитого, другого — пришла в движение. Пушка поворачивалась в сторону пленных и опускалась.

Олег похолодел. Почувствовал самый настоящий озноб, хотя только что обливался потом. Снарядом? На таком расстоянии? Олег не знал, способен ли сработать взрыватель ОВС на предельно короткой дистанции... Но ротмистр, очевидно, понимал, что делает... Но ведь сгорит не один лишь Стален — все в радиусе сотни метров, все, кто не укроется под броней, превратятся в обугленные трупы, скорчившиеся в позе эмбриона...

Имперцы, однако, вернуться в бронемашину не спешили. Ротмистр тыкал своим оружием в курсантов: этот, этот, этот... Конвоиры выволакивали указанных из кучки пленных, толкали к Сталену.

Курносый ствол пистолета указал на Олега. Жесткие пальцы вцепились в его плечо, потянули. Он почувствовал, как ватно обмякли ноги, как противно похолодело внизу живота. В ушах стоял гул, все звуки стали доноситься искаженно, словно через толстый слой ваты.

— Хорош, ваше благородие! Перебор! Не уместятся все! — крикнул подходивший фельдфебель-танкист, тащивший зачем-то бухту толстого черного провода.

Ротмистр махнул конвоиру, и Олег остался на месте.

«Куда не поместятся? Что они задумали?» — недоумевал он. Выяснилось всё очень скоро...

...Восемь человек расставили в плотную шеренгу. Не абы как, строго по росту, — и высокий Стален стоял правофланговым. У каждого на шее — петля из провода, другой конец привязан к длинному стволу танковой пушки.

Ротмистр сделал знак, и ствол пополз вверх, — медленно, едва заметно глазу. Слабина провода постепенно выбиралась, петли затягивались, тянули курсантов вверх. Они уже стояли на носках, пытаясь отдалить, отсрочить неминуемое.

Новый жест ротмистра остановил движение пушки. «Неужели всего лишь пугал?» — с надеждой подумал Олег.

Конвоиры подтолкнули их поближе к месту экзекуции.

— Смотрите! Нюхайте! — скрежетал ротмистр.

Олег в самом деле почуял отвратительный запах. Кто-то из подвешенных обделался. А может, и все разом. У него самого внизу живота ощущались сильные позывы...

Одному из курсантов, невысокому рыжеволосому пареньку, не повезло — под ногами оказалась небольшая ямка, выбоинка в каменистой почве. И он, как ни старался, не мог ни на что опереться... Хрипел, задыхался, тело извивалось, словно рыба, повисшая на леске. Олег не мог вспомнить, как его зовут, покрасневшее искаженное лицо было испачкано копотью, однако казалось смутно знакомым. Но не из их взвода, точно.

— Вот так подышают крысы! В дерьме! — Ротмистр махнул рукой, пушка вновь поползла вверх.

Олег попытался отвернуться, но его больно ткнули стволом в ребра, конвоир рывкнул:

— Смотреть! Смотреть, гнида!

Он смотрел... Смотрел на долгую, тягостную агонию. Смотрел, пока не стало ясно: едва заметные движения казенных — не их последние судороги, но всего лишь оптический эффект, преломление лучей в раскаленном воздухе.

Пушка опустилась совсем низко, чуть ли не ткнувшись в землю дульным тормозом. Не то егеря, не то гренадеры вынимали тела из петель. Но сами петли не отвязали от ствола...

НЕ ОТВЯЗАЛИ!

Олегу хотелось заорать, когда он понял, что это значит. Но крик не вырвался из спекшихся, потрескавшихся губ — казалось, что глотку уже стиснул толстый черный провод.

Их осталось семеро — и отбирать кандидатов на казнь теперь не было нужды.

— Не бойсь, коммуняка, — сказал фельдфебель, затягивая петлю на шее Олега. — Все там будем, кто пораньше, кто чуток позже...

«Это все не со мной, не со мной...» — в такт оглушительному пульсу стучала мысль в голове у Олега.

Не с ним... Сейчас он проснется, откроет глаза в идущем на посадку десантном глайдере, а еще лучше — на жесткой койке в их курсантской казарме, от оглушительного вопля дневального: «Рота, подъем!!!» Как же он раньше ненавидел этот вопль... И до чего же хотел сейчас его услышать...

Но вместо этого услышал негромкое жужжание механизма, приводившего пушку в движение.

Кто-то рядом закричал — истошно, без слов, на одной высокой ноте. Олег молчал. Крепко зажмурился и втянул воздух, много-много, полную грудь. Ведь чудеса случаются... Иногда, очень редко, не со всеми, но все же случаются... Так почему бы не случиться одному малюсенькому чуду здесь и сейчас? С ним, с Олегом? Многого он не просит, самое простенькое чудо — оборвавшийся провод, например... Ведь если при казни обрывается веревка, второй раз вешать вроде бы не полагается?..

Провод надавил на кадык, и давил все сильнее, Олег приподнялся на носки, и тут...

И тут случилось чудо.

— Отставить! — прозвучала громкая команда.

7. Каюта была освещена светильниками, имитирующими свечи, и имитирующими довольно удачно.

Несвицкий поднял фужер, посмотрел сквозь него на псевдосвечу — прилипшие к хрустальным стенкам пузырьки отнюдь не показались покрытыми радужной пленкой... Шампанское натуральное, не синтетик.

— Странно, что из всех планет Эридана, где прижился земной виноград, настоящее вино получается лишь на Троице... — задумчиво сказал полковник.

Сказал лишь для того, чтобы хоть что-то сказать. Он понятия не имел, зачем его пригласил в свою каюту барон фон Корф спустя час после завершения военного совета, но подозревал: не просто для того, чтобы всего лишь угостить шампанским.

— Вы уверены, Михаил Александрович? — поднял бровь хозяин каюты.

— В чем уверен? В том, что производимый на Александре или Славоросе продукт вином является лишь по названию? Да, уверен.

— Я, собственно, не о том... Наше знание о том, что настоящее, а что нет, — уверены ли вы в нем? Вино — лишь частность...

— Знания человеческие конечны и ограничены, — крайне обтекаемо ответил полковник. — Лишь Господь может претендовать на обладание полной и всеобъемлющей истиной.

Несвицкий сделал крохотный глоток, шампанское перекатывалось во рту, и он несколько секунд ждал, что левый глазной зуб пронзит сейчас короткая и острая вспышка боли.

Боль не появилась... Микродатчик, имплантированный в ткань зуба, не обнаружил никаких посторонних примесей к вину. Несвицкий наконец проглотил напиток, ставший теплым и безвкусным.

Стоило ожидать именно такого результата теста... Он уже догадался, что фон Корф принадлежит к родственной службе, только к флотской. Следственно, капитан второго ранга должен понимать, что полковника «черной гвардии» одурманить химическими способами не так-то просто... Да и физическое психотронное воздействие если и возможно, то уж незаметным для объекта его никак не сделаешь.

Меж тем хозяин каюты развил свою мысль:

— Мы ведь живем в достаточно условном мире, не находите, господин полковник? В мире, который наши предки четыре с половиной века назад не восстановили, не склеили из осколков чего-либо, реально существовавшего и недавно утраченного... Нет, Империю воссоздавали даже не по смутным о ней воспоминаниям, никто на седьмом «Ковчеге» не мог ее помнить. Эриданская Империя — воплощение идеализированной мечты об имперской идее. Причем мечты людей, никогда не живших в настоящей Империи, в той, прежней, Российской... Не от этого ли все наши беды? Обычно мечты утопистов и прожектеров остаются мечтами. Но в нашем случае имело место исключение из правил. Исключение, не имевшее прецедентов в земной истории. В руки мечтателям попало мощнейшее средство для воплощения их мечты: «Ковчег-7». Некое протояйцо, некий зародыш новой цивилизации... И мне порой кажется, что упомянутое яйцо подложили не под ту наседку.

«А ведь это проверка», — понял Несвицкий. Каюта напичкана записывающей аппаратурой, сомнений быть не может... Вопрос в другом: кто проверяет и с какой целью? Лично кавторанг? Едва ли... Или всё затеяно с ведома и благословения руководства флотской контрразведки? И осведомлено ли высшее флотское начальство об этой акции?

— Мне кажется, Николай Оттович, три века развития Эридана доказали жизнеспособность выбранной модели, — сказал полковник все так же осторожно. Но шампанское отхлебнул уже гораздо смелее, с удовольствием.

— Ой ли? Не свидетельствует ли сегодняшнее совещание об обратном? Мы ведь сегодня решали страшную вещь, если вдуматься: как минимизировать потери — сколько людей можно позволить убить, чтобы как можно быстрее добраться до ресурсов, необходимых для истребления новых миллионов!

«Да он что, под красные знамена меня вербует?!» — несколько растерянно подумал Несвицкий. Не может все быть настолько примитивным...

— К нашим противникам подобная логика применима в еще большей степени, — сказал он. — Те, кто контрабандой протащили на «Ковчег» коммунистические идеи, тоже никогда не жили при своем вожденном строе. Даже в самом мягком его варианте. Общество, что они построили там, — Несвицкий показал пальцем на переборку, хотя не был точно уверен, что именно в той стороне от джамп-базы расположена Елизавета, — тоже воплощение утопической мечты. Только очень кровавой мечты. Безжалостной. Уж они-то, будьте уверены, считать потери и минимизировать жертвы не озаботятся.

Он выдержал паузу. Затем ответно забросил удочку в мутную воду мутного разговора. Профессионал, если он хороший профессионал, даже на собственном допросе должен постараться получить максимум информации от допрашивающих его... А здесь и сейчас происходит даже не допрос — непонятная пока провокация.

— На Новом Петербурге мы захватили архив генохранилища, — сообщил полковник. — И были поражены... За сорок лет своего хозяйничанья коммунисты израсходовали половину от тех генетических запасов, что мы истратили за три века. Не освоив, не заселив при том ни одной новой планеты. Каково?

Ну-ка, как отреагирует кавторанг? Родственным службам эта информация пока не сообщалась. Лишь фигурировала в секретном докладе Его Величеству.

Фон Корф искренне удивился. Либо же весьма талантливо изобразил удивление.

— Помилуй Господи... Куда же они столько?

— Средняя продолжительность жизни в так называемом Союзе — двадцать три года, — пожал плечами полковник. — Методы хозяйствования возрождены примитивнейшие: все средства и ресурсы вкладывались в военное производство, а в остальных отраслях — механизация на уровне Древнего Египта. Никаких кибершахтеров — самые ядовитые руды люди добывали вручную. И громадные плантации обрабатывали вручную.

И каналы от моря до моря строили — лопатами и тачками. Эпидемии, голод... Чистки неблагонадежного элемента — а это многие миллионы, даже десятки миллионов жертв.

— Невероятно...

— Вы не знали? Неужели флотская разведка не держала агентурную сеть на мятежных планетах?

Несвицкий знал точно — была и есть у космофлота такая сеть. И у армейской разведки тоже... Но хотел услышать ответ фон Корфа. Полковник все еще не понимал смысл затеянной с ним игры.

— Я служил одно время по линии разведки, но в другом отделе, — пояснил кавторанг. — И всегда считал, что донесения наших агентов несколько... э-э-э...

— Корректируются в пропагандистских целях? — закончил фразу Несвицкий.

— Именно так...

— Я занимался как раз Эриданским Союзом. И заверяю вас: да, доходившая до общественности информация фильтровалась и корректировалась. Но корректировалась совсем в другую сторону! Иначе трудно было бы остудить иные горячие головы, требующие немедленного вторжения... Вторжения, на которое не было тогда ни сил, ни средств.

Он замолчал, выжидая: вернет или нет фон Корф разговор к проблеме генетических материалов?

Вернул...

— Но как они умудрились... э-э-э... освоить такое количество половых клеток? — спросил кавторанг. — Ведь в большинстве своем инкубаторы остались у нас, а создание новых — сложнейший технологический процесс и при их примитивной экономике едва ли возможен...

— В том-то и дело, что три четверти истраченных запасов они не освоили. Угробили бездарным образом. Банальное отторжение оплодотворенных яйцеклеток — и миллиарды новых жителей Империи никогда не появятся на свет. Как и миллиарды жителей Союза, впрочем.

— То есть...

— Да. Примитивнейшие операции по имплантации эмбриона — без анализов, без проверки совместимости, самым кустарным методом... Массово и втайне, без согласия приемных матерей, — женщины шли на обязательный ежегодный осмотр к гинекологу и в одной четверти случаев возвращались беременными.

— И никого не встревожил такой всплеск рождаемости?!

— Способных встревожиться добивали к тому времени в лагерях перевоспитания. Остальным объяснили: без гнета имперских кровопийц, под мудрым руководством партии... Ну и так далее.

— Но ведь тогда дети у них рождались... — начал было фон Корф и вдруг осекся.

Несвицкий удержался от каких-либо комментариев. Вот, значит, в чем дело... «Рождались непохожими на родителей», — наверняка именно это собирался произнести кавторанг, во внешности которого явственно просматривались кавказские черты, как-то не гармонирующие с остзейской фамилией. Дворянские роды Империи тоже пользовались донорскими эмбрионами, никуда от этого не деться. Естественно, в подобных случаях очень осторожно и тщательно подбирался генотип будущего ребенка. Но иногда случались сбои...

Несвицкий, кстати, не знал и не желал знать, естественным ли путем родила его мать. Хотя, помнится, лет так в семнадцать однажды целый вечер просидел в своей комнате перед зеркалом, обложившись снимками отца в молодости. То казалось: похож; то — вроде не очень... Потом понял: какая разница? Что это меняет? Ничего, ни отношение родителей к нему, ни его к родителям... Так до сих пор и не знал. Фон Корф, по всему судя, знал точно.

Помолчали...

Затем барон вновь наполнил фужеры и произнес:

— Мне кажется, нам стоит...

Что именно казалось флотскому контразведчику, Несвицкому узнать не довелось. Джамп-база ощутило содрогнулась, бокалы на столе тихонько дзинькнули. Псевдосвечи на мгновение погасли и тут же зажглись снова. И на тот же краткий миг возникло ощущение невесомости, затем снова заработала искусственная гравитация.

Нападение из космоса? Диверсия? Или случайная авария?

По помещениям «Святой Ольги» покатился, нарастая, мерзкий завывающий звук сирены.

— Оставайтесь здесь, господин полковник! — Фон Корф выкрикнул эти слова на ходу. Вернее, на лету, — пересекая каюту одним длинным, лишь при ослабленной гравитации возможным прыжком.

Капитан второго ранга нырнул — в самом прямом смысле слова — в отверстие мембранного люка, не дожидаясь, пока он полностью откроется.

Полковник остался один. Вновь, как давеча на космоботе, охватило чувство бессильной тревоги, ощущение полной зависимости от внешних причин, воздействовать на которые нет ни малейшей возможности...

Минуты тянулись медленно, тягуче. Хотелось куда-то пойти, что-то сделать, чем-то помочь, но полковник хорошо понимал: при любой нештатной или боевой ситуации он, профессионал совсем в других вопросах, будет лишь мешать флотским, делающим свое дело...

Джамп-база вновь вздрогнула, и еще, и еще. Не столь сильно, как в первый раз, и освещение с гравитацией работали без перебоев.

Стартовали эскадрильи перехватчиков? Едва ли... Комар, взлетающий со спины у кита, не заставит того сбиться с ноги... Или у китов ног нет? Полковник слабо разбирался в тонкостях анатомии древних, никогда не виданных животных, фигурирующих ныне лишь в идиомах и поговорках. Но едва ли громадина «Святой Ольги» отозвалась бы подобным возмущением на взлет боевых машин, крошечных в сравнении с ее размерами... Неужели ситуация потребовала боевого вылета корветов и фрегатов? Или работали орудия главного калибра?

Похоже, не авария и не диверсия. Атака. И весьма опасная.

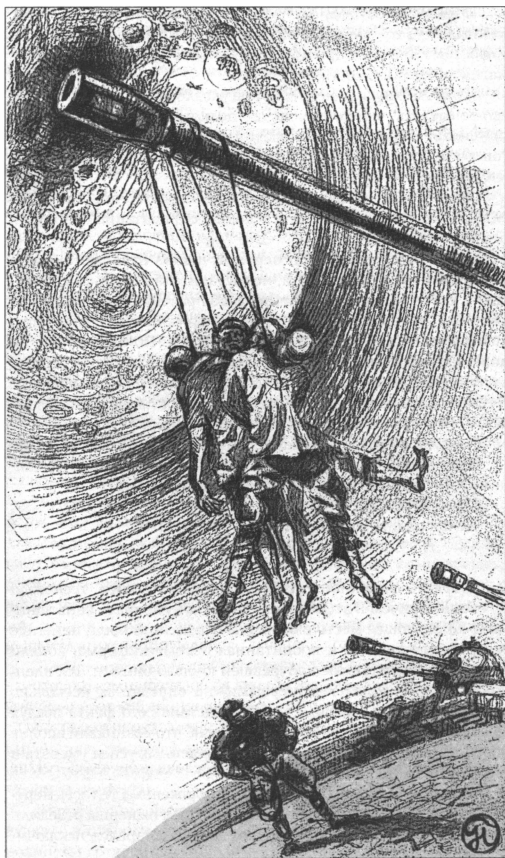
База вновь содрогнулась. Несвицкий, повинувшись внезапному импульсу, одним глотком допил шампанское.

Мало ли что...

Не пропадать же добру.

8. В трюме десантного глайдера царили темнота, теснота и вонь. Причем в этом царственном триумвирате вонь занимала лидирующее место с большим отрывом. Воняли немытые тела, воняла грязная и пропитанная потом униформа, воняли грязные и пропитанные побуревшей кровью бинты... Тех пленников, что угодили сюда первыми, на opravку за несколько часов ни разу не вывели, — и последствия сего факта воздух тоже отнюдь не озонировали. Воняло так, что возникали вполне обоснованные подозрения: кое-кто из пленных успел умереть и сейчас стремительно разлагается...

Олег понимал: едва ли среди тесно уложенных тел есть мертвецы, всех тяжело раненных сразу после боя имперцы отделили и куда-то отправили. Понимал, но дышать старался исключительно ртом.

Впрочем, ему-то грех жаловаться... После того как тебя вынимают из петли за считанные секунды до смерти от удушья, очень хорошо осознаешь: самый зловонный воздух лучше, чем никакой.

...Когда Олег — задыхавшийся, почти уже не касавшийся ногами земли, — услышал громкую команду: «Оставить!», он поневоле распахнул глаза. И увидел еще одного подошедшего офицера. В отличие от танкистов и егерей-гренадеров, тот с ног до головы был в черном: начищенные, сверкающие на солнце черные сапоги, черный мундир, черная фуражка — кокарда на ней сияла ослепительным блеском и изображала оскаленную собачью голову. Значение этой эмблемы Олег помнил хорошо: «Стальные Псы», полевые части Корпуса жандармов. Самые страшные палачи среди имперцев... Умзар, прежний их командир, не раз говорил: «Много на войне вещей есть, что и врагу не пожелаешь, но на любую из них соглашайтесь, лишь бы с собаками теми железными не встретиться...» И вот довелось встретиться... После первого и последнего боя. «Опустить пушку», — скомандовал Пес уверенно, словно бы и не замечая взбешенного, налившегося кровью ротмистра, до сих пор стискивавшего пистолет. И пушка поползла вниз, давление на глотку ослабло... А ротмистр молчал. Злобно мерялся с черным взглядом, но молчал... Что между ними произошло потом, Олег не знал: когда с шеи снимали петлю, всё вокруг стало красным, не только нависшее над головой небо, — и камни, и белый мундир танкиста, и черный мундир жандарма... Стало красным и исчезло.

Очнулся Олег только здесь, в вонючем до невозможности трюме десантного глайдера. Все повторялось, как в дурном сне: снова он лежал у самого борта, чуть не уткнувшись в него носом, а глайдер куда-то летел... Но теперь не горел свет, не было оружия, шлема и вещмешка. Не было ничего, лишь темнота и неизвестность. И жуткая вонь в придачу...

А потом кое-что появилось. Небольшое, острое... Появилось и тут же больно укололо запястье Олега.

Он зашипел от боли. И спросил срывающимся шепотом:

— Ты чего? — шептал машинально, и без того сообразив: лежащий рядом сосед пытается что-то сотворить с путами, до сих пор стягивающими запястья Олега.

Ответ прозвучал не сразу, и слова донесли тихие и невнятные:

— Спокойно лежи, руками не дергай...

Он не дергал... За спиной продолжалась работа, время от времени острый кончик непонятно какого инструмента ранил кожу,

но Олег старался не шевелить руками. Хотя не понимал, в чем смысл усилий: когда их погонят из трюма, конвоиры сразу увидят, что у одного или у нескольких пленников руки свободны... Попытаться разоружить охрану? Нет уж, тут не стереомультик про Владлена Октябрёва... К тому же казалось, что работа над его оковами длится долго, очень долго, а результат — ноль.

— Рви! — так же невнятно приказал голос за спиной.

Олег напряг мышцы. Никакого эффекта... Напряг еще раз, изо всех сил, до хруста в костях, — бац! — освободившиеся руки ударили в разные стороны. Одна угодила в пол, другая во что-то мягкое, — судя по приглушенному мату, прямоком в лицо человеку, освободившему Олега.

Он заворочался, тяжело и неуклюже. С трудом перевернулся на другой бок.

— Бери! — Что-то острое и невидимое снова ткнулось в него, на сей раз в грудь.

Олег слепо зашарил в темноте, сначала нащупал чужое лицо — скулу, нос — потом пальцы наткнулись на небольшой предмет, зажатый в зубах невидимого человека.

Взял, попытался понять, что оказалось в руках... Какой-то инструмент... Маленький напильничек или надфиль.

А то даже и пилка для ногтей — видел такие в исторических фильмах, почему-то там старорежимные модницы обязательно курили папироски через длинные-длинные мундштуки и полировали при этом ногти такими вот изящными инструментами... Хотя едва ли все-таки пилка, не летают, наверное, имперские барыни в темных и вонючих трюмах.

— Режь быстрее! — нетерпеливо скомандовал непроглядный мрак. Человек, освободивший Олега, перевернулся и представлял теперь свои руки.

— Товарищи, а нас-то? Развяжете? — послышался из темноты другой голос.

— Развяжем! Всех, кого успеем! — пообещал первый невидимка.

«Зачем? В чем смысл?» — хотел спросить Олег и не спросил. Нет тут никакого смысла... Обшивку борта этакой фитюлькой все равно не проковырять. Да и удалось бы каким-то чудом — и что дальше? Сигануть вниз без гравитюта?

Но вслух свои сомнения он не высказывал, торопливо работал не то пилкой, не то надфилем. Пластиковые оковы поддались быстрее тех, что сковывали до недавнего времени запястья Олега. Все-таки пальцы куда лучше зубов управляются с инструментами...

— Уф... — сказал человек, стряхнув развалившиеся кольцо. — Ну, теперь повоюем...

— Товарищи! — требовательно напомнила о себе темнота. И пришлось нащупывать и резать еще одни пути...

Затем пилка перекочевала к вновь освобожденному, а Олег все-таки спросил у того, первого:

— И что теперь? Как выбираться?

— Увидишь. Главное — с глайдеру вылезти... Не щас, позжей, перед самой посадкой. Когда скорость он погасит и над самой землей на антиграве поползет. А ежели не успеем, и приземлится, — всё, тогда, каюк, не уйти. Небось, не дураки там встречаются, оцепят так, что и мышь не проскочит.

— Да как же ты вылезешь?! — спросил из темноты сиплый голос. — Стену башкой продолбаешь?

— Есть тут лазейка... Я сам-то с этой лайбы, бортмеханик.

— Так глайдер наш, что ли? — удивился Олег. — Захваченный?

— Ну так... Имперские токо номер с эмблемой замазали, да тут же в дело лоханку и пустили.

Бортмеханик легонько ткнул в плечо Олега, спросил:

— Как зовут-то?

— Олег.

— Старорежимное вроде бы имечко... — изменившимся тоном произнес невидимый бортмеханик. — Из лишенцев, что ли?

— Какое еще старорежимное? — возмутился Олег. — Октябрь — Ленин — Галактика, понял?!

— А-а-а... Тогда другое дело... А я Дагар, стало быть. Ну вот и познакомились. Жаль, обмыть это дело нечем...

После небольшой паузы бортмеханик изменил тон:

— Подымайся, на корточки садись... Место нужно свободное, тут, у борту. — Он повысил голос. — И вы, кто может, подымайтесь! Освобождайте место, стало быть!

...Дагар возился у бортовой обшивки, негромко позвякивая металлом о металл, — надо полагать, сумел сохранить еще какой-то инструмент в кармане. Что именно он делал, Олег не мог разглядеть во мраке. Но надежда появилась, и немалая. О механиках парка боевых и транспортных машин, приписанного к училищу, ходили легенды — об их изобретательности и ловкости, особенно в вопросах, касающихся выпивки... Чего стоила одна лишь эпическая сага о самогонном аппарате, созданном на базе охладителя штурмового гаус-орудия (причем охладитель вполне исправно продолжал выполнять и

прямые свои функции). Да и вообще, чтобы заставить старую, чиненую-латаную технику, отслужившую свой срок в войсках, без сбоев ездить, летать и стрелять, надо быть если не техническими гениями, то уж точно мастерами на все руки.

— Старая лайба, обшивка тут малёха того, на соплях висит... — приговаривал бортмеханик, продолжая свои манипуляции. — А мы щас те сопельки отковыряем...

И тут все надежды рухнули. Со свистом. Так, что внизу живота похолодело от неприятного чувства невесомости...

Нет, на самом то деле не рухнуло ничего, — просто глайдер резко пошел на снижение. Хотя свист действительно имел место, издавала его щель, появившаяся трудами Дагар в месте крепления обшивки к шпангоуту. Не рухнуло ничего... Но надежды не стало.

Бортмеханик в сердцах ругнулся:

— Мать моя революция... Чуток ведь совсем не поспел!

Из темноты послышались голоса, разочарованные и злые.

— Ша, братва! — перекрыл всех Дагар. — Слушай сюда! Как щас антиграв замявкает, — так на стенку валимся, всем скопом! Выдавим, не устоит! Куда, мудрила?! Рано! В лепеху расшибешься! А щас тихо! Слушаем!

Снизившийся глайдер сбрасывал скорость, и вскоре антиграв «замявкали» — издаваемые им звуки действительно напоминали негромкое кошачье мяуканье.

— ДА-Ё-О-О-О-ШЬ!!! — истошно завопил бортмеханик.

Олег уперся плечом в обшивку, надавил. Другие навалились на него, притиснули к борту, сильно, до хруста в костях.

— Й-Ё-Ё-Ё-Ё-Ё... — вопил над ухом Дагар. Сзади еще кто-то что-то орал, слов не разобрать...

И обшивка подалась!

Поползла сначала медленно, почти незаметно, со скрежежом, словно открывающаяся дверь, петли которой намертво приржавели.

Затем «дверь» — быстро, рывком — распахнулась. Люди посыпались наружу.

Падать пришлось с высоты в пару метров. Не страшно, если имеешь возможность подготовиться, сгруппироваться, амортизировать ногами удар... Олег же рухнул вниз, как куль с песком, — только и успел выставить руки, прикрыть лицо от удара о бетон взлетно-посадочной полосы.

Сверху рухнул кто-то еще, больно врезав между лопатками, — не то коленом, не то головой, Олег не разобрал.

Остальные, слава революции, падали дальше, по ходу движения глайдера — ни дать, ни взять горошины, посыпавшиеся из прохудившегося мешка на дорогу.

Вокруг была ночь или самое раннее утро — темноту рассеивали две редкие цепочки фонарей, протянувшиеся по краям ВПП, впереди, в полукилометре, виднелась группа скудно освещенных строений. «Хорошо, что не день», — мелькнула мысль у Олега. На ярком солнечном свете после кромешной тьмы трюма он бы просто-напросто ослеп...

Пилоты глайдера заметили побег. Машина пролетела еще сотню метров и развернулась в крутом вираже, устремилась обратно.

Олег к тому времени соскочил с взлетной полосы и тут же залег рядом с ней. С большим трудом поборол желание нестись в темноту сломя голову, не разбирая дороги. Присмотрелся и понял: слева, почти вдоль самой ВПП, высится густое проволочное заграждение. Справа — ровное открытое пространство, но насколько далеко оно тянется, в темноте не разглядеть.

Именно туда, направо, побежали остальные беглецы. Вернее, кое-кто бежал, а кое-кто нелепо ковылял со стянутыми за спиной руками, — этим, не успевшим освободиться от пут, наверняка досталось при падении больше других.

Олег же быстро пополз к колючей проволоке. Яснее ясного, что они внутри периметра какой-то военной базы, захваченной имперцами. И беглецов переловят, как мечущихся по загону баранов. Единственный крохотный шанс — уйти в одиночку, сполна использовав время, которое потратят имперцы на охоту за остальными...

За спиной стреляли — короткими, скупыми очередями. Наверное, экипаж десантного глайдера... Откинули колпак и пустили в ход личное стрелковое. Оборачиваться и проверять свою догадку Олег не стал, каждая секунда на счету...

Проволока оказалась старая, ржавая, но голыми руками все равно не порвать... Однако за последний год Олег сталкивался с самыми разными препятствиями, отделяющими курсанта от возможности совершить вылазку в город, не санкционированную начальством. И неплохо научился преодолевать те препятствия...

Расчет оказался точным: прополз вдоль заграждения пару-тройку метров и обнаружил небольшую ямку, достаточную, чтобы протиснуться под колючкой. Вообще-то такие неровности рельефа, способные послужить лазейками, полагается заливать пенобетоном, но... Но работу эту выполняют солдаты, тоже бегающие в самоволку. И особо не перетруждаются.

Олег ужом просочился под проволокой, чувствуя, как шипы раздирают на спине форму, царапают тело... Нет, эту ямку явно никто еще в аналогичных целях не использовал...

Кое-как протиснулся, бросил быстрый взгляд назад. Стрельба там стала гуще, к глайдеру присоединились и включились в охоту еще три или четыре наземные машины, их прожектора раздирали темноту колоннами слепящего света.

Хотелось вскочить на ноги, побежать — Олег сдержался. Быстро пополз в прежнем направлении... Раз его не заметили сразу, глупо впадать в панику и подставляться под прожектора и пули.

Как выяснилось, он ошибался — его все-таки заметили. И выяснилось это очень скоро.

Одна из машин отделилась от остальных, вернулась к тому месту, где выпрыгивали беглецы. Подкатила к самой колючке, светила прожектором — как раз в сторону затаившегося Олега. Он уже не полз — лежал, плотно-плотно втиснувшись в траву. Огромное пятно ядовито-белого света напоззло, осветило все вокруг, можно было разглядеть каждую травинку. Источник света располагался невысоко, и мельчайшие неровности почвы давали тени — черные, очень вытянутые, Олег надеялся, что они замаскируют, спрячут, спасут...

Световое пятно прекратило свое медленное движение. Загрохотал усиленный мегафоном голос:

— Поднимайся! Руки за голову!

Олег прикусил губу, больно, до крови. И лежал, не шевелясь. Ему показалось, что лежит он все-таки не в самом центре высвеченного пятна, а ближе к краю. Может, имперцы берут на испуг? Лишь делают вид, что заметили его?

— Вставай, говорю! Пристрелим ведь! — в голосе появились нетерпеливые нотки.

Олег лежал. Накатило странное какое-то равнодушие к собственной дальнейшей судьбе. Пристрелят? Пусть! Разрежут проволоку, подъедут, поднимут пинками и снова скрутят руки? Пусть... Пусть делают, что хотят. А он не шевельнется.

Кажется, мегафон прогрохотал что-то еще... Олег отключился, не вслушивался. Внимательно разглядывал оказавшуюся перед носом метелочку остролиста, зачем-то начал считать крохотные, прижатые к стеблю соцветия. Чет или нечет? Жить или умереть?

До конца сосчитать не успел. Пятно света рывком сдвинулось — теперь прожектор светил далеко вперед: вправо-влево, вправо-влево...

Слышались голоса, другие, негромкие, — похоже, имперцы не отключили свой матюгальник, но говорили не в его микрофон, а между собой. Один кусочек фразы Олег расслышал: «...точно, один сюда...», — и понял, что ничего не закончилось. Патовая ситуация — они не видят его, он не может пошевелиться — долго не продержится. Обязательно должна быть у охраны базы техника, обнаруживающая людей, для которой темнота не помеха. И ее наверняка подвезут, лишь только покончат с остальными беглецами.

Выстрелы грянули неожиданно — длинная очередь из чего-то крупнокалиберного. Прожектор светил в сторону, и Олег понял: стреляют не в него. Быстро взглянул в освещенный сектор, успел заметить в отдалении еще один ряд колючки и темную фигуру рядом с ним — падающую с нелепо раскинутыми руками...

И все закончилось. Прожектор погас. Машина взревела мотором, развернулась и быстро покатила туда, где до сих пор раздавались выстрелы.

Вот как... Значит, кто-то из беглецов совершил тот же маневр, что и Олег. И получил предназначенную Олегу пулю. Может, еще жив? Но наверняка тяжело ранен — падал тяжело, мертво, живые залегают совсем не так...

Олег понимал, что вытащить отсюда раненого не сможет, далеко с такой ношей не убежать, не уползти... Но отчего-то быстрыми перебежками двигался туда, где упал спасший его человек.

Легко мог промахнуться в темноте, направление запомнил лишь приблизительно. Однако повезло — споткнулся о лежащее тело. «Или не повезло?» — мелькнула нехорошая мыслишка.

— Жив? — спросил Олег негромко.

Молчание. Он наклонился, пощупал... Что за чертовщина... Зимняя шинель, разодранная пулями, а под ней...

Он засмеялся — тихо, почти беззвучно.

Спас его не человек... Чучело. Пугало. Такие же подобия людей, облаченные в старую списанную форму, стояли и вокруг взлетно-посадочной полосы их полигона, отпугивали воргалов: эти четырехкрылые создания летают большими стаями и если столкнутся в воздухе с боевой машиной, набьются в воздухоприемники штурмовика или бота, — всё, конец вылету, совершай вынужденную посадку.

Наверное, с ним случилась затяжная истерика, — не удивительно после такого дня и такой ночи... Олег смеялся и не мог остановиться. Смеялся, когда сдирал с манекена шинель

и набрасывал на колючку. Смеялся, когда перелезал. Смеялся, когда шлепал по воде небольшого ручейка, уже за периметром базы. И, долго шагая ночной степью, тоже продолжал негромко подхихикивать.

А когда перевалил невысокий холм и увидел внизу город — дома, освещенные самыми первыми лучами восходящего солнца, — захохотал в полный голос.

Жив... Самое главное — жив. Город наверняка уже заняли имперцы — неважно... Найдет подпольщиков, уйдет к партизанам, будет драться... Мы, господа кровопийцы, свою новую жизнь никому не отдадим, и не мечтайте.

Мы никогда не сдадимся!

Ужас мореплавателей

*(Из рукописей, найденных
в библиотеке дона Бласко
Эсперанса де Сильва)*

...но начало похода не предвещало никаких неприятностей. Мы держали курс на северо-запад, к Багамским островам, и попутные ветры делали наш путь быстрым и спокойным. Именно там находился загадочный остров Вечной молодости — цель нашего путешествия. Согласно поверьям, испив из источника, что бьет на острове, люди возвращают утраченную юность и восстанавливают здоровье.

Нас не преследовали бури, нам не попадались встречные суда, пищи и воды было достаточно. Наша небольшая эскадра состояла из двух кораблей: крупной каракки «Санта-Каталина» и небольшой каравеллы «Монашка». Оба вверенных мне корабля были в хорошем состоянии.

Через несколько недель плавания впередсмотрящий заметил вдали паруса неведомого судна. Подойдя поближе, мы увидели знакомый испанский флаг и обрадовались, встретив соотечественников столь далеко от родных берегов. Однако когда мы подошли поближе, надеясь узнать новости, испанский флаг был быстро спущен, а взамен него взвился британский. Это были английские корсары, подло заманивающие испанские суда...

Вынужден отдать должное храбрости этих мерзавцев: видя, что «Монашка» серьезно отстала, они навязали нам бой, надеясь быстро уничтожить порознь.

Я приказал команде готовиться к битве. Не успел я отдать это распоряжение, как борт корсара окутался дымом, и над

тихим морем громыхнул пушечный залп. Первый выстрел вражеского галеона был неудачным — ядра пролетели высоко над нашими головами.

В этот момент прямо под бортом англичанина появилось странное оловянно-серое пятно, которое резко выделялось на зеленой поверхности моря. Из-под воды выглянула крупная голова, похожая на змеиную, которая внимательно оглядела вражеское судно. Над морем разлилось облако зловония...

Я сразу узнал его! Это был Sea Serpent — Морской змей, ужас мореплавателей. Должно быть, пресмыкающееся встревожил звук пушечного залпа, раздавшийся в полуденной тишине.

Змей внимательно рассматривал британский корабль, давая и нам возможность разглядеть его. Есть ли на свете более ужасное создание? Казалось, сам ад разверзся и явил нам чудовище из своих пучин. Шея Змея возвышалась над водой на добрых двадцать футов. Основная часть его тела была скрыта водой, но и того, что возвышалось над морем, было достаточно, чтобы оценить циклопические размеры зверя. С черной головы свисали длинные шевелящиеся усы, а крупные темные глаза блестели красноватым огнем. Грива животного, в которой запутались водоросли и мелкие рыбешки, волнообразно шевелилась. Весь облик подводного исполина вызывал ужас и трепет. Я тысячи раз встречал изображения Морского змея в книгах, но увидеть его живьем довелось впервые...

Корсары тоже заметили незваного пришельца. В этот момент галеон как раз совершал поворот, чтобы повернуться к нам бортом с заряженными орудиями, и Морской змей, всплывший между судами, представлял собой отличную мишень.

Раздался грохот залпа.

От пушечных ядер, ударивших в упор, Змей вздрогнул. Над водами раздался оглушительный рев раненого чудовища. Море всколыхнулось... Разъяренный Змей широким и могучим рывком перекинул гигантское тело через корпус галеона, раздался оглушительный треск ломающегося дерева, и в то же мгновение английское судно скрылось в глубинах океана...

Через несколько секунд буруны успокоились, и только мусор на поверхности моря напоминал о корабле, населенном пусть и преступными, но Божьими созданиями. Не желая подвергать риску команду и вверенные мне суда, я поспешил покинуть опасные воды.

К вечеру погода ухудшилась, поднялся ветер и начался дождь. С каждым часом ветер крепчал, на вершинах волн

появились белые барашки — верный признак, что волнение усиливается. Небо опускалось ниже, быстро темнело, и вскоре мы не могли увидеть даже кончиков мачт. Шторм разыгрался нешуточный.

Стояла тьма, разрезаемая редкими вспышками молний. Один лишь грохот волн, бивших о борт и бросавших корабль из стороны в сторону, оставался напоминанием, что мы на Земле, а не в аду...

Примерно к середине ночи, в мою каюту спустился помощник. Он доложил, что во втором трюме обнаружена течь. Я поспешил за ним. Картина, открывшаяся мне, напоминала изображения Страшного суда. Ветер гнул мачты, грохотал гром, капли дождя, острые как иголки, хлестали по лицу. Стояла глухая ночь, и даже на расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Почти на ощупь, рискуя быть смытыми за борт и определяя направление во время вспышек молний, мы пробрались во второй трюм.

Течь в трюме была серьезной. Непрестанные удары волн вызвали расхождение досок, из щелей хлестала вода, было уже по колено, а буря и не думала прекращаться. Я приказал всем свободным матросам заняться откачкой воды...

Вода прибывала медленно, мы могли бы держаться на плаву, и я не терял надежды, всецело полагаясь на Господа нашего, но когда мне доложили, что вода появилась и в первом трюме, я понял, что «Санта-Каталине» осталось недолго.

Помпы не справлялись. Все матросы, поочередно сменяясь, качали воду. Обеспокоенный судьбой судна, я приказал офицерам стать к насосам и первым подал пример. Но все было тщетно. Господь оставил нас...

Когда небо начало сереть в свете приближающегося утра, на палубе раздался ужасный треск и грохот. Я поспешил наверх и с трепетом увидел, что грот-мачта, не выдержав бешеного напора ветра, обрушилась на палубу.

Положение наше ухудшилось до крайности. Штормовой парус не мог больше удерживать судно по ветру, грот-мачта, сложенная бурей, повисла на снастях, развернув каракку бортом. Матросы уже рубили канаты, пытаясь освободиться от груза...

В этот момент особенно сильная волна ударила в борт. «Санта-Каталина» задрожала с леденящим душу треском и, переломившись пополам, начала погружаться в пучину.

Бешеный водоворот подхватил меня, протаскил по палубе и швырнул в море. Я закричал от ужаса, но крик утонул в раскате грома. Взмахнув руками, я мысленно попрощался с жизнью.

Но Господь не оставил меня. Под руку мне подвернулся обломок мачты, и я вцепился в него изо всех сил, понимая, что в нем моя единственная надежда. На этом куске дерева, посланном мне Богом, сохранились остатки такелажа, и я, ежесекундно рискуя сорваться в бушующую бездну, привязал себя к нему так крепко, как мог.

Утро нового дня застало меня в незавидном положении. Едва переводя дух в моменты, когда волна отступала, я совсем изнемог и благодарил Небо за счастливую мысль привязать себя к обломку мачты, пришедшую ко мне сразу. Сейчас я был бы уже не способен на это...

Весь день и всю следующую ночь продолжала бушевать буря. Тысячу раз я успел попрощаться с жизнью, когда заметил, что шторм стихает. К полудню волны стали пологими, и я смог перевести дух. В разрывах туч блеснуло солнце, и с его животворными лучами надежда вновь вспыхнула в моей душе.

Меня начала мучать жажда, я понимал, что единственное спасение — встретить сушу. Когда волнение стихло настолько, что я мог не опасаться, что меня оторвет от спасительного обломка, я ослабил свои путы и, приподнявшись над поверхностью моря, насколько мог, осмотрелся.

Вы можете мне не поверить, но я увидел остров. Небольшой клочок суши, но с лесом — верхушки пальм зеленели над белой полосой прибоя. Здесь можно жить хотя бы некоторое время, а там Господь пошлет мне помощь...

Ни секунды более не раздумывая, я отвязался от обломка мачты, больше суток бывшего моим пристанищем, и поплыл к острову.

Этот островок оказался поистине земным раем. Само милосердное Небо направило мой обломок сюда. В том месте, где я выбрался, в море впадал небольшой ручей. Первым делом я утолил жажду и подкрепился фруктами. Пару дней я отдыхал, питаюсь плодами и устрицами, запивая эту нехитрую снедь свежей водой. Со мной остался морской кортик — непременная принадлежность всякого офицера флота. Огниво, по давней привычке, тоже всегда было со мной. Имея огонь и оружие, я чувствовал себя готовым к любым неприятностям, которые пошлет мне судьба.

Незаметно промелькнуло несколько дней, и вот, наконец, я почувствовал в себе силы и желание исследовать остров. Утром, позавтракав обычным набором яств, я отправился осматривать свои владения.

Остров оказался относительно небольшим... Как я и ожидал, он был необитаемым, во всяком случае, никаких следов людей я на нем не обнаружил. Я обошел его за полдня, лишь лагуна в западной части острова осталась неисследованной.

На следующий день я направился туда. Подходя к лагуне, я услышал странные звуки, похожие на рокот прибоя, но одновременно отличные от шума волн... Казалось, кто-то тяжело дышал. Звук был настолько громким, что я сразу понял: человек так дышать не может. Каждый вздох сопровождался глухим стоном. Казалось, будто дыхание доставляет неведомому существу неимоверные страдания.

Осторожно выглянув из-за прибрежной скалы, я снова увидел его.

Sea Serpent лежал в бухте. Его огромное тело распласталось на прибрежном песке, частью находясь в воде. Должно быть, прилив выбросил морского исполина на сушу и, отступив, оставил на берегу.

Похоже, это был именно тот зверь, что уничтожил корабль корсаров: ядра, выпущенные англичанами, причинили гиганту серьезные повреждения. На его иссиня-черной спине хорошо были видны раны, только-только начавшие затягиваться. Кровь струилась из правого бока... Я вышел из-за скалы, не желая больше прятаться...

Увидев меня, Sea Serpent не шевельнулся, лишь посмотрел странным взглядом. Даже сейчас Змей внушал ужас. Его черное тело, как исполинская труба, лежало на белоснежном песке лагуны.

Гигант, в мгновение ока уничтоживший крупное судно, представлял сейчас жалкое зрелище. Стоны, вырывающиеся из его ужасной пасти, наполнили мою душу состраданием. Вы можете осуждать меня, но мне стало жалко Змея. В конце концов, разве Господь не завещал нам быть милосердными к тем, кто попал в беду?

Я боялся приблизиться к нему, понимая, что помощь такому огромному животному может оказаться губительной. В то же время ждать было некогда. Этому зверю было плохо, а я, наверное, мог бы помочь ему...

Мысленно попрощавшись с жизнью, я подошел к чудовищу, содрогаясь от неприятного запаха. Змей никак не ответил на мое приближение, хотя, конечно, видел и слышал меня. Наверное, он настолько ослабел, что его охватило безразличие, собственное и людям при большой потере крови.

Кровь струилась из-под правого переднего плавника. Подойдя поближе, я увидел, как Sea Serpent приподнял его, давая мне возможность осмотреть рану. Бесстрашно раздвинув разорванную плоть пальцами, я нащупал внутри большой осколок пушечного ядра. Кусок металла глубоко впился в мышцы зверя, царапая плавник при каждом вдохе и выдохе, причиняя неимоверные страдания. Из-за него Змей не мог двигаться и покорно лежал на песке, ожидая своей участи.

Крепко ухватившись пальцами за осколок и мысленно воззвав ко всем святым, я рванул его на себя.

Я готов был к тому, что ужасная боль пробудит в Морском змее последние силы и он убьет меня... Малейшего движения этого громадного тела хватило бы, чтобы отправить меня к погибшим товарищам.

Змей глухо заревел, но не дернулся. Рев его был так грозен, что я понял — в теле морского гиганта сохранилось достаточно мощи. Мне стало ясно: существо понимает, что я стараюсь помочь. Поэтому я дернул осколок еще раз, уже изо всех сил.

С чавкающим звуком кусок металла вышел из раны. Хлынула черная кровь, которая скоро сменилась красной. Видимо, удаление осколка принесло пресмыкающемуся облегчение — Sea Serpent больше не стонал.

Теперь надо остановить кровь.

Бросившись на берег, я схватил охапку морской травы из кучи на берегу и поспешив к Змею, затолкал в рану несколько больших пучков. Скоро я увидел, что кровотечение стихает.

До вечера Змей лежал на песке, а когда настал час прилива, медленно отплыл от берега. На большее у него, видимо, не хватало сил. На следующий день, когда вода отступила, у Змея хватило сил остаться в воде. Я понял, что дело пошло на поправку. Завязав рукава на своей единственной рубашке, я поймал этим странным сачком несколько рыб, а Змей внимательно наблюдал за моими действиями. Когда я положил рыб перед ним, он с жадностью проглотил их. Еще бы, такому гиганту было нужно не пять-шесть рыбок, а огромный косяк. Но другой пищи у меня не было...

Сам я уже давно питался фруктами и только мечтал о мясе. Но, в отличие от морского животного, я мог довольствоваться плодами, и потому всю пойманную рыбу отдавал подопечному.

Я внимательно осмотрел животное, пока оно лежало на мелководье, и прикинул его размеры. В длину оно составляет не менее двухсот пятидесяти футов. Голова очень маленькая,

относительно длины тела она составляет примерно одну двадцать пятую часть. Это не совсем змея. На самом деле, большую часть его составляет длинная шея, примерно одну пятую, но тело животного, более широкое в задней части, имеет заостренный хвост. Цвет шкуры Морского змея черный, но на брюхе она постепенно светлеет, превращаясь в желто-серый. Грива животного простирается от вершины головы до начала хвоста, а на морде есть длинные усы, природа которых осталась мне непонятной. Змей движется в воде, совершая волнообразные движения с очень высокой скоростью, и в это время прижимает плавники к бокам. Его появлению из морских пучин предшествует серое пятно на поверхности воды, и по всплытии Змей издает ужасное зловоние. Но, по совести сказать, это его единственно по-настоящему неприятное качество. В остальном же Sea Serpent не так ужасен, как о нем принято думать.

Так прошло несколько суток. Наконец настал день, когда мой подопечный сумел покинуть бухту. Мысленно я попрощался с ним, не надеясь больше встретить. Каково же было мое удивление, когда на следующий вечер животное снова появилось в лагуне. Я не ошибся, это был именно «мой» змей, я узнал его по рубцам от пушечных ядер на спине.

Змей неторопливо вошел в лагуну, и из воды появилась его ужасная голова. Обдав меня облаком зловония, Змей положил передо мной крупную рыбину. Я глазам своим не поверил. Это животное оказалось способным на благодарность! Далеко не каждый из представителей рода людского может быть благодарным, а здесь существо, считающееся адским созданием, смиренно благодарит своего спасителя. Есть чему удивляться!

С тех пор каждый вечер Змей появлялся в лагуне, неизменно принося с собой крупную рыбу. Я тут же при помощи огня добывал огонь, зажаривал рыбу на углях костра и с аппетитом поглощал ужин, принесенный мне чудовищем из древних легенд. Потом на остров опускалась тропическая ночь, а я смотрел на звезды, слушал неумолчную песню прибоя и разговаривал с Морским змеем.

Вы можете смеяться, но мы были единственными живыми существами на этом острове, если не считать безмозглых птиц. Одиночество — ужасный бич потерпевших кораблекрушение — уже начинало действовать на меня, а Змей оказался хорошим слушателем. Он всегда был рядом, и я не сомневался, что он внимает моим рассказам, равномерно сопя тяжелыми испарениями. Я делился с ним планами на завтрашний день, рассказывал

о жизни при дворе Его Величества, сообщал сведения из морской навигации, которые приходили мне в голову при взгляде на звезды, и тому подобное. Этот зверь стал моим другом и собеседником. Мало-помалу я рассказал этому монстру историю своей жизни вплоть до появления на острове. Должно быть, мы представляли собой презабавнейшее зрелище: гигантский Морской змей и человек на берегу маленького острова, затерянного в бескрайнем океане...

Люди, поистине, являются венцом творения Господа. Но почему мы так уверены, что только нам был подарен разум? Может ли быть, чтобы Господь, награждая людей этим величайшим свойством, не одарил им больше никого из своих детей? Возможно, в нашем мире есть иные существа, почти неведомые нам, но тоже разумные? Об этом я думал долгими вечерами, лежа под покровом звездного неба и слушая дыхание моего единственного друга.

Так прошло полгода...

И вот однажды Змей вернулся в лагуну не вечером, как обычно, а рано утром. Солнце едва появилось над вершинами пальм, когда я был разбужен громогласным дыханием зверя. Змей выплыл на середину лагуны и вернулся назад к берегу, затем снова проплыл в середину и опять к пляжу... Я не понял сначала, зачем пресмыкающееся совершает такие странные перемещения. При этом Sea Serpent не сводил с меня глаз, как будто хотел что-то сообщить. И вдруг я догадался: он зовет меня с собой!

Что могло угрожать мне в компании с таким исполином? Нет животного сильнее Морского змея! Пред ним и кит — жалкая рыбешка. Поэтому я, ни секунды не раздумывая, бросился в воду и схватился за гриву животного. Змей, не спеша, проплыл через пролив и оказался в открытом море. Здесь он развил полную скорость, и вскоре остров, на котором я провел полгода жизни, скрылся в утреннем тумане...

Змей нес меня все дальше в море. Не скрою, я перепугался и вскоре пожалел о своем скоропалительном поступке. Как я мог знать, зачем Sea Serpent решил пригласить меня с собой? Оставалось надеяться, что это огромное животное, не сделавшее мне ни капли зла, будет по-прежнему добрым...

Так мы плыли, вероятно, около часа. Над морем окончательно рассвело, солнце стало пригревать сильнее. Змей волнообразно извивался и влек меня в неведомую сторону. Я уже начал бояться за свою жизнь, опасаясь, что устану и не смогу держаться за гриву, когда увидел парус. Сперва я подумал, что

мне почудилось, но через несколько минут я понял — парус действительно существует, и Морской змей несет меня к нему!

Когда мы подошли настолько близко, чтобы я мог крикнуть, не опасаясь, что крик не услышат, я отпустил руку, которой держался за гриву животного. Змей, как будто ждавший этого момента, тут же скрылся в глубине.

На мой крик тут же ответили. Каравелла легла в дрейф, спустили шлюпку... Это было испанское судно, идущее в Пуэрто-Рико.

Когда меня подняли на борт, я оглянулся. Я знал, что увижу: далеко-далеко, на пределе человеческого зрения, над морем возвышалась голова гигантского Морского змея — ужаса мореплавателей...

Исход

Рассказ

Саня уцелел лишь потому, что поверил. Сразу, без оглядки.

— Уходите! — орал на бегу Володька Подлепич из второго оцепления. — Уносите ноги, кто жить хочет!

Володька пронёсся в двух шагах от Сани, с маху сиганул через окоп, упал грудью на бруствер, подтянулся на руках и через секунду исчез в ночи.

Саня вскочил на ноги. Несмотря на удушливый зной его мгновенно прошиб озноб. «Неужели началось, — метнулась заполошная мысль. — Неужели таки подставили, суки?! Подставили сотни тысяч человек».

Кто-то грузный на бегу толкнул Саню плечом, выматерился, помчался дальше. За ним через окоп перепрыгнул другой. Третий. Следующего Саня схватил за грудки.

— Пусти, гад! — парень рванулся, с треском разошёлся ворот гимнастёрки, но высвободиться не удалось — Саня держал крепко.

— Куда? — стиснув зубы, процедил он. — Куда драпашь, сволочь?

— Сам ты сволочь! Да пусти же, ну! Через час это дерьмо взлетит. Нас подставили, понял? Первое оцепление открыло по нам огонь. Гады!

И Саня поверил. Ему не надо было объяснять, что будет после того, как корабль взлетит. Выжженная проплешина от центра Москвы радиусом в шестьдесят километров, а то и во все семьдесят.

Саня на мгновение замер, ошалело глядя на юг — туда, где исполинским монстром, гигантской свечой дыбилась к небу громада корабля. Затем отпустил парня и секунду спустя бросился вслед за ним. Минут десять, надрывая жилы, мчал по нейтральной полосе. У обочины бывшего шоссе МКАД, где нейтралка заканчивалась, Саня догнал Володьку Подлепича, и в этот момент земля под ногами дрогнула. Темноту прорезало сполохами света, а вслед за светом пришёл грохот, страшный, чудовищный — то исполин запустил стартовые двигатели и из готовился к взлёту.

— Бежим! — заорал Володька. — В бога душу мать!

Под нарастающий грохот они пересекли развороченный, заросший пробившимся через бетон чертополохом МКАД и понеслись по земле изгоев. Откуда-то слева из темноты по ним дали очередь, а может, и не по ним, может, просто с отчаяния. Трассирующие пули прошли над головами и сгнули. Больше не стреляли — изгоям стало не до военных действий — им, так же, как и ополчению, предстояло уносить ноги.

Жанна брела на север вот уже третьи сутки. Она сама не знала, зачем — умереть можно было и здесь, среди выжженных зноем и пожарами лесов Подмоскovie. Бывшего Подмоскovie, криво усмехнулась Жанна, теперь уже бывшего. Три дня назад, сразу после старта «Исхода-12», город, именуемый на географических картах Москвой, перестал существовать. Так же, как до него перестал существовать Киев. А до Киева — Ростов. А ещё раньше — Новороссийск. И восемь других городов России и Украины, превращённых в гигантские космодромы и отправивших в никуда тех землян, которым выпало уцелеть. Потомков элиты, отобранной шестьдесят лет назад, когда факт, что катастрофа неминуема и человечество обречено, стал непреложным.

К полудню силы закончились. Жар стал нестерпимым, ветхие тряпки, которые когда-то считались рубахой и юбкой, липли к телу, сковывая движения. Сапоги весили, казалось, по пуду каждый. На дне фляги ещё плескалась вода, и Жанна, тяжело опустившись на обгоревший ствол, решила не экономить. До вечера ей, возможно, удастся дотянуть, но если ночью она не выйдет к реке, ей конец. А если выйдет, то тоже конец, только ненадолго отсроченный. Зимние месяцы она сможет просуществовать у воды, если, конечно,

не загнётся от голода. Но весну пережить вряд ли удастся, а лето — тем более.

Прошлым летом изгои умирали тысячами, ещё тысячи ушли на север к Санкт-Петербургу и дальше, к Петрозаводску и Кандалакше, туда, где вокруг «Исходов-13», «-14» и «-15» ещё теплились остатки цивилизации. Сколько из них дошли, неизвестно, а те, которые дошли, вряд ли живы. Прорваться через тройное оцепление элиты и раствориться среди неё удавалось лишь единицам. Да и те, вполне возможно, погибли — «Исход-12» стартовал на два года раньше срока, и улетело на нём, видимо, лишь первое оцепление, внутреннее. Ну, может быть, часть второго — как спасалось бегством третье, Жанна видела собственными глазами. Впрочем, спаслась, наверное, лишь малая толика. Те, кто не успел удрать, не захотел удрать или не стал удирать не в силах поверить, что их бросили, все легли там, и ветер вот уже третий день разносит оставшийся от них пепел.

Когда начало темнеть, Жанна была ещё жива, но сил идти искать водоём уже не было. Да и остались ли водоёмы — Дубна, у берегов которой-она провела последние годы, превратилась в ручей, готовый вот-вот иссякнуть.

Надо было умирать, и Жанна, расстегнув кобуру, вытащила из неё «макаров». Пистолет был единственной реальной ценностью, которая у неё оставалась, и семь патронов к нему увеличивали эту ценность вшестеро. Не всемеро потому, что один ей предстояло сейчас истратить.

Жанна опустилась на землю и дала себе десять минут на воспоминания. Мать. Её Жанна помнила плохо, мать ушла с поисковой партией на восток, когда дочери было всего двенадцать. Партия не вернулась, и с тех пор в землянке они остались втроём. Отец, которого не стало пять лет назад, когда третье оцепление подавило очередной прорыв на севере пулемётным огнём. Брат Ромка, тощий, глазастый и лопухий, младшенький. Жанна закрыла глаза. Прошлой зимой Ромка со сверстниками ушёл на север, а она, дура, осталась. Ромка долго не хотел уходить, всё стоял, привалившись плечом к земляной стене, и смотрел на Жанну, молча, умоляюще.

Она осталась из-за Андрея, ей казалось тогда, что с ним... Она даже подумывала завести от него ребёнка, несмотря на строжайший запрет рожать детей на погибель. Потом, когда не стало и Андрея, были ещё двое. Походные романы, отчаянные попытки урвать частицу чужого тепла перед смертью.

Всё, нечего вспоминать. Жанна с трудом поднялась, умереть почему-то хотелось стоя. Зажмурившись, обхватила рукоятку ПМ обеими руками и рванула ствол ко рту. Указательный палец лёг на спусковой крючок.

В эту секунду она увидела людей. Их было двое, мужчины, всего в ста метрах, фигуры слегка расплывались в сумеречном мареве. Первой мыслью было позвать на помощь, и Жанна уже собиралась закричать, но вовремя осеклась, разглядев на обоих форму элитного ополчения. Это были чужие, враги, и поступать с ними следовало соответственно.

Упёршись спиной в ствол умирающей вековой сосны, Жанна навела пистолет на идущего первым и открыла огонь.

Экстренное совещание руководителей проекта «Исход-13» Смирнов назначил на полночь. Без одной минуты двенадцать он уселся во главе стола и окинул быстрым взглядом собравшихся.

— Докладывайте, — коротко бросил Смирнов главному снабженцу. — Постарайтесь уложиться в пять минут.

— Мне хватит и одной, — главснаб поднялся, заглянул в бумаги. — На снабжении проекта можно фактически ставить крест. Дороги разрушены и контролируются отрядами изгоев, мы больше не можем позволить себе терять строительные бригады. Нева не судоходна, баржам не одолеть мели, впрочем, это все и так знают. Снабжение по воздуху прекращено, самолёты взлетают лишь в экстренных случаях, авиационный бензин на исходе. С внутренними ресурсами, однако, дело обстоит не так плохо. Провизии должно хватить ещё на полтора года, а с учётом уменьшения количества населения — и на два. Оборудование оставляет желать лучшего, но пока работает. Склады забиты до отказа. Арсеналы...

— Понятно, спасибо, — прервал Смирнов. — Прошу вас, генерал.

— Потери значительные, — лицо командарма сохранило бесстрастное выражение. — На передовой люди мрут как мухи. За последний год третье оцепление потеряло половину личного состава. Второе — около двенадцати процентов. Первое оцепление потерь практически не имеет.

— Спасибо. Теперь вы, профессор. Сколько времени у нас в запасе?

— Весьма приблизительно, коллега, — главный научник откашлялся. — По самым грубым подсчётам...

— Прошу вас, без предисловий.

— Извольте. Неважные прогнозы, коллеги. Средняя температура воздуха на конец апреля превысит пятьдесят градусов по Цельсию. Это почти на шесть градусов больше, чем в прошлом году. Увы, ещё через год пригодными для проживания останутся лишь отдельные области Арктики и Антарктиды. Через два — таких областей не останется. Мы, однако, далековато от Северного полюса. Итого... — профессор замялся.

— Говорите, — подбодрил Смирнов. — И без экивоков, пожалуйста. Здесь все свои.

— Что ж, скажу. Этого лета нам не пережить. Вероятно, не пережить и весны. Поэтому, — учёный сделал паузу, — если «Исход» не взлетит в марте, самое позднее в апреле, он не взлетит никогда.

Смирнов оглядел собравшихся.

— Ваша очередь, доктор, — сказал он.

Главврач Проекта начал рассказывать о мерах против массовых эпидемий, но Смирнов уже не слушал. Ему надлежит принять решение. Нелёгкое. Два месяца назад аналогичное решение принял коллега из Москвы, Смирнов тогда был не согласен. Однако сейчас стало понятно, что у москвича не было выбора.

«Не успели, — подумал Смирнов. — На каких-то два года всего ошиблись. Тогда, шестьдесят лет назад, когда планировали и утверждали Проекты».

Шестьдесят лет назад гипотеза о том, что глобальное потепление на Земле вызвано началом необратимой реакции на Солнце, подтвердилась и стала непреложной. Несколько лет информацию держали в тайне, учёные лихорадочно просчитывали варианты. Потом произошла утечка и началась паника. Её удалось остановить лишь волевым решением правительств ведущих держав. Был разработан и принят к исполнению проект «Исход» — отчаянная попытка спасти часть земель от взрыва сверхновой, в которую Солнце превратится через сто шестьдесят лет. Всё и всяческое производство было остановлено, предприятия и ресурсы национализированы, управленческие и силовые структуры упразднены. Крупнейшие города и производственные центры за год были превращены в космодромы, в них стартовали гигантские стройки, на которые были брошены все ресурсы человечества. Космические корабли «Исход» — исполины, рассчитанные на полумиллионные экипажи, — должны были унести к

звёздам потомков тех землян, которых специально созданные комиссии тщательно отобрали, посчитав достаточно ценными. Человечество раскололось на две части. Элиту, заселившую космодромы и контролирующую ресурсы и технику, и изгоев — всех остальных, предоставленных самим себе и обречённых на гибель. Первые годы, впрочем, прошли мирно. Существовали квоты, и части изгоев удалось пополнить собой элиту. Однако вскоре ситуация изменилась. Климат резко ухудшился, земля взбунтовалась и перестала родить, начался голод, вслед за ним пришли эпидемии. Экваториальные районы вымерли и опустели, за ними настала очередь тропических. Цивилизация стремительно деградировала, тысячи и тысячи изгоев бежали с юга на север. Смятые многомиллионными толпами, несколько «Исходов» погибли. А оставшиеся перешли на военное положение.

Главврач закончил доклад, и Смирнов поднялся на ноги.

— Все свободны, — сказал он. — Генерал и вы, профессор! Прошу остаться.

Саня снял палившего по ним с первого выстрела. Стрелял он неплохо, так же, как неплохо видел в темноте — научился и тому, и другому за долгие ночи в окопах на передовой. Перебежками от ствола к стволу они с Володькой приблизились к месту, откуда стреляли.

— Вот-те номер, — присвистнул Володька, оказавшись в двух шагах от подбитого. — Да это ж баба.

Изгойка лежала на земле навзничь, бессильно раскинув руки. Ветхая латаная рубаха на её левом боку подплыла красным.

— Смазливая, — Володька шмыгнул носом и сплюнул в сторону. Навёл автомат. Жалко даже её кончать. Но надо.

— Подожди, — Саня шагнул вперёд и встал между Володькой и девушкой. — Зачем стреляла? — глухо спросил он.

— «Зачем стреляла», — передразнил за спиной Володька. — А ты ожидал, что эта шлюха тебе букет цветов нарвёт? Отойди в сторону.

— Да постой ты, — Саня опустился перед девушкой на колени. — Она говорит что-то, не слышно ни хрена.

— Пить, — разобрал Саня едва слышный шёпот.

Он снял с пояса флягу, на вес прикинул, сколько осталось, помедлил секунду, а потом решительно поднёс горлышко к губам изгойки.

— Ты что делаешь!? — Володька рванул Саню за плечо. — Ты на кого воду тратишь? Её кончать надо!

Не отнимая фляги от губ девушки, Саня обернулся. Шальное жиганское Володькино лицо перекошилось от злости и ненависти. Он шагнул в сторону, и Саня услышал щелчок затвора.

Он сам не понимал, зачем это сделал. Оттолкнувшись от земли, метнулся к Володьке и в последний момент подбил ствол. Короткая очередь ушла в небо, а в следующую секунду Саня ударил Подлепича головой в живот, и они, сцепившись, покатались по земле. Опомнился Саня лишь когда осознал, что ещё немного, и он задушит подмятого под себя надсадно хрипящего человека.

— Сука ты, — сказал Володька, отдышавшись. — Своего. За бабу. Вот же паскудство, а. Гадство какое...

Ещё через пару минут Подлепич ушёл. Он больше не сказал ни слова. Плюнул презрительно на прощание, закинул за спину автомат и размашисто зашагал на север. Саня растерянно смотрел ему вслед. Они не были друзьями, хотя и знали друг друга с детства. Бывало, делили сигарету в окопе на передовой. До тех пор, пока Володьку не перевели во второе оцепление, считай, в тыл. Правда, тыл относительный, прорывы изгоев частенько докатывались и до второй линии обороны.

Володькина фигура растворилась в ночи, и Саня, спохватившись, обернулся к изгойке. Та по-прежнему лежала на спине, закрыв глаза и раскинув руки. Красное пятно на левом боку расплылось, подтекло на землю. Саня вновь опустился на колени и развязал тесёмку рюкзака. Достал индивидуальный пакет. Помедлил секунду — пакет был единственным. И решительно разорвал обёртку.

— Ты, свинья, — неожиданно сказала изгойка. — Пошёл отсюда. Ничего у тебя не выйдет, понял? Я лучше подохну, чем... Чем...

— Что? — Саня опешил. — Ты что же, думаешь, я собираюсь...

— А что ты собираешься? — голос девушки дрогнул, прервался. Через секунду она разрыдалась. — Гады, — доносилось сквозь слёзы. — Подонки. Ну, убей меня, ты, сволочуга элитная. Привилегированная дрянь, дрянь, дрянь, дрянь...

Саня, стоя на коленях, растерянно смотрел на неё, мучительно пытаясь сообразить, что делать. Внезапно накатила злость.

— А ну, заткнись! — рявкнул он. Замахнулся и лишь в последний момент сдержал руку. Саню передёрнуло от того, что он чуть было не сделал. Злость ушла, уступив место отвращению. К самому себе. Он едва не ударил женщину.

«Врага», — попытался успокоить внутренний голос.

«Да какого, к чёрту, врага, — подумал Саня. — Врагов и друзей уже не осталось. Остались смертники. Он — смертник, получивший отсрочку. И она тоже. Отсрочка непродолжительная, и, может быть, истечёт уже в этом году. В крайнем случае — в следующем».

Изгойка замолчала. Теперь она беззвучно плакала, затравленно глядя Сане в лицо.

— Больно? — тихо спросил он.

Девушка кивнула.

— Давай перевяжу. Да не бойся ты, в самом-то деле. Не собираюсь я тебя насиловать. Меня Сашей зовут. А тебя?

Девушку звали Жанной. Рана оказалась пустяковой, пуля прошла по касательной, лишь опалив бок и содрав кожу. Саня, натуго перетянув Жанну бинтом, вытер ладони об гимнастёрку и поднялся.

— Идти сможешь? — спросил он.

— Не знаю. Наверное, смогу. Ты... ты не убьёшь меня?

Последняя фраза прозвучала настолько трогательно, что у Сани внезапно заныло сердце. Он протянул руку, помог девушке подняться и сразу подхватил — у Жанны, едва она встала на ноги, подкосились колени.

На секунду её лицо с закушенной от боли губой и влажными чёрными глазами оказалось прямо напротив. Саню окатило волной нежности — в её взгляде было что-то беззащитное, детское. Саня присел.

— Залезай на закорки, — сказал он. — Не бойся, я здоровый, сдюжу. Нет, постой. Ты есть хочешь?

Собрались на палубе баржи, некогда полузатопленной, а сейчас, с обмелением Невы, просевшей и по основания лееров вросшей в грунт.

— С Москвой покончено, — сказал Борода, едва остальные расселись. — Ребята ходили на юг, сегодня вернулись. Давай, скажи нам, Рома.

— «Исход-12» взлетел, — Ромка сглотнул слюну. — Это точно. Группа вышла за зону глушилок. Поймали Петрозаводск и Кандалакшу, там всё по-прежнему. Волны, на которых переговаривались в Москве, — пусты. Полное радиомолчание. Я думаю, первые беженцы придут к нам в течение недели, от силы — двух.

— Ты же оттуда, — глухо сказал Борода. — У тебя там остался кто?

— Сестра.

— Понятно. Жаль. Впрочем, скоро все там будем. Значит, так, ребята, штаб предлагает больше не ждать. Локальные прорывы неэффективны, мы лишь теряем людей.

— На жратву размениваем, — подал угрюмую реплику Кирпич.

— Жрать тоже надо, — резонно заметил Борода. — Но это теперь уже неважно. В общем, так: прорывы и набеги на склады отменяются. Так и передайте своим. Никаких больше набегов. Штаб готовит тотальную операцию. О ней нас оповестят за сутки. Пойдут все. Без единого исключения. Больных и раненых понесём на руках. Вопросы?

— Ляжем все, — Кирпич расправил плечи. Его дублёное, обгоревшее докрасна лицо застыло. — Третье оцепление мы прорвём. Может быть, и второе. А дальше нам не пройти, там все и останемся.

— Не все, — возразил Борода. — Кто-то, возможно, прорвётся дальше.

— Шансов почти нет. Нас подавят огнём. Там у них собраны лучшие войска. Сытые, млять, откормленные.

— У тебя есть другие предложения?

— Нету. Были бы, давно уже предложил.

— Ну вот и закройся. Ещё вопросы?

Ромка поднялся.

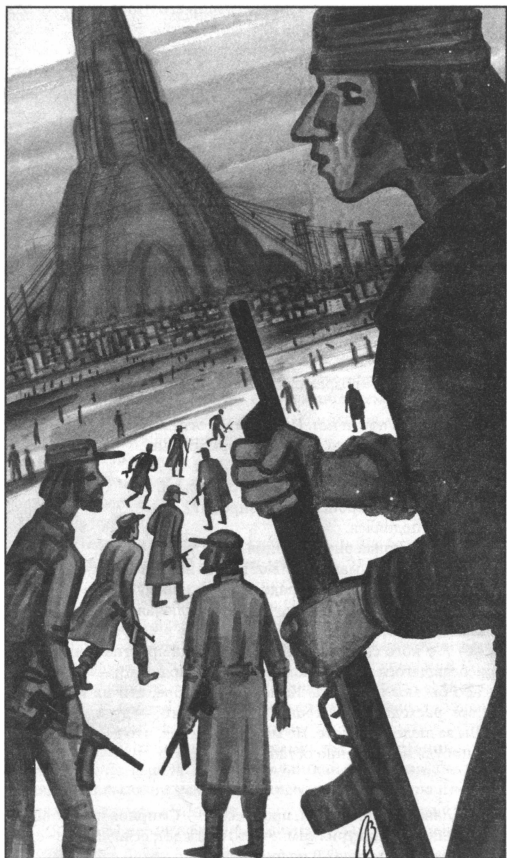
— Когда примерно операция? — спросил он.

— Не знаю. Думаю, ждать осталось не больше двух месяцев. От силы — три. У тебя в отряде сколько народу?

— Триста восемнадцать человек, включая раненых. С боеприпасами плохо.

— А у кого сейчас хорошо? — Борода яростно прихлопнул присосавшегося к щеке комара. — Вот дрянь-то, — сказал он. — Кто бы мог подумать. Комары в декабре, ети их мать. Ладно, всё, расходимся. Патроны беречь. И, это, — духом не падайте. Вы за людей в ответе. Не может быть так, что всех перебьют. Кто-нибудь непременно останется.

— Давайте сначала вы, профессор, — Смирнов поднёс зажигалку генералу, закурил сам. — Что нас ждёт, если «Исход» стартует через три месяца? В подробностях.

— Боюсь, коллега, что ничего хорошего. Прежде всего, мы не сможем вместить расчётное количество экипажа. Жилые помещения не готовы. Коммунальные сооружения тоже. Фермы тоже. Далее...

— Сколько человек мы можем взять на борт? — прервал Смирнов.

— М-м... Затрудняюсь сказать точно.

— Говорите приблизительно.

— Что ж. Не больше пятидесяти тысяч, иначе нас ждёт голод. Понимаете...

— Я всё понимаю. Каковы перспективы, если на борту окажется всего десять процентов от расчётного количества?

Профессор откинулся в кресле.

— Мрачные перспективы, — сказал он. — Будет очень тяжело. Очень. Особенно несколькими следующим поколениям. Придётся трудиться, коллеги. Всем и каждому. Без выходных и по многу часов в сутки. Улучшений стоит ожидать, видимо, лишь в поколении четвёртом или пятом. Если, конечно, к этому времени на борту «Исхода» останутся люди. Вероятность гибели экипажа высока. Больше пятидесяти процентов.

— Понятно, спасибо. Теперь вы, генерал.

— Завтра я займусь составлением подробного плана. Погрузить на корабль пятьдесят тысяч человек не проблема, тем более что изрядная часть специалистов и так внутри. Проблема отобрать эти пятьдесят тысяч.

— Ваши рекомендации?

— Рекомендации... Насколько я понимаю, полетят специалисты и их семьи, те, кто внутри первого круга оцепления, так? А большая часть военных останется.

— Вы жалеете, что некем будет командовать? Бойтесь остаться не у дел?

Лицо генерала затвердело, скулы сжались.

— Вам известно о такой вещи, как бунт? — сказал он, чекая слова. — Это когда голодная толпа недовольных захватывает власть и начинаются резня и анархия. Вы знаете, как усмиряются бунты? Так вот, они подавляются. Штыками, господин начальник Проекта. А в замкнутом пространстве... Не слышали никогда выражение «бунт на корабле»?

— Простите, — сказал Смирнов примирительно. — Я не хотел вас задеть. Нервы.

— Ладно, — голос генерала стал мягче. — Сколько у нас спецов?

— Точно не знаю, надо спросить главснаба. Но думаю, больше сорока тысяч.

— Значит, остаётся квота на десять тысяч военных, — задумчиво сказал генерал. — Даже меньше. Что ж, в создавшейся ситуации нам придётся оставить низшие звания. Полетят только офицеры.

— Нет, не офицеры, — Смирнов посмотрел на генерала в упор. — Офицеры останутся. Полетят военнослужащие-женщины независимо от званий. Завтра вы начнёте составлять список. Только способные к деторождению. И чем младше, тем лучше. На борту женщин должно быть больше, чем мужчин. Хотя бы в первом поколении.

— Сколько мы уже идём, Саня?

— Шестнадцать дней. Устала?

— Проголодалась.

— А нечего привередничать, — Саня улыбнулся и на секунду прижал девушку к себе. — Змей, видите ли, она не ест, крыс тоже. Ладно, лягу попозже, может быть, удастся пристрелить что-нибудь перелётное. Потерпи, Жанн, всего ничего осталось, день пути, может быть — два.

— Сань...

— Что, милая?

— Мне очень не хочется умирать. Раньше я относилась к мысли о скорой смерти спокойно. Но теперь, когда я с тобой...

Саня остановился.

— Мы не умрём, — сказал он и осёкся. — Прости. Я хотел сказать, что у нас есть шансы.

— Нет ни одного, Саня. Ни единого. Мы, может быть, проживём ещё год. Если повезёт. И — всё.

— Давай присядем, — Саня опустил на ближайший пенёк, развязал рюкзак, достал со дна бумажник. — У меня есть документы, милая. На, посмотри. А вот сержантские корочки. Нам просто надо добраться до третьего оцепления. Живыми. Нас пропустят вовнутрь.

— Тебя пропустят, — сказала Жанна устало. — Даже если я пойду на это, пропустят одного тебя. А я не пойду.

— Почему? — Саня вскочил. — Я скажу, что ты — моя жена. Ты и есть моя жена, нам просто негде было расписаться.

— Даже будь я взаправду твоей женой, я не пошла бы на это.

— Глупости, — рассердился Саня. — Глупости и предрассудки. Нам надо уцелеть, понимаешь? Ради наших будущих детей надо. Какое значение имеет, кем был я и кем — ты.

— Имеет, милый, имеет. Хотя бы потому, что ты не дойдёшь до своего оцепления. Тебя расстреляют наши. А если дойдёшь — то свои.

— Не расстреляют. Ни меня, ни тебя. Мы пойдём туда вдвоём. И не тайком — мы будем атаковать вместе с твоими, когда они пойдут на прорыв. Только твои, разграбив склад или арсенал, откатятся, а мы с тобой останемся и дождёмся моих.

— «Мои, твоих», — сказала Жанна задумчиво. — Мы так никогда и не научимся говорить «наши», Саня.

— Научимся. На борту «Исхода». Там все будут наши. И дети — у нас с тобой будут дети. Тоже наши. Надо только добраться. Для начала — до твоих.

Они добрались на следующий день. И ещё через два дня Жанна с удивлением узнала в поджаром, жилистом полевом командире с жёстким суровым лицом лопухого и глазастого паренька, с которым рассталась всего-то год назад. Узнала своего младшего брата Ромку.

— Они готовят тотальную атаку, — за последние два месяца генерал осунулся, морщины расчертили лоб, щёки ввалились. — Разведчики доложили, что уже скоро.

— Как скоро? — резко спросил Смирнов.

— Возможно, в ближайшие дни. Полевые командиры получают приказ за сутки.

— Вот как, — Смирнов поднялся и заходил по помещению. — Вот как, — повторил он. — А ведь это удача.

Генерал вопросительно поднял брови.

— Значит, так, — сказал Смирнов деловито. — Объявите по армии, что проводятся... Что там у вас проводится? Курсы повышения квалификации женского состава? Да что угодно объявите. И военнослужащих женщин в возрасте до тридцати лет — всех на борт. Я стяну туда же спецов. Таким образом, когда начнётся атака, нам не придётся проводить спешную эвакуацию. И, — Смирнов замаялся, — и в своих стрелять не придётся. За нас это сделают изгой. Сколько времени вам нужно на подготовку, генерал?

— Трое суток. Возможно, на день больше.

— Тогда поспешите.

Ромка, пригнувшись, заглянул в землянку, улыбнулся Жанне и поманил Саню рукой.

— Выйдем, поговорить надо. Прости, сестрёнка, разговор мужской.

Когда отошли на сотню метров, Ромка сказал:

— Вопрос к тебе есть. Знаешь, почему ты ещё живой?

— Знаю, — пожал плечами Саня. — Потому же, что и ты. Пока везёт.

— Нет, не поэтому. Ты живой потому, что я тебя не шлёпнул. Хотя много раз хотел.

— Что ж так?

— Недавно мы расстреляли одного парня. На, посмотри на его документы.

— Понятно, — Саня раскрыл протянутый ему военный билет, быстро взглянул на фотографию. — Заложил, значит, меня сержант Владимир Подлепич, мир праху его. Ну, и что дальше будешь делать?

— Пока ничего. Ты мне скажи: если вдруг у нас получится... Если прорвёмся, ну, бывает же такое. Ты...

— Можешь не беспокоиться, Рома. Я её не брошу. Никогда не брошу, как бы там ни сложилось.

— Ладно. Верю. Только вот что: когда пойдём в атаку, если что — пристрелю не раздумывая.

— Там кроме тебя будет кому в меня стрелять, — сказал Саня. — Но неважно. Спасибо, что предупредил. Да и вообще спасибо.

Атака застала генерала врасплох. Она началась на следующую ночь после разговора с начальником Проекта.

— Проклятье, не успели! — генерал ворвался в кабинет Смирнова. — Атака по всему периметру. Третье оцепление подавлено. Второе оцепление сейчас принимает бой. Множественные прорывы.

Смирнов схватился за трубку внутреннего телефона.

— Руководителей Проекта немедленно ко мне! — заорал он секретарше. — Повторяю: немедленно. Где бы они ни были.

Через полчаса команда была в сборе.

— Сколько у нас времени в запасе? — Смирнову удалось взять себя в руки, голос звучал спокойно.

— Часов восемь. Может быть, девять. Первое оцепление в полной боевой готовности. Не исключено, что прорвать его не удастся, у нападающих огромные потери.

— Сколько времени займёт эвакуация специалистов?

— Думаю, что успеем. Впритык.

— Хорошо. Раздраить все шлюзы. Выделите людей, снимите с оцепления, откуда угодно. Специалистов и их семьи — на борт. Пилотов, навигаторов, бортинженеров — по местам. Готовить корабль к старту!

Перед последним броском остаток группы сосредоточился в развалинах бывшего здания метро «Чёрная речка». Корпус «Исхода» нависал над уцелевшими чудовищной исполинской свечой. В бинокль было хорошо видно, как снуют вдоль бортов подъёмники, доставляя к шлюзам людей и возвращаясь порожними.

Ромка насчитал по головам девяносто шесть бойцов. Из соседних развалин по-пластунски приполз тощий, чумазый паренёк.

— Я от Бороды, — сказал он, отдышавшись. — Большие потери, очень большие, огромные. Кирпич убит. Сам Борода ранен, его вынесли на руках. Он велит передать: атака — по зелёной ракете. За пять минут до неё — оранжевая. Уже скоро, как только подтянутся отстающие.

— Хорошо, — коротко сказал Ромка. — Мы готовы.

— Готовы, — эхом повторила Жанна. Она подняла глаза на Саню. — К смерти. До чего всё нелепо. Не выживет никто, даже те, которые добегут. Там, на корабле, просто задраят шлюзы и взлетят.

Саня прижал девушку к себе.

— Есть ещё шанс, — сказал он, напрочь не веря в то, что говорит. — Мы можем успеть, они ещё не всех погрузили. Мы...

Оранжевая ракета прочертила в небе параболу. Саня осёкся и замолчал. Усилием воли заставил себя собраться. Обнял Жанну за плечи. Так они и просидели последние пять минут — молча.

Эта, последняя, атака была страшной. Первое оцепление накрыло наступающие цепи пулемётным огнём. Очереди выкашивали людей, но те, кто был жив, упорно и не обращая внимания на пули, бежали и бежали вперёд.

Саня не помнил, как добрался до корабля. В памяти остались лишь фрагменты. Окоп. Прыжок через бруствер. Перекошенный в предсмертном крике рот пулемётчика. Ещё один окоп. Убитая женщина с лейтенантскими погонами на плечах. Мёртвые, закатившиеся глаза заколотого в

рукопашной Ромки. И Жанна — раненная, истекающая кровью, рядом с ним.

Саня вынес её на руках. Доковылял, воем заходясь от боли в простреленной ноге, до ограды космодрома. Подкосились колени, Саня неловко упал на бок, выронив Жанну. Собрав последние силы, поднялся, оглянулся назад. Со всех сторон к космодрому стекались люди. Они уже не бежали — брели, ковыляли, некоторые волокли на себе раненых. Саня повернулся к кораблю. Исполинская сигара закрывала горизонт и небо. Солнечные лучи, отражаясь от серебристой поверхности, слепили глаза. Саня от живота дал по «Исходу» очередь. Израсходовал магазин, выронил не нужный больше, бесполезный автомат.

— Гады, — сказал кто-то рядом. — Вот же гады.

Саня опустил на колени. Жанна была жива, тяжело, с хрипом дышала. Саня расстегнул кобуру, достал пистолет, поднёс к виску. Нет, сначала её, подумал он. Лучше от моей руки, чем...

Внезапно на серебристой поверхности корабля появилось пятно. Оно росло, расширялось и, наконец, приняло форму круга. Саня завороченно смотрел, как из раздраенного шлюза размахивают белым флагом. Затем в проёме появился человек, снизу к нему заскользил вдоль борта подъёмник.

Не выпуская флага из рук, человек шагнул на платформу. На глазах десятка тысяч уцелевших изгоев он спустился на землю и, чеканя шаг, двинулся от корабля прочь. На полпути до ограды космодрома остановился. Стоявший рядом с Саней парень присвистнул, разглядев в бинокль генеральские звёзды на погонах.

Саня сам не знал, что заставило его встать, рывком поднять на руки бесчувственную Жанну и двинуться навстречу парламентёру. Мучительные десять минут он ковылял по растрескавшемуся на солнце бетону. Человек пять обогнали его, и к окружившей генерала группе Саня примкнул последним.

— Мы заберём женщин. Только женщин, — услышал он. — На борту есть вакансии на пять тысяч человек. Мужчин мы взять не можем. Даю полчаса на раздумья. В случае, если вы не согласны, через тридцать минут «Исход» получит команду на старт.

— Ты, гнида! — коренастый рыжебородый изгой схватил генерала за ворот. — Вы заберёте всех, ты понял? Всех! Иначе тебе не жить. Ты останешься здесь и подохнешь вместе с нами. Нет, я раньше сам тебя пристрелю, элитный подонок.

— Уберите руки, — брезгливо сказал генерал. — Ваша угроза не имеет значения. Я в любом случае остаюсь. Повторяю: мы не можем забрать мужчин. На борту нет для них места. Но женщин заберём. До пяти тысяч женщин, впрочем, такого количества, похоже, не наберётся. И прошу вас — думайте скорее. У вас осталось двадцать восемь минут.

Саня оттолкнул рыжебородого и подался вперёд.

— Согласны, — выдохнул он. — Мы согласны.

— Тебе кто право дал решать за всех, сука?! — рыжебородый ухватил Саню за рукав. — Я — замначштаба, решение за мной. Так вот, мы не согласны! — заорал он. — Слышишь, ты, как тебя, генерал, мы не согласны. Вы или заберёте всех, или...

— Или что? — насмешливо спросил генерал.

— Или все здесь подохнем.

Свободной рукой Саня рванул из кобуры пистолет и выпалил рыжебородому в голову. Остальные четверо шарахнулись в стороны. Генерал, криво усмехнувшись, остался стоять на месте.

— Мы согласны, — повторил Саня. — У меня на руках женщина. Ей нужен врач, срочно.

— Не беспокойтесь, на борту есть врачи.

Генерал повернулся к Сане спиной и принялся размахивать флагом. Потом бросил его на землю.

— Я передал ваше согласие на борт, — сказал генерал. — Пусть женщины двигаются к подъёмникам. Без оружия. Раненых забирают с собой. Там, внутри, встретят. Извольте распорядиться, молодой человек.

Саня сидел, опёршись на руки, на земле и оцепенело смотрел на сужающееся отверстие шлюза.

— У нас осталось минут пять-десять, — небрежно сказал генерал. Он присел рядом с Саней на корточки. — Ваша девушка?

— Жена. Вы считаете, они долетят?

— Не они. Но через несколько десятков поколений обязательно долетят. Сам «Исход» долетит в любом случае. А вот наши потомки на его борту — неизвестно.

— У меня нет детей.

— У меня тоже. Но разве это так важно? Уцелеет цивилизация Земли. Лет через пятьсот она возродится на другой планете. И если так, спасательная миссия оправдывает себя.

— Наверное, так и есть, — сказал Саня. — Наверное, это действительно называется спасательной миссией. Только я назвал бы по-другому. Кровавым дерьмом.

— Да, — сказал генерал задумчиво. — Вы правы. Только так было всегда. И есть. И будет. Все великие деяния начинались с крови. Были на ней замешаны. На крови жертв. Сейчас жертвами стали мы с вами. Для того чтобы другие...

Саня не расслышал, что ещё сказал генерал. Его слова заглушил нарастающий рёв стартовых двигателей.

Черновик

Рассказ

Уважа... *(зачеркнуто)*.
Здравствуйте *(зачеркнуто)*.

Господин Президент!
Настало время *(зачеркнуто)*.
Общество и государство в опасности!

Комитет Общественной Тревоги взывает к Вашему разуму и доброй воле.

Развитие демократии за последние годы, годы Вашего управления страной, все больше и больше приводит к деградации общества. Принципы равенства, провозглашаемые и последовательно проводимые Вами в жизнь законодательно (показать ниже), разрушают общество, ведут к крушению морали и ложатся тяжким *(зачеркнуто)* непосильным бременем на бюджет страны.

Вы пришли к власти, обещав пенсию каждому нисходящему, достигшему возраста пятьдесят лет до нижней точки. Понятно, что перевес голосов Вам был обеспечен. И хоть пенсия оказалась небольшая, ее продолжают выплачивать до настоящего времени, на что уходит значительная *(зачеркнуто)* огромная часть бюджета страны. Мало того, многие нисходящие, запросы которых недалеко выходят за рамки пищи, одежды и дешевых иностранных фильмов, предпочитают теперь не работать на совершенно законном основании, выходя *(зачеркнуто)*

выпадая таким образом из процесса общественного производства. То есть Ваш «Закон о нисходящих пенсиях» наносит двойной удар по экономике страны.

Расхожее мнение о том, что нисходящие наработались, восходя к верхней точке, и могут в дальнейшем (*зачеркнуто*) всю остальную жизнь отдыхать, глубоко ошибочно: их физическое здоровье не выходит за пределы трудоспособности; более того, после прохождения верхней точки здоровье человека с каждым годом крепнет. Нет никаких разумных причин таким людям бездельничать.

Ваш Закон в одночасье превратил полстраны в тунеядцев. Потому что количество восходящих и нисходящих в населении примерно равно. Сейчас пенсии платятся с продажи природных ресурсов за рубеж; но по некоторым данным Вы уже привлекаете для этого золотовалютные резервы, что совершенно недопустимо.

До сих пор не разработано надежных экспресс-методов для различения восходящих и нисходящих лиц. Пока известны только два способа: изучение личных документов и длительное наблюдение. Необходимо наблюдать за человеком годами, чтобы точно сказать, стареет он или молодеет.

Понятно, что такая методика совершенно не годится для органов социального обеспечения, да и для других государственных структур (например, полиции и пунктов вербовки солдат). Здесь приходится полагаться исключительно на документы. Но документы — это всего лишь бумага. Известны случаи ошибочной вербовки в армию нисходящих, которых обучить чему-либо невозможно по определению.

Лица, не имеющие документов, не могут быть достоверно классифицированы.

Преступные (*зачеркнуто*) многочисленные преступные группы пользуются этим и налаживают выпуск фальшивых документов, по которым коррумпированные сотрудники органов социального обеспечения назначают нисходящую пенсию восходящим лицам, за отчисление определенного процента. Всю страну всколыхнул прошлогодний скандал с нисходящими пенсиями, когда была осуждена группа чиновников центрального аппарата Министерства социального обеспечения. Более десяти тысяч незаконно назначенных пенсий! И это только в рамках одного уголовного дела! Общее же количество подобных преступлений не поддается учету, равно как и ущерб, нанесенный стране...

Уважа... (зачеркнуто).

Господин Президент!

Комитет Общественной Тревоги подготовил подробный законопроект о пенсиях (приложение 1).

Здесь же кратко излагаются его главные идеологические (зачеркнуто) положения:

- Пенсия является пособием общества своим нуждающимся в поддержке членам, ее размер не превышает необходимого для поддержания нормального функционирования организма и не зависит от заслуг пенсионера.

- Пенсия назначается:

- при отсутствии или потере трудоспособности (по заключению врачебного консилиума);

- пожизненно, в двойном размере, лицам, отказавшимся от нисхождения, при достижении возраста шестидесяти или пятидесяти пяти лет, считая от рождения, или от нижней точки, для мужчин и женщин соответственно;

- временно, с возраста пятьдесят пять лет от нижней точки (или рождения), до возраста пятьдесят пять лет до нижней точки — для мужчин и пятьдесят — для женщин.

- Пенсия может быть назначена в других случаях, напр. потери кормильца и т. д.

Власти на местах имеют право предоставлять льготы и (или) доплаты пенсионерам, исходя из возможностей своих бюджетов.

Таким образом, пенсия не позволит жить праздно или паразитически (зачеркнуто), она даст возможность отдохнуть тем, кто решил продолжить жизнь в нисходящем состоянии, и в то же время заставит искать подработку, т. е. приносить пользу обществу.

Время такого отдыха, десять лет, вполне достаточно, чтобы отдохнуть от восходящей жизни и подготовиться к нисходящей. В этот период человеку присваивается официальный статус «Пенсионер».

Для лиц, отказавшихся от нисхождения, — «Почетный пенсионер».

Все же другие получатели пенсий будут именоваться по-другому, например «Иждивенец» или «Социал». (Комитет Общественной Тревоги полагает, что Ваши пиар-специалисты найдут подходящие названия и проведут соответствующую рекламную кампанию в СМИ.)

Предлагаемый Законопроект, в отличие от ныне действующего, позволит выплачивать пенсию десять, а не пятьдесят лет, каждому человеку (понимаемому здесь в соматическом смысле), за один цикл.

Необходимо упомянуть и саму процедуру Перехода.

Сейчас она практически бесплатна и отдана на откуп многочисленным медицинским компаниям, доходы от коррупции которых стократно превышают выплачиваемые ими налоги.

Дело доходит уже до полного абсурда. Среди восходящих подростков, особенно девочек, началась повальная мода на псевдосуицид по поводу несчастной любви или неудач в учебе. Они за деньги, тайно, совершают незаконную процедуру Перехода и становятся нисходящими. Это в двенадцать — пятнадцать лет!

Мало того, что общество при этом теряет потенциального работника, оно отягощается очередным иждивенцем, а средства, потраченные на его обучение в школе, пропадают, ибо после коллапса разума в нижней точке ребенка надо учить заново.

Комитет Общественной Тревоги предлагает второй законопроект: «О Переходе» (приложение 2).

(Заметка на полях: Переход — начало смерти.)

Переход является началом движения к детству и коллапсу разума, который для человека равнозначен смерти. Этот параграф необходимо подчеркнуть особо, так как население до сих пор рассматривает Переход как путь в бессмертие, что совершенно неправильно (*фраза зачеркнута*).

Процедура Перехода является исключительно монополией государства, подобно производству денег. Всякое (*зачеркнуто*) любые попытки совершения незаконных Переходов должны караться с аналогичной (*зачеркнуто*) соответствующей строгостью. Лица, досрочно и незаконно ставшие нисходящими, в судебном порядке должны быть лишены права на государственную пенсию. (Предлагаемые Комитетом изменения в Уголовном законодательстве содержатся в полном тексте документа.)

Процедура Перехода является платной. Причем ее стоимость должна быть значительной для основной массы населения. Только целеустремленные и упорные люди смогут стать нисходящими и в силу своего характера не прекратят работать ни во время пенсионного периода, ни позже. Средства от процедур значительно пополнят бюджет пенсионных фондов. По

расчетам экономиста Комитета, стоимость процедуры должна быть сравнима (*зачеркнуто*) не меньше стоимости современной однокомнатной квартиры.

Процедура Перехода проводится строго по достижении возраста: мужчин — шестьдесят лет, женщин — пятьдесят пять лет. Запрещаются досрочные Переходы с любыми целями, в том числе и с целью ухода от неизлечимых болезней, грозящих преждевременной смертью. (Практика показывает, что в подобных случаях процент выживших после Перехода не превышает процента выживших без Перехода.)

Следует предостеречь от соблазна как-либо пометать людей, прошедших процедуру Перехода. С помощью татуировок, или вживления чипов, или введения безопасных радиоизотопов, и т. п. В СМИ периодически появляются подобные предложения, которые оправдываются легкостью последующей идентификации нисходящих. Но люди — не скот, их нельзя клеймить ни тавром, ни микросхемой! (*Абзац крест-накрест перечеркнут красным карандашом.*)

Церковь, к сожалению, признает смерть только при наличии трупа, над которым можно провести погребальные обряды. Поэтому большинство населения ошибочно и упорно считает, что, пока функционирует тело, человек является бессмертным.

Необходимо постоянно вести разъяснительную работу, опровергающую это убеждение. Ввести в школах курс «Тело и разум». Всячески подчеркивать, что человек — это разум, что одно и то же тело, неоднократно пройдя нижнюю точку, каждый раз становится новым человеком. И что смерть в результате изобретения Перехода не исчезла, а поменяла облик. И теперь она пахнет не саваном, а пеленками... (*фраза зачеркнута*).

Надо сказать и о натуральной смерти. Если когда-то глубоких стариков уважали, то теперь тех немногих, что отказываются от Перехода и предпочитают умереть естественно, как животные в природе, считают придурками (*зачеркнуто*) умственно больными или самоубийцами. На деле же они — самые мудрые, и в них наше будущее, потому что в идеале только постепенный и всеобщий отказ от нисхождения спасет наше общество от полного краха.

И, конечно, необходимо привести в порядок кладбища, которые считаются лишь местом упокоения тех самых «самоубийц».

О декларируемом равенстве. Вы провозгласили всеобщее равенство. Но при Ваших законах, да и вообще при любых законах, не может быть равенства между восходящими и нисходящими, как не может его быть между мужчинами и женщинами, младенцами и стариками, здоровыми и больными.

Последний принятый Вами закон о равенстве нисходящих и восходящих детей принес больше вреда, чем пользы.

Нисходящие дети не учатся, их свободное время — давнишняя головная боль правительства и правоохранения. Нисходящие дети (мы пользуемся здесь общепринятой терминологией, ясно, что они — самые старшие в обществе) плохо влияют на восходящих детей, вовлекая их в безделье и дурные компании, рекламируя своей жизнью праздность, безответственность, иждивенчество.

Среди нисходящих детей процветают уродливые проявления этого «равенства». Зная, что Уголовный кодекс приравнивает их к восходящим детям, нисходящие подростки создают настоящие банды и совершают жуткие преступления. Чего стоит хотя бы *(зачеркнуто)*. Пример тому — ограбление и убийство двух инкассаторов этим летом. На добытые кровью деньги «дети» успели купить два мотоцикла и ящик мороженого! Преступники задержаны, но что их ждет? Старшему из них — двенадцать лет до нижней точки, младшему — пятнадцать. Их наказать невозможно, терять им нечего, у них впереди коллапс, который смоем все грехи и сделает их тела другими людьми! Максимум, что можно сделать, — это досрочно поместить их в закрытый интернат для нисходящих, где с ними будут обращаться, как с детьми, а не как с опасными преступниками.

А нисходящие девочки? У них появилась мода делать «прощальный подарок этому гадкому миру». То есть рожать ребенка. Остановить это в рамках существующего законодательства невозможно, «малолетние» нисходящие девчонки неудержимо трах... *(зачеркнуто)*... совокупа... *(зачеркнуто)*... занимаются сексом, чуть ли не на улицах, и все поголовно ходят беременные. Среди них распространена совершенно идиотская *(зачеркнуто)* легенда, будто бы их дети узнают их после коллапса и возьмут на себя роль отцов. В результате рождается масса недоношенных, больных восходящих детей, которые фактически являются сиротами уже с рождения и через какие-то семь-восемь лет по своему соматическому возрасту сравниваются со своими неразумными мамашами. Понятно, что отцами этих несчастных детей в большинстве являются нисходящие подростки, не

боящиеся наказания за половую связь с малолетними.

Эти дети увеличивают и так немалую нагрузку на восходящие интернаты. Уже сейчас на одну нянечку там приходится по тридцать-сорок детей, что является пределом по безопасности их содержания. По закону, нельзя разделять мать и ребенка (это равносильно лишению родительских прав). Поэтому приходится помещать в восходящий интернат такую «семью». Но эти учреждения не приспособлены для содержания нисходящих, там нет соответствующих помещений, оборудования и специалистов для прохождения коллапса и вынашивания грудничков. Нисходящие же интернаты, наоборот, не годятся для растущих малышей, ситуация порой становится критической, и иногда лишь вмешательство врачей скорой помощи помогает избежать трагедий.

Хуже всего то, что восходящие девочки, подражая своим нисходящим подружкам, ввергают в смятение и финансовую нагрузку родителей, преподнося им «подарок» в виде ранней беременности и неожиданных внуков. Или делают аборт, калеча свое здоровье. Вот к чему приводит Ваше «равенство».

Комитет Общественной Тревоги предлагает третий проект: «Закон о детях» (приложение 3).

Закон, в частности, содержит:

- О раздельном проживании восходящих и нисходящих детей.

(От или до восемнадцатилетнего возраста, когда одни уже ушли, а другие еще не пришли в полную сферу действия настоящего Уголовного Кодекса.)

В качестве временной, экстренной меры нисходящие и восходящие дети территориально разделяются, для исключения взаимного влияния. Практическая реализация этого пункта не должна вызвать у Вас, господин Президент, каких-либо вопросов. *(На полях — три вопросительных знака.)*

- Отменяется равенство нисходящих и восходящих детей перед законом. Для нисходящих детей вводится понятие недееспособного возраста, который, по мнению врача Комитета, должен быть равен девяти годам до нижней точки. (В этом возрасте половой акт для мальчиков и беременность девочек невозможны.)

Нисходящие дети считаются взрослыми (со всеми вытекающими последствиями) вплоть до наступления этого возраста.

- Дети, рожденные нисходящими малолетними матерями, помещаются в восходящие интернаты, а они сами — в

нисходящие, для обеспечения безопасного и квалифицированного содержания. Для этого Комитет предлагает внести поправки в ныне действующий Семейный Кодекс (приложение 4).

Следующим важнейшим аспектом проблемы Комитет считает вопрос о статусе личности, документах и наследстве.

Комитет предлагает законопроект «О статусе личности, документах и наследовании» (приложение 5).

- Личностью считается человек, живущий от рождения до смерти или коллапса разума. После коллапса в данном теле всегда, без исключения, возникает другая личность.

- Документы умершей или сколлапсировавшей личности подлежат сдаче в архив. Такие документы делаются непригодными к дальнейшему использованию с помощью штампов «Аннулировано» или другим способом.

- Документы архивов могут быть использованы правоохранителями или другими государственными органами для установления фактов и не могут быть выданы на руки частным лицам или их представителям (адвокатам).

- Запрещается передача наследства «самому себе», то есть неизвестной будущей личности в своем теле, а также любым другим личностям, которые возникнут после прохождения нижней точки и коллапса разума. Нотариусам запрещается рассматривать подобные заявления. В заявлении о передаче наследства должна быть обязательно указана существующая на данный момент личность или возможные наследники по восходящей линии.

- Некоторые документы, имеющиеся у нисходящих граждан, должны быть аннулированы (сданы в архив) при достижении этими гражданами определенного возраста. Это, к примеру, пилотские и водительские лицензии, разрешение на оружие и некоторые другие. (Список прилагается.)

Господин Президент!

В кратком письме невозможно охватить все аспекты проблемы. Мы не затронули множество важнейших вопросов — таких, как оборона и служба в армии, приоритеты в здравоохранении, движение по служебной лестнице в обоих состояниях. Задача Комитета — привлечь Ваше внимание и убедить Вас сделать какие-то *(зачеркнуто)* решительные шаги от той пропасти, к которой мы стремительно приближаемся.

Любые меры, принятые Вами, должны привести к постепенному отказу от губительного нисхождения и в перспективе избавить

наше общество от этой дьявольской напасти. Все Ваши действия будут рассматриваться разумной общественностью только с этих позиций. Возможно, понадобятся многие непопулярные, если не сказать больше, действия, но лекарство всегда бывает горьким, и мы должны его принять! *(Фраза дважды подчеркнута красным карандашом.)*

Господин Президент!

Комитет Общественной Тревоги считает своим долгом предупредить Вас:

Все вышеизложенные проблемы меркнут перед грядущей страшной опасностью. Эта опасность стократ хуже ядерной угрозы, это возможное в недалеком будущем изобретение не оставит никаких шансов на выживание не только нашей стране, но и всему человечеству в целом, потому что бороться с ним никому не придет в голову. Это изобретение Обратного Перехода.

Обратный Переход даст возможность нисходящим избежать коллапса, «вернуть назад» в любом желаемом возрасте, то есть обрести бессмертие личности.

Смерть — двигатель эволюции. Замена одних особей другими, удачно мутировавшими и лучше приспособленными, — залог выживания и процветания вида. Без смерти невозможно не только движение вперед, но и просто поддержание существующего уровня. Живая природа не знает бессмертия. Только поэтому она и существует.

Мы уже проделали половину губительного пути, создав бессмертные тела. Вид *Homo sapiens* в своем физическом развитии остановился. Нельзя допустить остановки и в его развитии духовном.

Массовое применение Обратного Перехода приведет к губительным необратимым последствиям:

Люди станут думать, что они подобны богам. Традиционные религии рухнут, оставив пустоту в сердцах и душах; руководство страны лишится важнейшего рычага воздействия на массы. Возникнет множество сект, почитающих смерть за высшее благо, а убийство — за подвиг во имя человечества.

Производство придет в упадок, потому что исчезнет само понятие пенсий. Кто захочет работать вечно?

Наука и искусство умрут, потому что творческие порывы, обусловленные желанием оставить что-то после себя, уйдут в прошлое.

Людьми овладеет апатия, переходящая в тоску.

Девушки получают губительную для человечества вечную юность.

Деторождение прекратится, и население постепенно вымрет от болезней, техногенных катастроф и стихийных бедствий.

Бессмертие, веками почитаемое за высшее благо, на деле есть путь к деградации и вымиранию. Волшебный огонь, сияющий вдали, обернется страшным, беспощадным пожаром, если приблизиться к нему вплотную.

Десятки лет мы безуспешно ищем сигналы иных цивилизаций. Комитет считает, что иные цивилизации попадают в ловушку Обратного Перехода и достигают бессмертия раньше, чем находят способ межзвездных сообщений. И прекращают существование.

Молчание Вселенной — это крик умерших миров. Это и есть самый главный сигнал от них. И мы должны его, наконец, понять! Иначе человечество ожидает та же участь.

Для полноценной жизни общества тело и личность должны быть смертными!

Смерть — источник жизни. Пусть же он не иссякнет!

Председатель Комитета Общественной Тревоги

(Подпись неразборчива.)

Идеальная пара

Рассказ

(Белая комната)

— Что вам снится, Фрэн? — спрашивает он.

Белый экран делит комнату пополам. Свет исходит откуда-то из-за него, с противоположного конца, и моя тень падает назад, на кафельный пол у меня за спиной. От равномерного гула вентиляторов болит голова.

— Не помню, Инспектор, — отвечаю.

Он делает пометку в блокноте. Или книге. Или большой тетради. Я не знаю — видны только очертания; черная тень на белом экране.

— У вас бывают яркие сны?

Мои запястья стянуты бумажной лентой. Два слоя плотной бумаги, между ними — *говорят* — датчики. Разорвать ничего не стоит, но разрывать — не в моих интересах. Я не знаю никого, кто разрывал.

— Иногда.

Пометка.

— Расскажите о них, — он поднимает голову. Думает, наверное, что смотрит прямо на меня. На предполагаемую меня.

Мурашки по коже — но не от страха, нет.

— Расскажите о себе.

Я киваю. Проверяю — видит ли он кивки. Он молчит — значит, едва ли.

Его тень выглядит так же, столь же темная, чуть смазанная по краям. Я гадаю — на нем форма или нет. И есть ли у них вообще форма. И крепятся ли на эту форму таблички с именем.

Смотрелось бы — *Инспектор Тень*.

— Фрэн, — окликает.

— Да?

— Расскажите о себе.

Варианта два — не видит или притворяется. Оба хороши.

— Я работаю в агентстве по трудоустройству, — начинаю. — Сортирую документы, анкеты. С восьми до шести, три через два.

Пометка.

— Не то, — поправляет он. — Расскажите о себе.

— Меня зовут Фрэн, — теряюсь я. Глупо и по-детски; как в школе на первом уроке — вопрос в лоб: *ты кто?* И самый простой ответ: *это я*.

— Кто назвал вас Фрэн? Мать? Отец? Почему Фрэн?

— Вместе. Я никогда не спрашивала.

— Не интересовало?

— Нет, просто случая не представилось.

Пометка.

— Что это значит?

— Мое имя? Не знаю, ничего, наверное.

Еще одна пометка. Он сидит, нога на ногу, блокнот-тетрадь-книга на коленях. В правой руке ручка. Не смотрит на экран.

— Нет. Вы сказали — *случая не представилось*. Что это значит?

Я теряюсь. Держу руки на коленях, как учили. Но не спокойно — тереблю край кофты. Лента на запястьях почему-то кажется горячей.

— Не знаю.

— Фрэн?

— Не знаю.

Закрываю глаза.

Скрежет — что-то попало в лопасти вентилятора. Или кто-то.

Психически неустойчивая, — наверное, напишет он.

Меня действительно зовут Фрэн. Так написано на моей карточке — Фрэн. И черно-белая фотография, еще перед свадьбой сделанная. На ней мне семнадцать, у меня короткие волосы, а

губы я зачем-то намазала темным блеском — вот они и выделяются чересчур.

Неприкаянная, так обо мне говорили.

— О чем вы хотите поговорить?

Пожимаю плечами. Забываю — он не видит.

Вентилятор молчит — отключили, наверное.

— Мне все равно, Инспектор.

— Вы хорошо спите? — это частый вопрос. И всякий раз после него он пометки делает. Как будто это особенно важно.

— Да.

Я не могу плохо спать. Это исключается, по умолчанию. Каждый вечер мне приносят какую-то дрянь — белые таблетки в крошечном пластиковом стаканчике. И я запиваю их водой.

Я хорошо сплю, без снов совсем.

Мои руки стянуты белой бумажной лентой. Вентилятор молчит.

— Спросите что-нибудь, — предлагает он. — У вас есть вопросы?

— Вы видите меня?

Он тихо смеется. Я вслушиваюсь в его смех, и он просто тихий — не приглушенный. Я думаю, он всегда так смеется. Не ржет, не хохочет — смеется.

Делает пометку.

— Нет, я не вижу вас.

— Мою тень?

— И даже тень. Но вы видите мою, так?

— Да, — признаюсь. — Скажите, Инспектор, когда я спросила, почему вы... — осекаюсь. Замолкаю. Вопрос уже за гранью, далеко. Не знаю — проверяют ли они меня сейчас, но если да — я почти провалилась.

Вентилятор молчит; мое сердце учащенно бьется. Я комкаю в руках край свободной кофты. Серая, светло-серая кофта. Мне не идет такой цвет, никогда не шел.

Им плевать.

— Я? — переспрашивает он. — Что?

— Нет, ничего.

Пометка.

— Вы хотели что-то спросить, Фрэн.

Я молчу. Он оставляет еще одну пометку.

— Вы оптимистка?

— Нет.

— Никогда не считали себя оптимисткой?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

Пометка.

— Вы любите думать?

— О чем?

— Обо всем.

— Не знаю.

Пометка.

Они надевают мне на голову светлый пакет. Не завязывают мне глаза лентой, нет, лента только на запястьях. Они распускают мне волосы и надевают поверх пакет. И я могу смотреть вниз, видеть собственные ноги — босые. Ногти не покрашены. Они даже не подстрижены. И кожа у меня теперь бледная-бледная.

Я уже не боюсь — но и не помню, когда именно перестала бояться.

— Расскажите мне о чем-нибудь, Фрэн, — просит он. — Ваша семья?

— Обычная. Я родилась в обычной семье. У меня у самой была обычная семья.

Он фыркает.

— Обычная, говорите? Вы все еще так считаете?

Вентилятор починили — он снова гудит. Сегодня холодно — там уже, наверное, осень. Я не люблю осень.

— Я не знаю.

Меня забрали за двадцать минут до обеденного перерыва. Я перебирала старые анкеты, выбрасывала лишние, неактуальные уже. За пластиковыми перегородками девушки разговаривали с посетителями. На мне были светлые джинсы и свободная блузка. Волосы распущены. Обручальное кольцо на пальце.

Я не помню, были ли они в форме. Может, в штатском. Я не помню лицо мужчины, который предъявил мне значок и защелкнул на моих запястьях наручники. Я помню только лица девушек, прижавшиеся к оконному стеклу, — они смотрели мне вслед, испуганные, но довольные.

Довольные, что не за ними пришли.

— Вы любили своего мужа?

— Да.

— На самом деле?

— Да.

Пометка.

— Почему вы часто отвечаете — *не знаю*?

— Я не знаю, что говорить.

Пометка.

— Вы замужем?

— Вы знаете.

Пометка.

— Мне нужен ваш ответ, Фрэн. Вы замужем?

Я молчу. Могу сказать только — *не знаю*; но это не тот ответ, который ему нужен. Но я, и правда, не знаю.

Он делает пометку.

Я выходила замуж весной. Только-только сошел снег, улицы были еще мокрыми. Темно-серый асфальт, с трещинками. У меня было белое платье, до колен. Белый жакет поверх. Нелепо обрезанные волосы — глупый знак протеста. Мне было семнадцать. Два дня назад я получила свою карточку.

День назад мне позвонили и сказали, что подобрали мне идеальную пару.

Я не видела моего мужа до самой свадьбы, но я и так знала, как он будет выглядеть. Темные волосы, глаза с зеленоватым отливом. Светлая кожа. На десять сантиметров выше меня. Почти моя копия.

Так же, как и я, — копия родителей.

Мы были идеальной парой.

(Осужденная)

Они надевают мне на голову белый, непрозрачный пакет. Не завязывают его; я смотрю вниз и вижу свои ноги. И их ноги, в черных ботинках. Одинаковых. Наверное, у них все-таки есть форма.

Они одевают меня. Какие-то брюки, серые, свободные, с розовыми завязками. Другая кофта — почти та же, только чистая. Тряпичные туфли — да, я больше не босиком. И я понимаю — это все. Это точка.

Они ведут меня по коридорам. Те же коридоры, белый кафель на полу. Мои руки стянуты белой лентой, я смотрю вниз, под ноги, стараюсь не споткнуться.

Я иду впереди, они чуть сзади и сбоку. Подталкивают меня в спину, когда я замедляю шаг.

Я думала, мне уже все равно, но теперь, когда момент настал, — нет. Вовсе нет. Мне не все равно.

Женский голос пререзает тишину коридора и мерный стук набоек о кафель.

— Держись, сестра! — кричит она. Я не знаю ее, не вижу ее — но она это мне.

В эти моменты все мы сестры.

— Фрэн.

Он стискивает мое плечо. Я не вижу его, даже ног — и тех не вижу, но узнаю по голосу. Слишком часто, слишком долго мы сидели друг напротив друга, разделенные белым экраном. Слишком много он задавал мне вопросов.

И я помню его голос.

— Отвечай что угодно, только отвечай. Не говори: *не знаю*.

Железная дверь передо мной бесшумно распахивается, они вталкивают меня внутрь.

— Вы знаете, почему вы здесь, Фрэн? — спрашивает Судья. А может, и не Судья. Может, Обвинитель.

Я не вижу — не могу сказать.

— Да, — отвечаю.

— Почему?

— Мой муж изменил мне.

— Ваш муж? — другой голос, женский. Вопрос с подвохом.

Я молчу.

— Ваш муж? — повторяет она.

— Да. Мужчина, который был моим мужем.

Обычно говорят — я чувствовала, что он мне изменяет. А я не могу так сказать — я не чувствовала. Я не искала доказательств, не подслушивала его разговоров. Не звонила ему на работу, когда он задерживался.

Кто-то, может, назовет меня *наивной*, но нет — мне просто было все равно.

— Вы знаете, какое наказание положено за измену?

— Да. Смертная казнь.

— Вы когда-нибудь изменяли своему мужу?

— Нет.

— Потому, что боялись наказания?

— Нет.

— Почему тогда?

Хочется сказать — *не знаю*. Но его голос вспоминается, там, в коридоре. Инспектор Тень сказал, что нельзя. Нельзя так отвечать. Надо сказать что-то другое.

— Я никогда не думала, что мужу можно изменять, — отвечаю. Глупо, наивно. Но отвечаю.

Женщина фыркает.

— Вы идеалистка, Фрэн?

— Нет. Я честная.

Женщина смеется.

— Вы подозревали что-нибудь?

— Нет.

— Что-нибудь изменилось в ваших отношениях?

— Нет.

— Опишите их, — опять женщина. Ее вопросы с подвохом, вопросы Судьи — просто вопросы.

— У нас были самые обычные отношения. Как и у всех.

— И, тем не менее, муж вам изменил, — хмыкает она. — Вы не удовлетворяли его?

— Я не знаю.

Промах.

— У вас нет детей, почему? Он не хотел?

— Я не знаю.

Второй.

Кусаю губы. Под пакетом не видно. Надеюсь.

— Вы хотите получить второй шанс, Фрэн? — спрашивает Судья.

— Пройти слушание?

— Нет, прожить жизнь.

В выходные мы любили ходить на озеро. Это была моя привычка, единственная оставшаяся.

Мы сидели на траве и ели сладкие палочки.

...

— Да.

— Это будет сложно.

— Я справлюсь.

Я сижу в коридоре. Пакет на голове, руки на коленях. Разглядываю пол, темные трещинки на белом кафеле. Где-то рядом должна быть охрана. Я их не вижу.

Он садится рядом. Я узнаю, что это он, прежде чем он начинает говорить. Я просто *чувствую*.

— Я провалила слушание, Инспектор.

Его рука касается моей.

Я смотрю — виден лишь кусочек большого пальца. Смуглая, загорелая кожа. Ноготь. А у меня кожа бледная-бледная. И ногти ломаются.

— Не обязательно, Фрэн.

— Как это будет?

— Что?

— Казнь.

Рука чуть сжимается. Теплая.

— Не казнь — ссылка.

Я вспоминаю Лори.

Мы вместе ходили в школу. Жили рядом, через улицу всего. Мы вместе бродили по магазинам и собирали коллекцию ярлычков с лейблами.

В шестнадцать она вышла замуж. Ей подобрали ее идеальную пару. У нее даже карточки не было. Больше мы не виделись.

Три года спустя мне позвонила ее мать. Сказала — Лори сослала. Куда-то к *непарным*. Я спросила — почему? Она ответила — муж ей изменял.

— Мы дадим вам второй шанс.

Я молчу.

Надо было бы что-то сказать, поблагодарить — я же просто молчу.

— Вы выйдете замуж. У вас будет новая пара. Ваш муж не будет первым — но он будет единственным. Вы понимаете, Фрэн?

— Да.

— Раз в неделю в течение трех месяцев вы будете приходить сюда. Получать консультации. Инспектор будет наблюдать за вами. Если все пойдет хорошо — уже через год мы оставим вас в покое.

— Что вы чувствуете, Фрэн? — женщина. Она все еще здесь.

— Я счастлива.

— Вы не кажетесь счастливой.

— Я устала.

(Неприкаянная)

— Что вы чувствовали, Фрэн?

Мои запястья больше не стягивает лента, но я все равно держу руки на коленях — как раньше. Как будто кто-то связал их спереди.

Это уже привычка, странная, странная привычка.

— Фрэн?

Глубоко вдыхаю. Пахнет осенью, влагой. Темно и ярко; ночь и город. Я смотрю вперед, на освещенную огнями магистраль, и не узнаю.

— Ничего. Я научилась ничего не чувствовать.

Он сидит рядом. Черный плащ, бейсболка, надвинутая на глаза. Я не вижу его лица, я не вижу его тела — но сейчас он реальнее, чем тень по ту сторону экрана.

— Я могу увидеть вас, Инспектор?

— А вам хочется? — спрашивает он.

Я знаю, он заметил. Что я ни разу не подняла глаза, не попыталась заглянуть под козырек. Мне не интересно, наверное.

Или, может быть, не во внешнем виде дело.

...

— Я не знаю, что делать, — тихо говорю я.

— Вы справитесь.

— А если нет?

— Вы справитесь, — повторяет он.

Пять часов; стемнело и рассвело. Когда с меня сняли пакет, солнце садилось. Красный закат, темные тучи.

Пять часов я сидела неподвижно. Не знала, куда податься.

— Вы должны жить дальше, Фрэн. Жизнь ждет вас.

— Да.

Он встает. Выше меня, но десяти не наберется. Меньше. Я смотрю на него снизу вверх, не приглядываясь. Я просто знаю — не он будет моей новой парой. Не он.

— Вы женаты?

Он не отвечает, отворачивается.
Личные вопросы. Нельзя.
— Увидимся в пятницу.
И уходит.
Я остаюсь.

Когда меня забирали, я была в легких босоножках. Тонкие ремешки, тонкие каблук. Я зацепилась за решетку, и один надломился.

На выходе мне вернули пакет с моими вещами. И каблук был до конца сломан. Оторван — и в тот же пакет брошен.
На самое дно.

До дома я добираюсь пешком.

Новый дом, как старый. Белые стены, белый потолок. Белый линолеум на полу. Заляпанная белой краской раковина, белые потеки на окнах.

Мой первый дом выглядел так же.

Я набираю номер, еще наизусть помню. Слушаю гудки.

— Привет, мам. Это Фрэн.

— Фрэн, — отвечает она. Ровно, бесстрастно. Ни удивления, ни радости. — Как дела, Фрэн?

Я медлю с ответом. Смотрю в заляпанное краской окно и молчу. В маленьком дворике под окнами две девочки выгуливают собаку. Они одинаковые — рост, волосы. Сестры, значит.

— Хорошо, — говорю. — У вас?

— Нормально. Как... твой муж?

Маленькая пауза была. Почти крошечная. Почти незаметная. Но была. Потому что она не знает, как моего нового мужа зовут. И я тоже не знаю.

Моя мать — идеальная женщина. Они с отцом — идеальная пара. Ей было пятнадцать, когда их поженили. И они — мне так кажется — любят друг друга.

Я должна была бы брать с них пример.

Но я даже не знаю имени своего мужа.

— Хорошо. Он на работе, наверное.

Я открываю шкафы и смотрю — что внутри. Мои вещи — не все, но большая часть — упакованы в пластиковые мешки с желтыми наклейками, на каждой наклейке — мой номер.

Я разрываю один пакет. Достая старый свитер, подношу к

лицу. Хочу вдохнуть запах *того* дома, но вдыхаю лишь запах дезинфицирующих средств.

Я знаю, они обыскивали мои вещи. Искали что-то там, может, доказательства, что я тоже изменяла. Записку от любовника или засушенный лепесток розы. Или просто чужой запах.

Я не помню своего мужа. Пытаюсь вспомнить, но не могу. Он просто был частью *идеальной пары*. Второй половинкой целого.

Безликой второй половинкой.

Я могу выдумать его образ — хоть сейчас. Могу прибавить десять сантиметров к своему росту, взять мой цвет глаз, волос, кожи. До мелочей.

Но все равно не вспомню. Я получу модель, не реального человека.

Моего нынешнего — или я должна сказать «*единственного*»? — зовут Джеймс. Так на карточке написано. И он, видимо, на работе сейчас. А я сижу в пустой квартире, в кресле, старый свитер на коленях, и кусаю губы. Чтобы хоть что-то чувствовать.

Неприкаянная — так обо мне говорили.

(Джеймс)

Учителя любили повторять — нет ничего хуже случайностей. Случайные встречи, шальные взгляды — все это лишнее, все это сбивает с толку и портит нам жизнь.

Ночью я забиралась с фонариком под одеяло и читала любовный роман в потрепанной обложке. Где у главной героини была *случайная любовь* с главным героем.

В конце она умирала.

Я открываю глаза.

Меня окружает все та же белизна, белые стены, белая кровать. Белая наволочка на подушке пахнет стандартным дезинфицирующим средством. Я смотрю на свои руки — тонкие пальцы, коротко обрезанные ногти, подживающие царапины на ладонях. И синяки на запястьях.

А потом я замечая *его*.

Мне кажется, что это сон — *неправильный сон*; и я лежу сейчас в одном из подземных бункеров, ожидая

слушания. На самом деле дверь вот-вот откроется, и мои руки стянут белой лентой и поведут в комнату с белым экраном и гудящим — сломанным? — вентилятором.

Он улыбается.

У него странная улыбка — это первое, что я замечаю. У него странная, просто странная улыбка. Не приятная и не неприятная, я не могу сказать ни того, ни другого — просто его улыбка странная.

— Фрэн, — говорит он.

У него зеленые глаза, да; но не блекло-зеленые, словно выцветшие, как у меня, а яркие, с желтоватым оттенком. Его кожа темнее моей. И он сам, весь, не такой, как я.

И я не верю.

Не верю, что он — моя новая *идеальная пара*. Должно быть там, внизу, произошел сбой, и кривая совместимости вышла неправильно. Они ошиблись.

— Джеймс, — выдыхаю я.

И он смеется.

Он наливает мне чаю.

Кружки его, из его вещей. Яркие; моя — зеленая, его — оранжевая. Как два пятна.

— Я у тебя второй, — он даже не спрашивает. Он просто утверждает.

Но я все равно киваю, просто так; потому что когда муж задает вопрос — надо отвечать. Меня так учили.

— А я у тебя? — неуверенно. Я не привыкла задавать вопросы, не привыкла получать ответы.

Впрочем, ответа я и не получаю. Он просто усмехается.

— Нет. Ты у меня не вторая.

Я могла бы догадаться.

На его карточке нет возраста, нет года, нет вообще ни одного числа, кроме идентификационного номера и серии. Его карточка старого образца.

Я пытаюсь вспомнить, когда же выдавали карточки такого образца, но вспомнить не могу. Я слишком плохо учила историю гражданских прав.

Он старше меня.

Не *старее*, именно старше. В нем есть все то, что приходит только с опытом, — уверенность и что-то еще. Странное. Еще что-то странное в нем.

С моим первым — хотя сейчас уже неправильно так говорить, мой первый теперь Джеймс — мы были почти ровесниками. Мне семнадцать, ему — около девятнадцати; оба друг у друга первые, оба с планами и надеждами. Которые разрушились сразу же, в день после свадьбы. Рутинa сожрала нас и выплюнула уже пережеванных, с переломанными костями и кровоточащими ранами. Я так и не оправилась, просто научилась жить по инерции. Он? Не знаю.

— Ты любила его?

Я вздрагиваю.

Я боюсь смотреть ему в глаза, боюсь даже просто смотреть на него. Я отвыкла от взглядов, отвыкла от того, что на меня смотрят. Особенно так, как он, — пристально, внимательно.

Я так и не рассмотрела его как следует.

— Кого?

— Твоего первого мужа.

Я кусаю губы. Смотрю вниз, на свои колени; и мои руки словно бы стянуты невидимой лентой. Мне не хватает только экрана, вентилятора и голоса.

Его голоса, голоса моего Инспектора.

— У меня... — Осекаюсь. Я не знаю, проверка это или нет, проверяет меня Джеймс или нет. Если я скажу «да», это будет ошибкой. Но и «нет» — тоже. Правильный ответ — ты мой первый и единственный. Как-то так.

Но я не могу этого сказать. Не могу произнести этих слов.

На его губах странная улыбка, и я мечтаю, чтобы прямо сейчас между нами опустился экран.

И чтобы он слова заглушал тоже.

— Ты милая девочка, Фрэн, — говорит Джеймс. Все с той же улыбкой, странной.

Я стою у зеркала в ванной.

На двери нет защелки, нельзя пока. Первые три месяца — никакого уединения, никакой частной жизни. Мы должны стать одним целым, потом только все остальное. Мы должны научиться жить вместе, и даже дышать в ритм.

Я стою у зеркала и никак не могу заставить себя раздеться.

Он ворвался без стука, просто пнул дверь ногой, и она распахнулась. Он был пьян — и это был первый раз, когда я почувствовала запах пьяного. Особый запах, врезавшийся в мою память.

Я обернулась.

У него заплетался язык, и я долго не могла понять, чего же он хочет. Не понимала его слов, его жестов, его движений. Не понимала, зачем он стягивает с себя одежду, разве он не может подождать, пока я вылезу из ванной.

Он еле держался на ногах и ухватился за занавеску, чтобы не упасть. Оторвал ее; она упала на белый кафельный пол и так и осталась там — как бледно-зеленая лужица.

А потом он забрался ко мне, потом он прижал меня к мокрой стене, потом его руки лезли туда, куда не должны были бы лезть, потом я кричала, плакала и вырывалась...

...мне было больно.

Да, мне просто было больно. И я не чувствовала, что стала частью чего-то идеального.

Я не могу заставить себя раздеться.

Я смотрю на себя в зеркало — бледная кожа, синяки под глазами, бледные губы. Расширенные зрачки. Искушенные губы, до крови.

Дверь открывается с тихим скрипом.

Наверное, они забыли смазать петли.

(Переключая каналы)

Щелчок.

Я чувствую себя маленьким ребенком.

Я сижу на полу в гостиной, прямо на белом ковре; сижу, обхватив руками колени, закутавшись в старый свитер. Я держу в правой руке пульт дистанционного управления и беспорядочно переключая каналы.

Я не знаю — что будет, если Джеймс проснется, если он войдет сюда, ко мне.

И я боюсь того, чего не знаю.

Там, в белой комнате, когда я лежала на койке, сжавшись в комочек, я думала — зачем все это? Зачем вся эта сложная система, зачем эта точно выверенная и заранее рассчитанная совместная жизнь, когда все может быть проще.

Они могут привязать меня к кровати и позволить моей идеальной паре делать, что нужно.

Когда я сказала об этом Инспектору, он молча поставил галочку в своем блокноте. А потом обвел ее кружочком и

подчеркнул двумя линиями.

Или перечеркнул.

— Это всегда сложно, — говорит Джеймс.

Я вздрагиваю.

Он лежит на кровати, вытянувшись поверх одеяла, и наблюдает за мной.

— Извини, — бормочу я. — Я не хотела тебя будить.

Он фыркает. И еще усмехается, наверное, но в темноте я не вижу его усмешки. Даже если она есть.

Все, что я знаю о нем сейчас, — он часто смеется. У него странный смех, и есть в нем что-то такое, что меня пугает.

А больше я не знаю ничего. Ни его прошлой жизни, ни его нынешней. У него многое позади, многое осталось *там*, в той его жизни *до меня*, но пугает даже не это. Не то, что ушло в прошлое, а то, что перешло в настоящее. Я боюсь того подтекста, который кроется за простым именем Джеймс и карточкой старого образца.

Без дат и цифр.

— Ничего.

Он хлопает по матрасу.

— Садись. Нам надо поговорить.

Я слушаюсь.

Белая простыня, белый пододеяльник — и его темный силуэт на фоне всей этой белизны. Это как-то *символично*.

— Я у тебя второй, — повторяет он.

Он уже говорил это раньше, легко и чуть насмешливо, но сейчас он говорит это по-другому. Серьезнее. Как будто сейчас в этом слове — второй — стало куда больше смысла, чем раньше.

— Да, — признаюсь я.

— И твой первый брак был неудачным.

Я кусаю губы.

Я кусала губы — чтобы выступила кровь.

Я обмакивала в эту кровь палец, и рисовала красные цветы на белых простынях. Чтобы они не были белыми — стерильно, безупречно белыми.

— Я бы не сказала, что...

— Фрэн, — он касается моей руки.

Я умолкаю. Я смотрю на его пальцы, стиснувшие мое запястье, и его кожа кажется такой темной на фоне моей. Слишком темной.

— Перестань. Ты не там. Я не Инспектор. И тебе не надо притворяться.

— Я не притворяюсь, — тихо возражаю я.

Сначала мне кажется, что он не слышит моих слов. Потому что он молчит, просто молчит; и часы в другой комнате тикают, а мое сердце бьется слишком часто. Потому что я почти не вижу его в темноте и не вижу его лица.

Но потом он начинает смеяться.

Он смеется тихо и зло; именно зло, и никак иначе — как бы плохо я ни разбиралась в человеческих чувствах и эмоциях, это не подлежит сомнению.

Я не боялась своего первого мужа.

Я знала, что он может — и любит — причинять мне боль. Но не больше. Только боль, тупая физическая боль, которая утихла через какое-то время и становилась смутным воспоминанием. Пока не повторялась.

Я не боялась его.

Сейчас я боюсь.

— Ладно, девочка, — наконец, говорит он, — я не буду трогать твой маленький черно-белый мирок.

И отворачивается от меня к стене.

Он пожелал мне удачи.

Мы сидели рядом, на желтой скамейке под деревьями, и желто-красные листья на сером асфальте напоминали пятна пролитой краски. Моя нога касалась его ноги, и это было моим первым реальным ощущением вне белой комнаты. Первым, что я по-настоящему почувствовала.

А потом он пожелал мне удачи.

(Занимаясь любовью...)

— Мое имя Фрэн, — говорю я. Протягиваю карточку дежурному администратору; она смотрит на мой номер, смотрит на экран и кивает охраннику.

Я вытягиваю руки вперед — запястье к запястью, как меня научили.

Администратор качает головой — не надо. Она улыбается мне — с жалостью и чуть насмешливо.

Это смешно, да.
Мои руки дрожат.

Он поворачивается.
Я замираю.

Минуту мы смотрим друг на друга, он — на меня, я — на него. Это неожиданно. И странно. Без белого экрана, разделяющего нас, вне белой комнаты. И так вот, в этом почти уже реальном мире, мы чужие.

Нас разделяет гораздо больше, чем просто белый экран.
— Фрэн.
— Инспектор.

Снаружи осень — мокрая и сырая. Пасмурный день — хмурое небо и мелкий дождь.

Мы идем рядом; у него большой черный зонт, у меня — красный. Я почти не вижу его лица, и это кажется правильным. Это возвращает в прошлое. К бестелесным голосам и теням на экране.

Руки мерзнут, перчатки я оставила дома.

— Как вы? — наконец, спрашивает он. У него ровный голос, выверенный. Тщательно подобранные слова, тщательно подобранные интонации. Раньше я этого не замечала.

Сейчас, после Джеймса, замечаю.

Он отстраненный. Максимально отстраненный, максимально чужой. Вся наша иллюзорная близость родилась и умерла в белой комнате. В реальной жизни ей нет места.

Я делаю глубокий вдох — холодный, влажный воздух с запахами осени — и, наконец, понимаю, что живу. Дальше. Двигаюсь вперед.

Я улыбаюсь.
— Уже лучше, Инспектор.

Я думала о нем.

Я лежала без сна, отвернувшись от Джеймса, и думала о нем. Вспоминала его голос, прикосновения его рук. Слова и фразы, случайно вырванные из прочего контекста.

Я жила ради этой встречи.

Мы садимся за столик уличного кафе. Прячемся под широким красно-желтым зонтиком. Народу почти нет, вокруг

— ровные ряды пустых столиков, на которых только пепельницы. Где-то в другом конце — молодняк, еще *непарные*.

— Мне казалось, что это ужасная ошибка, — начинаю я. — Мне казалось, что это неправильно, и мы с Джеймсом — *неправильная пара*. Мы не можем быть парой.

Он смотрит на меня. Локти на столе, руки в перчатках.

Нам приносят меню, я заказываю кофе, он просто откладывает его в сторону. Ждет продолжения.

Я продолжаю.

Рассказываю все — мысли, сомнения. Рассказываю о своем *первом*, о своих чувствах. О том, что боюсь повторения, еще одного такого же. Что держусь от Джеймса на расстоянии, и он не пытается его сократить.

Жду его реакции.

Я представляла его и себя; дешевую гостиницу с номерами на одну ночь, кровать со скрипящими пружинами.

Представляла, как расстегиваю его пальто, снимаю рубашку. Как раздеваю его — медленно, боязливо. Не представляла того, что увижу, — представляла только сам процесс.

Представляла, как опущусь на пол, на колени, подамся вперед.

И как скажу, наконец: *я люблю тебя*.

Я жду его ответа.

Мой маленький черно-белый мирок сжимается в одну маленькую черно-белую точку, замирает в ожидании. Чтобы развернуться потом обратно, как пружина, или же разлететься на мелкие кусочки и собраться уже серым.

Я жду.

— Это естественно, — тихо говорит он. — Все так думают, Фрэн. Сразу после белой комнаты — все так думают.

— И мне все кажется, да?

Вздергиваю подбородок.

Смотрю ему в глаза, впервые. И они светло-серые, без оттенков — просто светло-серые, словно выцветшие.

— Что вам кажется, Фрэн?

— Что мы связаны.

Он смеется.

Я встаю.

Нетронутый кофе на столике, белый пар в холодном воздухе.

Он молча наблюдает, как я завязываю шарф, поправляю воротник куртки.

Он так и не ответил. Если не считать смех ответом.

Впрочем, я считаю смех ответом.

— До встречи, Инспектор.

Инспектор-Тень.

Я жду, что он меня остановит. Попросит подождать, остаться, говорить дальше.

Но он только пожимает плечами.

— До встречи, Фрэн.

Я ухожу.

В лифте я прислоняюсь к стене.

Стою так, неподвижно. Мне плохо, но слишком плохо, чтобы хотя бы плакать. Я могу только стоять, глядя в никуда, стоять и думать о том, что было и что будет. Абстрактные мысли.

Ничего конкретного.

Джеймс возвращается в семь.

Душа напрокат

Рассказ

Поспать удалось всего четыре часа, но я чувствовал себя вполне работоспособным. Надо бы еще кофейку попить. Где там мои бумаги? Этот час у меня самый продуктивный. Дети не мешают, мобильник отключен, все считают, что я уже в офисе, телефон не звонит каждые пять ми... В дверь позвонили. Надо же! Сглазил. Я посмотрел на часы. Всего лишь девять. Неужели соседи за какой-нибудь мелочью?

Я глянул в дверной глазок. Перед дверью стоял незнакомый мужчина.

— Кто? — спросил я.

— У меня деловое предложение, — сказал мужчина.

— Ничего не покупаю. — Я отвернулся и двинулся к дивану. Только коммивояжеров мне с утра не хватало.

— Подождите! — Незнакомец понял, что я ухожу. — Я ничего не продаю. Скорее, я покупаю.

— У меня нечего продавать. — Я даже удивился, такие бродячие торговцы мне еще не встречались.

— Найдем. Это даже не совсем покупка. Фактически взаимовыгодная сделка.

Люблю использовать слово «взаимовыгодный» в своей аргументации. На сделку я, конечно, не рассчитываю, но голос у незнакомца интеллигентный, не чувствуется никакой потенциальной опасности. Я открыл дверь. На кухне зашипел выкипающий кофе. Я стрелой помчался на звук и запах.

Когда я вернулся, незнакомец уже удобно устроился на диване, держа на коленях папку с какими-то бумагами.

— Кофе хотите? — спросил я.

— Спасибо, не откажусь.

Я уточнил требуемое количество сахара и через минуту вернулся с полными чашками.

— Скажите, вы никогда не думали пожертвовать свои внутренние органы для пересадки в случае вашей гибели от несчастного случая?

Я приуныл. Ничего себе «сделка»... Пускай допивает кофе и сматывается.

— Не думал, — ответил я. — Если вы за этим, то сейчас я не готов.

— Да я не за этим, — гость улыбнулся. — Это просто так, для разгона, вопросик. По ассоциации.

Странные у него были ассоциации. Не знаю, что там за деловые предложения, но потенциальных клиентов можно распугать.

— Вы ведь, судя по всему, неверующий, — скорее подтвердил, чем спросил незнакомец.

— А если нет? — Гость начал меня раздражать.

— Хотелось бы узнать, что вы думаете о загробной жизни, о бессмертии души.

Та-ак. Приехали. Лучше бы я сразу в офис поехал, чем с утра пораньше дурацкие разговоры разговаривать.

— Извините, — сказал я. — Вы обещали мне какую-то взаимовыгодную сделку. Не скажу, что я на нее рассчитывал, но мне захотелось отвлечься. На что-то более-менее нормальное. А философские темы... Они, конечно, интересны, но сейчас я не готов. Если у вас что-то конкретное — пожалуйста, излагайте. А нет — допиваем кофе и расстаемся довольные друг другом.

— Какой вы резкий, — гость глянул в свои бумаги, — Игорь. Я хотел как лучше, постепенно. Люди ведь по-разному реагируют. Пугаются некоторые. Но раз вы настаиваете... Значит, так. Я хотел бы заключить с вами выгодный краткосрочный контракт. Взять в аренду на первые пять дней после смерти вашу душу.

Кое-что прояснилось. Мужик был психом. Натуральным. Несмотря на приличный внешний вид. Оставалось только надеяться, что он не буйный.

— Сколько вы зарабатываете в день? — гость продолжал говорить.

— Я бизнесмен и отчитываюсь только перед налоговым инспектором.

— Хороший ответ, — вполне рассудительно и даже с уважением сказал псих. Какая у нас средняя зарплата по стране? Да что нам страна? Вы же начальник. Среднего звена. То есть в месяц зарабатываете... Неважно. Я заплачу вам столько же за каждый день — две тысячи долларов. За пять дней — десять тысяч. Деньги у меня с собой наличными. Договор тоже. Написано все по-русски, никакого мелкого шрифта в примечании. Без подвоха. Чем не деловое предложение?

— Пять тысяч в день, — автоматически ответил я и отпил остывающий кофе. Нет. Это был не псих. Богатых психов держат под надзором, а бедные не швыряются деньгами направо и налево. Кто же тогда? Какая-нибудь «скрытая камера» с телевидения, «Сам себе режиссер»? Я глянул на папку. Съёмочная аппаратура там прятаться не могла. И никаких сумокемоданов.

— Вы меня удивляете, — возмутился гость. — Получить десять тысяч долларов ни за что — вам этого мало. Три в день — и все. Прочитайте договор, там все просто и ясно.

— Пять, — повторил я и взял бумагу.

Действительно, проще не бывает. Я, Игорь Ленский, соглашался отдать свою душу в аренду сроком на пять дней, начиная с момента моей смерти. Оплата... пробел... немедленно. Деньги получил. Место для подписи.

Что радовало — мое вознаграждение еще не было вписано. То есть имело смысл как следует поторговаться. Что не радовало... Все не радовало!!! Каким идиотом надо быть, чтобы подписать подобный документ? Где и когда вообще встречаются подобные документы?

Я начал догадываться, что это сон. Проснулся утром, хотел встать, но уснул опять. Бывает. Сплю и вижу, что кофе поставил, бумаги приготовил и все такое прочее до «...начиная с момента моей смерти». Какой четкий сон!

Я попытался повернуться и открыть глаза. Не поворачивалось и не открывалось. Щипать себя я не стал, без толку.

— Четыре, — сказал незнакомец. — Давайте, я впишу, двадцать тысяч получается.

Я и сам был силен в арифметике. И в разных других вещах. Например — в литературе. Существовал неподъемный массив книг о людях, продающих свою душу дьяволу. Аренда, конечно, отличается от продажи...

— Вас случайно не Мефистофелем зовут? — спросил я.

— А-а-а... Гёте вспомнили. Нет, я не Мефистофель. Так вы подписываете?

Мне не понравилось, что гость не захотел представиться. Я, по-моему, достаточно ясно намекнул.

— Кому, кроме дьявола, может понадобиться моя душа?

Сказал, а самого аж перекосило от глупости сказанного. Тоже мне... Фауст недоделанный.

Гостя перекосило ничуть не меньше, но он быстро превратил гримасу в улыбку.

— Ну... Вы же нормальный человек. Какие, к черту, дьяволы?

— Нормальные люди не сдают свою душу в аренду. Особенно — после смерти. И нормальные же люди не ходят по квартирам с идиотскими документами, — не выдержал я.

— Вот вы на меня кричите, — укоризненно сказал гость, — сами же не дали толком ничего объяснить. Я ведь пытался. Нормальные люди завещают свои органы для пересадки? Да. Скелеты свои для разных музеев и лабораторий тоже завещают, случается. Мозг для исследований — редко, но бывает. Это во-первых. Во-вторых, миллионы, нет, миллиарды абсолютно нормальных людей уверены в существовании души. А я ведь не прошу вас завещать или продать мне вашу душу. Боже упаси! Всего лишь — мало к чему обязывающая сделка. Если душа — это сказка, вы получаете двадцать тысяч ни за что. Если душа реально существует, то вам все равно нечего волноваться. У вашей души впереди вечность. Что такое по сравнению с вечностью пять дней?

Собеседник произнес: «Боже упаси!» Даже если это просто оговорка, дьявол и ему подобные не должны делать такие оговорки. Во всяком случае, в книгах так написано. Вот черт! Ну и мысли у меня. «Бог», «Дьявол». А я, конечно, главный праведник, чья душа позарез нужна... для чего?

— Ну, хватит, — сказал незнакомец, — мне пора двигаться. Вы победили. Пять в день, я согласен. Итого: двадцать пять на руки. — Он вытащил две плотные пачки купюр. — Сейчас сосчитаем...

— Я передумал, — деньги выглядели очень заманчиво и доставались слишком легко, а потому таили какую-то опасность. — Вы мне наболтали какой-то бред про внутренние органы со скелетами, приплели бессмертие души и считаете, что этого достаточно? Как я могу свою бесценную, бессмертную душу сдать напрокат подобно автомобилю? Неизвестно кому, неизвестно зачем? А может быть, вы ее за пять дней так уделаете,

что потом она и за миллион вечностей в себя не придет! Ну-ка, объясните мне просто и доходчиво: зачем вам нужна моя душа на пять дней? О деньгах пока вообще речь не пойдет.

Физиономия у гостя стала такая, словно он тщательно разжевал лимон и проглотил его весь, до последней косточки.

— Это довольно сложно, — наконец сказал он. — Будем считать...

— Не будем, — бесцеремонно перебил я. — Излагайте все как есть.

— Ну... есть тысячи всяких сект. Я из одной такой...

— Название?

— Э-э-э... «Истинный путь».

— Почему «э-э-э»?

— Я переводил на русский. Так вот. Мы верим в бессмертие души. У нас есть основания верить в нее, кое-какие доказательства, вам как неверующему они неинтересны. При этом наша религия ничуть не противоречит другим религиям. Ни христианству, ни исламу, ни иудаизму.

— А буддизму?

— Тоже. Не перебивайте. Вы же не хотите, чтобы я запутался и запутал вас?

— Когда люди говорят правду, они не путаются.

— Правда правдой, но я ведь стараюсь излагать понятно и сильно упрощаю. А тут можно запутаться. Так... Мы, члены нашей группы, секты, как вам удобней, довольны нашим общением здесь, в этом мире, и не хотели бы расставаться там, в загробной жизни. Понимаете? Хочется обеспечить свое будущее с максимальным комфортом.

— А моя душа будет как прислуга?

— Нет, зачем же так. Дело в том, что у загробной жизни свои законы. Мне их трудно, невозможно объяснить на пальцах, так что не просите. Ну, там что-то вроде демократии. Есть выборы. Мы хотим выдвинуть мою кандидатуру. Фактически, я покупаю ваш голос. Не волнуйтесь, там это вполне законно. А срок в пять дней... Возможна ведь определенная погрешность. С датой вашей смерти относительно точной даты выборов.

Ох, не надо было ему говорить насчет даты моей смерти! Он что, знал ее? Сомнительно. Тогда — он рассчитывал меня убить к «точной дате выборов»! Я так в лоб и спросил — на когда намечено массовое самоубийство сектантов, и есть ли у меня пригласительный билет. Незнакомец проглотил второй лимон. На этот раз — довольно быстро, почти не разжевывая.

— Чепуха какая, — заявил он. — Очень мне нужно вас убивать! Есть ведь статистика, гороскопы, другие методы. Не то чтобы мы знали, когда вы умрете, но есть определенные... предсказания, предвидения.

— Дата, — сказал я. — День, месяц, год. Когда я должен умереть, по вашему гороскопу?

Рука собеседника потянулась к папке, но он спохватился и отдернул ее.

— Все равно это мистика с вашей точки зрения. И нельзя, запрещено.

— Извините, я не буду ничего подписывать. Надеюсь, что вы победите на выборах и без моего жалкого голоса. Желаю успеха. Всего хорошего.

— Но...

— Никаких «но». Обратите внимание. Я даже не говорю «до свидания». Все.

Дверь закрылась за незнакомцем. Я облегченно вздохнул. Облегченно ли? Черта с два! Именно сейчас я начал нервничать. Этот придурок, сектант, дьявол, ангел... знал точную дату моей смерти. Как он потянулся к папке, чтобы посмотреть! И каким идиотом надо быть, чтобы проговориться о таких вещах! Но что теперь? Если есть загробная жизнь, значит, религия действительно права. Есть Бог, рай, ад. И если я не хочу попасть в ад, то я же должен, черт побери, ой, пардон, соблюдать эти... как их... заповеди!

Мне расхотелось работать. И в офис расхотелось. Маленький праздник у подчиненных: шеф на работу не вышел. Но что такое работа по сравнению с вечностью? С бессмертием души?

В дверь позвонили. Я осторожно глянул в глазок. Нет, это не недавний гость. Здоровенный такой мужик, бородатый. В жизни бы такому дверь не открыл, но тут руки действовали совершенно автономно.

Дверь открылась, впуслав очередного гостя.

— Ленский Игорь, — сказал он вместо приветствия. — Это вы?

— Он... я. Да. Что...

— У вас уже был кто-то?

— Да.

— Надеюсь, вы не подписали?

— Нет, но...

— Очень рад за вас. Я чувствую, что истинные ценности намного ближе вам, чем... — Гость говорил и говорил. Гладко, красиво, мощным глубоким басом оперного певца, по-моему,

с неуловимым акцентом. Я несколько раз попытался вставить хоть слово, но безуспешно.

— Понимаете, эти извращенцы пытаются перенести свою экспансию даже в загробный мир, — оратор приблизился к финалу. — Мы не можем допустить, чтобы они прибрали к своим нечистым и нечестивым рукам самое дорогое, что у нас есть: власть над нашими бессмертными душами. Нам ни за что нельзя проиграть эти выборы! Вот. Вы получаете двадцать тысяч, подписываете контракт на пять дней и остаетесь с чистой совестью.

— Вообще-то, мне предлагали двадцать пять, — задумчиво сказал я. Честно говоря, мне уже было наплевать на деньги. Бредовая история угнетала своей абсолютной приземленностью и одновременно абсолютным отсутствием здравого смысла. Я внимательно посмотрел на второго незнакомца. Что если первый переделся и загримивался? Черта с... пардон то есть. Вряд ли. Второй намного крупнее. Никакой грим тут не помог бы. Но если это дьявол или другая нечистая сила, то что стоит нечистой силе перевоплотиться. Боже мой! О чем я думаю? Дьявол, не дьявол... Стоит вполне реальный мужик и напряженно думает. Кажется слышно, как мозги скрипят в голове от натуги. Разве таков сатана, враг рода человеческого?

Собеседник взмахнул рукой. Наверное, с таким вот жестом Цезарь отдал приказ перейти Рубикон.

— Хорошо, я согласен. — От слов, произнесенных с чудовищной громкостью, задребезжали стекла. — Тридцать тысяч. Я понимаю, финансовые проблемы... Я готов вам помочь. Вот контракт.

— А я, кажется, ничьей помощи не просил.

— Но вам же выгодно! Если вы неверующий, контракт для вас ничего не значит. Легкие деньги, не более того. А если вы религиозный человек, то должны понимать: нельзя позволить этим язычникам, этим...

— Уже было, — устало сказал я. — У меня есть другие возражения.

— Я вас слушаю, с удовольствием все объясню.

— В контракте написано: на пять дней. А Господь Бог наш... — гость посмотрел на меня с недоумением, — за пять дней создал весь окружающий мир. Фактически — все. Только людей в шестой день создавал. И считается, что эти дни по своей длительности равны миллиардам лет. Дело в том, что я не хочу влететь в рабство на несколько миллиардов лет за жалкие тридцать штук баксов. И вообще ни за какие деньги не хочу.

Гость в очередной раз задумался. Он очень гладко излагал домашние заготовки, но с импровизацией у него было неважно. Первый выглядел куда более бойким. Именно это отличие убедило меня, что речь вряд ли идет о перевоплощающемся дьяволе.

— Ну, — неуверенно сказал «мыслитель», — мы можем вписать в контракт примечание о длине суток. Двадцать четыре часа, по шестьдесят...

— Не пойдет. Кто знает ваши загробные часы и минуты? Не буду вас больше задерживать. Всего хорошего.

— Подождите. Вы меня не задерживаете. Я сейчас подумаю. — И мой второй гость, удобно устроившись на диване, привел свою угрозу в исполнение. То есть — задумался.

Я хотел было сказать, что если не я его, то он меня уж точно задерживает. Но понял, что такую железобетонную задумчивость пробить невозможно.

— Пульса нет, — неожиданно сказал гость. По-моему — сам себе. — По пульсу нельзя, — и снова впал в состояние близкое к коме.

— Скажите, а если я сейчас покончу с собой, моя душа для вас пропадет? — спросил я.

«Вопрос по существу» вывел незнакомца из транса.

— Религия запрещает самоубийства, — назидательно сказал он. — Да зачем вам убиваться? Берите деньги, радуйтесь жизни. Я тут, кажется, придумал что-то на ваше возражение. Впишем в договор: «Продолжительность пяти дней определяется исходя из времяисчисления людей, находящихся после смерти Игоря Ленского в своей телесной оболочке на Земле».

— Запутанно, — отрезал я. — Чтобы подписать запутанный договор, нужна консультация адвоката. Гонорар адвокату превысит мой заработок от аренды. Все.

Агитатор загробных выборов тяжело вздохнул. Его вздох прозвучал, как стон.

— Так ведь душа... — сказал он. — Вы же неверующий! А эти индуисты...

— «Хорошую религию придумали индусы», — пропел я. И обалдел. В смысле — задумался. И гость мой почему-то замолчал. Тихий-тихий стал. По-моему, от него, когда он стоял за дверью, шума было больше, чем от сидящего сейчас напротив. В метре-полтора.

— Ин-те-рес-но, — вкрадчиво сказал я. — А как религия относится к переселению душ?

— Это очень сложный вопрос, на пальцах не объяснить, — спокойно ответил гость. Как-то слишком спокойно.

Тут я обратил внимание, что, как бы между прочим, он убрал заготовленный листок с договором в папку. И погрузился. (Он, не я.) Что-то с переселением душ было не так. Не знаю, что именно, но меня явно обманывали. И если мой гость не мог изложить свою точку зрения на инкарнацию, то вся его религиозность оказывалась фальшивой.

— Все, — веско сказал я. — Душа бесценна. Не продается, в аренду не сдается.

Гость, утратив всю свою басовитость, что-то буркнул на прощание и ушел. А я остался, очень заинтригованный. Если после первого визитера я принял что-то на веру из его рассказней о выборах на том свете (как иначе объяснить мой резко возросший интерес к вопросам религии?), то второй несмотря на всю свою напускную религиозность резко перенаправил ход моих мыслей. Что же это: кто-то хочет подчинить себе некое тело, будущее пристанище моей непутевой души? До чего только не додумаешься после бесед с двумя придурками! Но меня же хотят завербовать всего на пять дней... Кому интересно тело пятидневного младенца. В голове промелькнуло несколько версий, но в связи с абсурдностью этих мыслей я плюнул на занимательное душеведение и вернулся к бумагам. Соберу-ка я их и поеду в офис.

В дверь позвонили. Третий? Я посмотрел в глазок. Мужчина. Незнакомый. Точно, третий. Не пускать?

Но я открыл дверь, даже не задавая вопросов. Во-первых, хотелось разобраться. Во-вторых, предыдущие «вербовщики» несмотря на назойливость были абсолютно не агрессивны. То есть — безопасны в быту. А времени не так уж и жалко, все равно уйму утробил.

— Привет, — сказал третий гость. — Игорь Ленский? Отлично. К тебе тут уже заходили два клоуна долбанных? Понял, понял. Один под Воланда косит, а второй под попа-расстригу. Ты не подписал?

Я не произносил ни слова в ответ, достаточно было легкого кивка головы или поворота, чтобы мой гость их интерпретировал. Он и продолжил без запинки.

— Слушай. Я тебе мозги пудрить не буду, расскажу все как есть. Только ты меня не выдавай. У нас спор. Пари. На очень большую сумму. Берем несколько клиентов наугад, по телефонной книге. Бумага придумана с абсурдным текстом. Про аренду души на пять дней и все такое. В количестве денег мы ограничены, от наших затрат зависит наш выигрыш. Давай так сделаем. Я не мелочусь, все равно выигрыш перекроет. В договор впишем тридцать тысяч

долларов. На руки ты от меня получаешь пятьдесят, но не долларов, а евро, насколько это больше, ты сам знаешь, не маленький. А места купюры занимают меньше, куда удобней с собой носить. Сам сосчитаешь. Но это, конечно, строго между нами. Подписываешь договор, и все. Считай деньги, но учти, я тебе заплатил только тридцать и в баксах. Где тут у тебя удобно деньги пересчитывать?

Парень (явно моложе своих предшественников) раскрыл кейс и вывалил на диван целую кучу купюр. Пятисотки и двухсотки. Я молча любовался всем этим великолепием. И думал. Как все просто! Никакой мистики, загробных выборов и прочего. И, как всегда, мошенник обходит своих относительно честных конкурентов.

Третий гость пересчитал деньги и вручил мне. Все было чисто. Никаких «кукол». Если только деньги не поддельные. Говорят, даже банки удастся обмануть, а у меня никакой техники для проверки... Парень достал из папки бланк договора, вписал «тридцать тысяч долларов США». Мысль о поддельных евро не давала мне покоя. К кому я обращаюсь, если они меня обманули? Боже мой, все так просто! Договор же о вещах абсолютно абстрактных, значит, я смогу порезвиться от души.

— Впишите в договор пункт, — сказал я.

— Смотря какой, — третий гость не кинулся спорить, он смотрел на меня с ожиданием.

— Если выплаченные за аренду души деньги окажутся фальшивыми, договор теряет силу.

— Молодец! — восхитился гость. — Надо же, какая хватка! Приятно иметь дело с умным человеком. Записываю.

Я подмахнул договор, распрощался и уселся любоваться на пятьдесят тысяч дармовых евро.

Вскоре в соседней квартире заработала машинка для циклевания паркета. По-моему, эти соседи — последние, кто перебирается в наш дом.

Черт! Боже! Дьявольщина какая-то. Наш дом — новый. Мы сами перебрались три недели назад. А в телефонной книге записана наша старая квартира. О каком пари со случайно выбранными клиентами может идти речь?

И я с тоской посмотрел на жалкие пятьдесят тысяч евро.

Лекарь

Рассказ

Перекрестье оптического прицела перечеркнуло чужой затылок. Плавное движение пальца — ощутить ставшую уже привычной отдачу и сразу же исчезнуть. Использовать доли секунды до того, как превратишься в идеальную мишень. Потому что невозможно осознавать реальность, когда она рассыпается на осколки в огне чужой боли... чужой агонии, чужой смерти.

Мир снова обрел плоть. Я вытерла лицо рукавом, размазывая по щекам штукатурку. Кажется, обошлось. Еще раз. Проклятый дар! Ему все равно, что лекарь стал убийцей.

Осторожно выглянула из окна: вокруг убитого суетились. Кто-то расстреливал близлежащие окна — автомат судорожно дергался в побелевших пальцах, лицо перекошено. Никто вас сюда не звал, ребятки, а раз приперлись — получайте.

Пора делать ноги. Я привычно закинула винтовку на плечо. Многие мои «коллеги» оставляли зарубки на прикладе — по числу удачных выстрелов. Мне они были не нужны — каждый остался в памяти агонией чужого разума, осознавшего, что умирает. И злорадным торжеством потом — когда понимаешь, что ты жива. Несмотря ни на что. А значит...

Пистолет давно стал продолжением руки. Чужие солдаты штурмовали город уже три недели. Самое поганое в уличных боях — не поймешь, где свои и что встретит тебя за следующим углом — приветствие или пуля. Ладно, будем надеяться,

что наши не ушли из того дома, где я их оставила полдня назад. Добраться по подвалам до них не так уж трудно... для того, кто знал эти подвалы наизусть. Когда-то здесь был больничный корпус, в котором мы проходили практику. Помнится, в первый раз я заблудилась в этих бесконечных переходах. Казалось, буду бродить вечно среди стен, освещенных тусклыми лампочками, и никто никогда не найдет... даже испугалась. Два года назад. Целую жизнь назад.

Надо же, добраться до места удалось без приключений. Что-то не к добру везет в последнее время. Я вытянулась по стойке смирно:

— Товарищ командир. Выполняя боевое задание...

Рапорт, как мы говорили в детстве, — «отлетал от зубов». Лешка с официальным лицом слушал. Впрочем, для кого «Лешка», а для кого и «товарищ командир». Забавно было встретить одноклассника в этом аду. Жизнь вообще в последнее время стала очень забавной штукой. Как в той старой байке про хана, собиравшего дань: «Они смеются, значит, у них и впрямь ничего не осталось».

— Рапорт сдан.

— Рапорт принят. — Он улыбнулся, сбросив маску командира. — Ты молодец, Анечка. Иди, отдыхай... вроде поспокойней стало. Я через полчаса загляну.

Тут, похоже, и впрямь стало поспокойнее — канонада откатилась на другой конец города. Интересно, как долго мы сможем продержаться... Потому что за спиной река и отступать некуда. Как там звали древнего полководца, спалившего свои корабли?

— Аня, можно к тебе?

— Заходи.

— Поговорить надо.

— Садись, — я пожала плечами. В этой комнате сохранились остатки мебели — стол и пара табуреток. Кажется, в другой жизни это было кухней. Лешка осторожно устроился на краешке второй табуретки.

— Поговорить надо, — повторил он. Кажется, парень был сконфужен.

— Что случилось? — я взглянула на него внимательней. «А он изменился», — мелькнула нелепая мысль. Что же, все мы изменились — и явно не в лучшую сторону. Интересно — еще одна нелепость — про нас уже сплетничают? Поводов, наверное, масса, хотя причины нет. Он, может, и не прочь, да только мне не до того.

— Аня, тебя переводят.

— Куда?

— Видишь ли... твоё личное дело все-таки дошло до заинтересованных людей. Будешь работать в госпитале. В столице. Врачей не хватает.

— Чушь собачья! — возмутилась я. — Врачей полно: четыре года, и вперед. Эка невидаль!

— Хорошо: лекарей не хватает. Наверху решили, что использовать высококвалифицированного специалиста в качестве снайпера — непозволительная расточительность.

Как ни странно, они правы. Единственная доступная человеку магия — магия исцеления. Хотя мы не зовем себя магами — мы лекари. Те, кто чувствует чужую боль, словно свою. Те, кто исцеляет наложением рук. Мы — элита. На нашем курсе меда — четыре человека. На предыдущем — ни одного. На следующем — двое.

— Я ничего не смог сделать.

— Не смог? Или не захотел? — прищурилась я.

— Аня, приказы не обсуждают.

— Значит, не захотел, — я усмехнулась. — Что ж, спасибо за трогательную заботу.

— Перестань! — рявкнул Алексей. — Как командир, я обязан проявлять заботу. В том числе о благе подчиненных. И о благе государства, как это ни глупо звучит. Особенно о благе государства. Потому что солдат — море. И таких, как я, — двенадцать на дюжину. А таких, как ты, — единицы. Тех, кто может покойника вытащить с того света.

— Из клинической смерти, — машинально поправила я. — Это любой врач может. Реанимация называется.

— Уймись! — снова рявкнул он. — Прекрасно знаешь, о чем речь.

— А ты? Знаешь, что делаешь?! — закричала я в ответ. — Я не хочу, понимаешь! Я ненавижу свой дар! Потому что от него никакого — ты слышишь — никакого проку! Потому, что тех, кого я хотела спасти, — нет! И сейчас я умею только одно — убивать!

— Аня...

— Да какого рожна ты вообще полез в мою жизнь? Командир! Заботник хренов!

— Аня, успокойся. Я представляю, что тебе пришлось...

— Ни черта ты не представляешь, — устало сказала я. И расплакалась.

Андрей, словно хороший летчик, всегда был «на вылете». В институте он учился уже десять лет, и конца этому не предвиделось. Два года из десяти ушли на службу в армии, остальные... Аэроклуб, клуб пулевой стрельбы, кружок фехтования. Новые интересы появлялись из ниоткуда и уходили в никуда. Иногда молодой человек вспоминал про учебу, восстанавливался в институте, а дальше все начиналось сначала. Любой уважающий себя мужчина должен разбираться в винах и оружии. Учеба в формулу «настоящего мужчины» не входила.

Анечка появилась в его жизни случайно. Она не была красавицей — невысокая, крепко сбитая, что называется, кровь с молоком. Серые глаза, веснушки на вздернутом носике, медная коса толщиной с руку. И неизбежная репутация зануды и зубрилы. На этом курсе их было четверо. Тех, кто после окончания обычного для всех студентов-медиков учебного дня шел на дополнительные занятия. Потому, что от лекарей, кроме знания обязательных для всех врачей дисциплин, требовалось еще и то, что все остальные называли даром. Глухому не выучить гамму. Обычным людям не понять, как, наложив руки, вылечить перелом. Вытащить из клинической смерти, когда обычные методы реанимации бессильны. Но за элитарность приходилось платить — как правило, личной жизнью. Потому что детей, обладающих даром, искали и отбирали лет с девяти. А потом начиналась учеба. И очень трудно поддерживать отношения с человеком, который в ответ на предложение встречи отвечает: извини, надо учить. Может, через пару недель? Впрочем, Ане такое положение вещей казалось естественным. Вот окончим институт, будет работа... а там поглядим. Все нормальные женщины выходят замуж и рожают детей — значит, все будет путем.

Конечно, они были знакомы — в небольшом институте все знают друг друга. Но в начале сентября, выходя из учебного корпуса, Андрей увидел впереди девушку с сумками. Сумки были огромными — под их тяжестью девушка передвигалась странной синусоидой. Почему-то парню стало неловко.

— Можно помочь?

Она оглянулась:

— Ой, здравствуй. Мне очень неудобно... но учебников в этом году что-то многовато.

В огромных — и как это он раньше не замечал — глазах были смущение и благодарность. Мелькнула нелепая мысль о

том, что теперь он понимает старые стихи о «взгляде прекрасной дамы». Андрей бодро улыбнулся, чтобы скрыть неловкость:

— Да, вроде последний курс... а такая куча. Нашей группе позавчера выдавали, тоже еле допер. Куда нести?

— В общагу, — она окончательно смутилась. — Мне, правда, неловко...

— Неудобно на потолке спать, — хмыкнул молодой человек. — Для того и существует грубая физическая сила, коей мужики наделены в полной мере.

Аня расхохоталась.

— От скромности не умрешь.

— Разумеется. — Андрей старательно оправдывал репутацию болтуна. Благо, иного отношения к человеку, третий год восстанавливающемуся на выпускном курсе, у отличницы быть не может по определению. Да, он болтун, лентяй и второгодник. Вот только сегодня непонятно, с какой блажи решил подсобить девушке. Пусть лучше смеется — тогда можно не видеть этих серых глаз и не чувствовать смущение... непонятно отчего.

Квартал закончился быстро. Андрей бодро заволок неподъемные баулы на третий этаж, с чувством выполненного долга поставил на бетонный пол, улыбнулся в ответ на сбивчивое выражение благодарности и бодро припустил вниз по лестнице, преодолевая искушение оглянуться и посмотреть, в какую комнату она зайдет.

На следующий день они снова столкнулись нос к носу. В институтской столовой. Все столики были заняты. Ну конечно — на то она и обеденная перемена. Ругнувшись, он окинул взглядом помещение в поисках места и обнаружил рыжеволосую голову над книжкой.

— Не помешаю?

Она подняла взгляд и улыбнулась:

— Нет, конечно. Устраивайся.

Улыбка у нее была потрясающая — казалось, что в целом мире на данный момент для Ани не существует никого, кроме собеседника.

— Что читаешь? — он взглянул на картинку. — Судебка? Нашла чтиво для обеда.

— После пирожков в анатомичке тебе еще что-то может испортить аппетит? — в глазах девушки плясали ехидные чертенята.

— Разумеется, нет, — парировал он, сделав каменно-серьезную физиономию, — но ты же помнишь физиологию?

Чтение за едой угнетает выработку пищеварительных соков... — Не выдержав, Андрей приснул, Аня засмеялась вслед за ним.

— Смех смехом, а иногда приходится выбирать: чувствовать себя на семинаре полной дурой или пожертвовать пищеварением.

— Естественно, пищеварением жертвовать нельзя ни при каких обстоятельствах! — ухмыльнулся Андрей. — А то оно отомстит, и мстя его будет страшна!

— «Мстя», — хихикнула она. — Ладно, мститель. На лекции увидимся.

Андрей сам удивился, обнаружив, что, вопреки обыкновению, не только появился на лекции, но и устроился в третьем ряду. Рядом с Аней.

Так оно и потянулось. Посещение лекций оказалось потрясающе интересным занятием. Особенно, когда видишь рядом рыжий завиток, падающий на нежную щеку, и серые глаза. Когда можно, заглядывая в ее конспект, якобы за прослушанной фразой, коснуться ее плеча. Нет, Андрей не был рыцарем без страха и упрека — просто в этот раз ему почему-то не хотелось торопить события. Пусть все идет своим чередом.

И сам удивился, обнаружив, что сдал выпускные экзамены с первого раза.

Вручение дипломов всегда проходило торжественно. Ректор вызывал по одному, собственноручно отдавал «корочки», поздравлял. Андрей смотрел на сияющее лицо Ани и чувствовал, как накатывает тоска. Послезавтра распределение, и что дальше? Внезапный шум прервал его мысли. В зал вбежала секретарь ректора. Растрепанная, с покрасневшими глазами.

— Включите радио! — закричала она, не обращая внимания на удивленные взгляды.

— Что случилось?

— Война!

Кто-то уже включил приемник. Андрей похолодел — это не было дурацкой шуткой, как он решил было сначала. Он слушал мерные, чеканные фразы диктора, почти не слыша слов. Война!

Аня вцепилась в его рукав. На побелевшем личике глаза казались огромными. Андрей прижал девушку к себе, молча гладил по голове. Что тут скажешь?

Вокруг творилось что-то невообразимое. Плакали женщины, сутились мужчины.

— Что теперь будет? — спросила она, отстранившись.

— Пошли, — Андрей принял решение.

— Куда? В военкомат?

— Сперва в ЗАГС.

— Шутишь? — Аня уставилась на него изумленными глазами.

— Нет. — Ох, не так он хотел признаться, совсем не так... Пропади все оно пропадом! — Не шучу. Если мы поженимся, будет больше шансов попасть в один госпиталь. Я хочу быть рядом. Я люблю тебя. Ты согласна?

— Да. — Несмотря ни на что, она улыбнулась. Потом улыбка померкла: — Нас не распишут быстро.

— Распишут, — ухмыльнулся Андрей. — Там заведующая — подруга мамы. Поможет.

Им даже не пришлось долго объяснять. Заведующая — бледная, с заплаканными глазами — выслушала их, достала какие-то бумаги, попросила расписаться в нескольких местах, выдала свидетельство. Буднично и просто.

— Ну, вот, — Андрей виновато улыбнулся. — Прости, что не вышло как у людей. Платье, гости...

— Бог с ним, с платьем.

— Ага, без платья ты будешь еще красивее.

Она залилась краской, спрятала в ладонях пылающие щеки. Молодой человек бережно отвел ее руки, приподнял лицо, поцеловал.

— Военкомат подождет пару часов. Пошли домой... женушка.

Их действительно приписали к одному госпиталю. Правда, сперва говорили что-то про бронь для врачей, несмотря на то, что обычных врачей призывали поголовно. Андрей было обрадовался — ему вовсе не хотелось, чтобы жена оказалась на фронте, ни один мужчина не захочет этого, если есть выбор. Но Аня уперлась. И через две недели они были в полевом госпитале.

Не хватало людей. Не хватало лекарств, особенно обезболивающих. Андрей сутками не выходил из операционной. Аня была рядом. Она могла удерживать без сознания раненого на операционном столе. Снять боль у тех, на чью долю не осталось медикаментов. Она могла и больше, но когда встал выбор: два-три полностью исцеленных человека или десяток операций без использования обезболивающих, — выбрали второе.

Враг наступал быстро. Слишком быстро. И однажды чужие солдаты ворвались в операционную. Вошедший следом офицер остановился рядом с Андреем:

— Мой друг ранен. Если сделаете операцию и он выживет, останетесь в живых. Все. Иначе — начну убивать по одному.

Врач на мгновение оторвал взгляд от операционного стола: — Закончу с ним и займусь вашим другом.

Выстрел.

— Я закончил с ним. — Лицо чужого офицера было бесстрастным. — Занимайтесь моим другом.

Солдаты небрежно скинули тело на пол, переложили с носилок своего командира. Андрей осмотрел рану.

— Я ничего не могу сделать.

Вражеский офицер склонил голову набок:

— Ты плохо понял? С кого начать, чтобы было яснее?

— Осколочное ранение! — хирург почти кричал. — Брюшная полость, диафрагма, плевральная полость. Проникающее ранение кишечника. Можно остановить кровь, но у перитонита летальность сто процентов. Я не бог, а всего лишь врач!

Выстрел.

— Я ничего не могу сделать, — шепотом повторил Андрей.

— Я могу. — Аня шагнула вперед. Лицо сливалось с белой маской, но голос был твердым. — Я лекарь. С этим — справлюсь. Андрей, ты поможешь. Готовим операционное поле, как обычно. Потом будешь ассистировать.

Она склонилась над раненым.

Они работали несколько часов. Андрей со скальпелем, Аня со своим странным даром. Врач удалял мертвые ткани. Лекарь сращивал чистые разрезы, оставшиеся после скальпеля, оставляя аккуратные швы — без единой лигатуры.

— Все.

Тонкий рубец на животе. Шов выглядел так, словно был сделан по крайней мере неделю назад.

— Все, — повторила Аня, тяжело опираясь на стол. Это было против всех правил асептики, но стерильность была уже не нужна, а сил не хватало.

Раненый открыл глаза, обвел помещение отсутствующим взглядом и снова опустил веки. Офицер проверил пульс. Холодно констатировал:

— Жив.

— Он будет жить, — выдохнула Аня. — Проспит с неделю, может, больше. Будить не надо, когда организм восстановится, проснется сам.

— Он действительно будет жить?

— Да.

Чужак кивнул.

— Хорошо. — И добавил тем же тоном: — Всех, кроме нее, расстрелять.

— Ты обещал! — закричала девушка.

— Я обещал ему, — холодный взгляд на Андрея. — Он ничего не смог сделать. Тебя никто не тронет, можешь идти, куда хочешь.

Ее крик утонул в грохоте выстрелов.

* * *

Машина пришла утром. До переправы, оттуда — в штаб на другом берегу реки, а там и до столицы. Лешка стоял рядом, провожая. Где-то севернее шла стрельба, но сюда она пока не докатилась. Пока.

— Удачи, Анечка. — Кажется, на прощание он решил забыть про устав. — Пожалуйста, останься жива.

Я горько усмехнулась. Что проку в том, что тело еще ходит и говорит. Душа была мертва с того дня, когда...

Лешка, кажется, хотел сказать что-то еще — и упал, зажимая рукой рану на шее. Я рухнула рядом, оглядываясь. Никого. Еще один выстрел — водитель вывалился из машины, замер на земле.

Снайпер!

Из дома уже выбежали наши, в несколько рук затащили командира под защиту стен. Я вскочила,хватила из машины аптечку, рванулась следом. Пуля щелкнула о дверной косяк в паре сантиметров от головы. Повезло.

Лешка лежал на полу, кто-то копошился рядом, пытался зажать рану — тщетно, кровь лилась потоком. Я оттолкнула помощников, на ходу вытряхивая из аптечки жгут.

— С ума сошла? — заорали на меня — Кто ж на шею...

Я только взглянула в ту сторону, и умник умолк.

— Не лезь не в свое дело.

Лешка еще был в сознании. Я закинула его руку на голову, так, чтобы жгут прошел через плечо. Быстрее...

Белобрысый мальчишка, который когда-то провожал домой, нес портфель. Последний человек, которому не все равно, есть ли я на свете. Мне самой было все равно, а ему — нет. Не дать ему умереть. А потом — пойти и разобраться с «коллегой».

Я развязала вещмешок, вытряхнула содержимое прямо на пол, лихорадочно разбрасывая вещи. Где-то он валялся... сама не знаю, зачем я таскала его с собой. Скальпель, который был в руках у Андрея в тот день.

Вот он!

Стерилизовать времени не было. Положила ладонь на лоб командиру, мысленно приказала: спи. Он послушно закрыл глаза. Разорвала ворот гимнастерки, освобождая пространство. Полцарства за ассистента с ранорасширителями. Ну, да чего нет, того нет...

И света бы побольше...

Аккуратно иссечь поврежденные ткани. Добраться до пули. Кусочек свинца звякнул об пол. А теперь — собственно работа лекаря: аккуратно зарастить очищенную рану. Сосуды, мышцы слой за слоем, кожу...

Тонкий розовый шрам казался неестественно бледным рядом с засыхающей кровью. Я тяжело поднялась с колен. Тут же солдаты оттерли в сторону — каждый хотел лично убедиться в «чуде». Подхватила с полу свою винтовку, шагнула на улицу. Я найду эту тварь.

Лекарь способен чувствовать чужую боль. И чужое тело. Если тело можно исцелить, его можно и разрушить. Вот только все наши действия возвращаются к нам. Поэтому я теряю сознание после каждого убитого. Я могу своим даром остановить чужое сердце, но тут же остановится и мое. А счет еще не закончен — по одному за каждого, кто был тогда в госпитале. Хотя бы по одному. Так что обойдемся винтовкой. А дар позволит почувствовать... Вот он! Стоп, не он... она. Женщина.

Шаг вперед по пустой улице — она простреливалась насквозь, и все, кто успел, укрылись. Почувствовала колебание чужого разума впереди. Качнулась в сторону — всего на полшага. Пуля свистнула рядом с головой. Ощутила впереди досаду. Шаг вперед, еще один. Еще немного — чтоб было удобней целиться... Шаг в сторону. Свист. Досада впереди сменилась неуверенностью. Страхом. А еще — ненавистью.

Я злорадно усмехнулась. Кого потеряла она? Там, впереди, было мое отражение. Но это они пришли на нашу землю. Они начали убивать. Сожженные вместе с жителями деревни. Расстрелянные семьи офицеров. Андрей.

Шаг. Еще шаг. Винтовка спокойно лежит в руках. Приклад еще не прижат к плечу — пока незачем. Я умею стрелять навскидку. И не промахнусь. Тем более, что уже вижу, где она. Шаг. Выстрел.

Мир рассыпался на звенящие осколки, и наступила тьма.

Кто-то лупил меня по щекам. Я вяло отмахнулась, открыла глаза. Лешка. Очухался. Вот и хорошо.

Он был бледен, и наверняка голова немного кружилась, но это ничего, пройдет. А в глазах был страх, и этот страх был... он боялся меня?

— Каждый раз так? — спросил он.

О чем это он... а, ясно.

— Да.

— Аня, но зачем? Зачем тебе этот ужас?

Я улыбнулась:

— Она больше никого не убьет.

Лешка встал, протянул руку, помог подняться. Подал вещмешок — интересно, кто собирал с пола мое барахло?

— Пойдем, отвезу тебя к переправе.

Я кивнула. Говорить не хотелось. До парома доехали молча. Я выпрыгнула из машины. Легко провела пальцем по свежему шраму у него на шее:

— Это я тоже умею. Несмотря ни на что.

Шагнула на бревно парома.

— Аня, я люблю тебя.

Оглянулась.

— Выживи, Леш. После войны поговорим.

Паром со скрипом отчалил. Больше я не оглядывалась. И ничуть не удивилась, когда снаряд взорвался у ног.

Рассказ № 41

(Из цикла «Парамониана»)

7 ноября выдалось на редкость ясным и солнечным. Под окнами с утра играли марши и устанавливали сцену для праздничного концерта. В холодильнике у Парамонова не было ничего, кроме яблока, бутылки вина и банки горчицы. Надо было идти в магазин. Для этого Парамонов надел темные очки от солнца и вышел из дома. На улице навстречу Парамонову двигалась праздничная колонна человек в триста. Передние ряды несли голубой транспарант, на котором было написано: «Несогласные». Парамонов пересек улицу, свернул направо и увидел колонну демонстрантов поменьше. Они шли с торжественными лицами и несли перед собой белое полотнище с надписью: «Согласные». «Наверное, у них фамилии начинаются с букв “б”, “д”, “ж”, “п” и так далее, — подумал Парамонов. — Значит, я согласный. А странно, несогласных вроде бы больше, однако, это никак не влияет на жизнь в стране».

У магазина Парамонову пришлось пропустить еще одну колонну с розовым транспарантом «Наши». Неожиданно из сквера с дикими воплями повалила толпа с желтыми плакатами «Ихние». Завязалась потасовка. Парамонов наблюдал, как прилично одетые люди с перекошенными лицами лупят друг друга по головам плакатами, и думал о том, что в другие праздники лица у людей кажутся более привлекательными, а сами они так громко не матерятся.

Затем откуда-то набежала милиция и включилась в драку. И вскоре обе колонны, размахивая порванными плакатами, разошлись в разные стороны. На асфальте осталась лежать лишь старушка в темных очках и с малиновым знаменем в руке.

Парамонов бросился к женщине, помог ей встать и спросил: «С вами все в порядке?» «Нормально, милоч, — бодро ответила старушка и кивнула на темные очки Парамонова. — Ты, я вижу, нашенский». «Как вам сказать», — озираясь, рассеянно начал Парамонов, но пожилая женщина перебила его: «Иди за мной, товарищ». Она взяла его за руку и потащила вдоль улицы. Парамонова поразило, с какой силой эта старая женщина тянула его за собой. Они двигались так быстро, что у Парамонова в ушах свистел ветер, а позади громко хлопало малиновое знамя. Мимо на большой скорости проносились дома и деревья, и довольно скоро Парамонов перестал узнавать места.

Остановились они в каком-то диком, запущенном переулке, перед маленькой черной дверцей. Старушка постучала. Им открыл человек с внешностью опустившегося Фридриха Энгельса. Он был в темных очках и с красным бантом на груди. «Принимай, — сказала старушка и добавила: — А я дальше». После этих слов она словно растворилась в воздухе. Энгельс придиричиво оглядел Парамонова и поинтересовался: «Наш?». «Честно говоря...» — промямлил Парамонов, но его перебили: «Правильно, товарищ, здесь нужно говорить только честно». Энгельс прицепил Парамонову на грудь малиновый бант и повел вниз по лестнице.

В просторном зале с позолоченной лепниной на потолке и малиновыми плюшевыми шторами уже шло торжественное собрание. На трибуне выступал человек в темных очках. Такие же очки были на всех, кто здесь находился.

Лицо выступавшего показалось Парамонову знакомым, и он спросил: «Кто это?» Энгельс назвал известную фамилию. «А что он здесь делает? — удивился Парамонов. — Он же миллиардер». «Вы, я вижу, товарищ, новичок, — ответил Энгельс. — Никаких миллиардеров в нашей стране не существует. В свое время революционная ситуация потребовала от нас распределить народное достояние между надежными людьми. Иначе не удержали бы». «А это... личные самолеты... яхты размером с "Титаник"?» «Так надо для конспирации», — сурово ответил Энгельс. «А эти инфляции, дефолты, кризисы?», — не отставал Парамонов. «Я же сказал, революционная ситуация, — раздраженно проговорил Энгельс. — Мы не могли позволить себе открыто изъять у развращенного населения излишки денег».

От этих слов у Парамонова вспотели очки. Он снял их и вдруг услышал придушенный вопль своего провожатого: «Так ты не наш!» В зале наступила гробовая тишина. Сидящие, как по команде, обернулись назад. Энгельс схватил Парамонова за воротник пальто, но Парамонов с силой оттолкнул его.

От толчка темные очки слетели с Энгельса. То, что оказалось под ними, потрясло и напугало Парамонова. Лицо провожатого оказалось искусно сделанной маской телесного цвета, а вместо глаз зияли пустые глазницы.

Парамонов бросился к выходу. За спиной у него раздался оглушительный, многоголосый визг и грохот опрокидываемых кресел. Выскакивая на лестницу, Парамонов обернулся и от страха едва не потерял сознание. За ним бросились все, кто находился в зале. Они давили друг друга в проходах, быстро ползли по стенам и потолку, тянули к нему руки и кричали: «Держи его!», «Хватай его!».

Очнулся Парамонов только на Мичуринском проспекте. Он затравленно огляделся и пошел в сторону своего дома. Навстречу ему стройными рядами двигалась колонна с черным транспарантом, на котором было начертано: «Ничьи».

Кхаморо

Рассказ

«...Ой, пока солнышко, ромалэ,
не взойдёт...»

Цыганская народная песня

Я сидел на траве у белого памятника. Простая пирамидка из гипса за хлипким заборчиком, яблоневые лепестки осыпаясь на неё с ветвистого, старого дерева. Чья-то заботливая рука положила к подножию пышный пучок ромашек. От звезды в левом нижнем углу откололся кусочек краски — словно его выщербил пуля. Имена с таблички я знал наизусть.

Голутвин Борис Михайлович, капитан, 1909—1943. Рыжов Валерьян Иванович, лейтенант, 1921—1943. Амонашвили Георгий Шалвович, рядовой, 1920—1943. Веневитинов Аскольд Георгиевич, рядовой, 1899—1943, Кочубей Павел Павлович, рядовой, 1925—1943. Карнаухов... Не «Корноухов» — сколько спорил, сколько доказывал, что ошиблись в военном билете, неправильно написали фамилию. Я улыбнулся. Тёплый ветер коснулся моей щеки — месяц май начался небывалым теплом. Буйно цвели большие сады в маленькой Аржановке, зеленели луга, носились по деревенским дорогам мальчишки на дребезжащих велосипедах, глухо урча, ползали по пашне тракторы, соловьём разливалась воскресная, удалая гармонь. Вот только женщины за водой к речке больше не бегали. И мужчин оставалось мало, словно снова открыли набор в третью роту к товарищу Назаретскому. Но весенними светлыми днями жизнь кипела в маленькой деревушке. А по ночам было тихо.

Я встал, поддёрнул зелёную гимнастёрку, поправил выцветшую пилотку и отдал салют товарищам. Спите спокойно, покуда

не потревожили. Вот и поле спит, и деревня спит... Аржановка и вправду плыла, словно лёгкий кораблик, в белых волнах тумана. Тускло светилось пять-шесть окон, еле отблёскивал новенький купол церкви, чуть виднелся одинокий костёр на высоком берегу речки. Не иначе охотнички городские, смоленские, а то и из самого Минска прибыли. Им сезон не сезон, закон не закон, абы в кого пострелять — в кабанов с поросятами, в лосяху с телёнком, в тетёрку с птенцами. И гонят валом, зверьё бьют на безымянных могилах, где фашисты наших солдат в землю клали, тревожат мёртвых и живым не дают покоя. Бывало, что и рвались охотнички на старых минах, шеи ломали в залитых водой блиндажах, а всё им мало. Сходить, что ли, пока солнышко не взошло, рассказать о местных лесах, о боях-пожарищах — глядишь, в головах у мужиков и прояснится? А на нет, как известно, и суда нет.

Путь до речки показался длиннее, чем раньше, — время не шутит. Или просто не хотелось спешить — так безумно светила луна, так хороши были рощи в новеньких платьях, так одуряюще пахло молодой жизнью. Сочный воздух Смоленщины не походил на солёный, колючий ветер родного города, но сегодняшней ночью я почти не жалел об этом. Вот и обрыв, с которого как на ладони открывается дальний берег. И там тоже огни? Смех и музыка? Так быстро, как только мог, я поднялся по заросшему ивняком склону и, выйдя на край, взгляделся в сумерки. Вдоль песчаной отмели бродили длинногривые кони, чуть поодаль купались три девушки, целомудренный лунный свет очерчивал контуры нежных тел. Две женщины постарше возились с большим котлом, отчищая его пучками мокрой травы. У костров негромко переговаривались, лалял пёс, хныкал чей-то младенец. Одиноко прозвенела струна, брякнул бубен, тут же вступили гитара и шальная, сумасшедшая скрипка. Она плакала и смеялась, бредила тоской усталую душу... где моя молодость, скажи, цыган? Не ответит.

По узенькой тропке я вышел на ближний огонь и нисколько не удивился, увидев, что на этом берегу у костра тоже сидит цыганка. Старуха, моя ровесница или немного младше. Одета по-городскому, на плечах дорогая шаль, пальцы в перстнях, серьги искрят камнями. И глаза блестят молодо, сильно — от огня или дальней музыки. Или от слёз?

— Добрый вечер, бабушка! — поздоровался я и шагнул ближе к свету, — припозднились вы, я смотрю. Позолотить ручку?

— Не гадаю, прости. А к огню, если хочешь, садись, мы гостей от костра не гоним.

Я представился: «Пётр Яковлевич». Она сухо кивнула: «Ляля я». Обойдя пламя, я сел на бревно напротив старухи. Она не смотрела на меня и молчала, думая о чём-то своём. Её пальцы, сухие и длинные, со вздувшимися суставами, медленно перебирали чёрные чётки. А за рекой всё играла, кружилась над водой музыка. Мне казалось, я вижу, как пляшут у костров смуглые парни, дрожат плечами красавицы девушки, расцветают розами на траве пёстрые юбки, как мечется вслед за музыкой жаркое пламя... Почему только дымом не тянет из-за воды?

— Веселится нынче табор, а бабушка Ляля? Свадьбу играют? — спросил я, желая разговорить старуху.

Она покачала головой:

— Не свадьба. Другое. Пока солнышко-кхаморо не взойдёт, гуляют ромы, танцуют-радуются...

Отвернув от меня лицо, старуха достала из кармана большого пальто сигарету с золотым ободком, прикурила от уголька и жадно затянулась. Я тоже нащупал в кармане щепоть табака и скрутил неизменную «собачью ножку».

— Хочешь, расскажу тебе сказку-быль про наш табор? Как мы выжили, как спаслись от неминучей смерти, как танцевали по краю могилы, и земля расступилась для нас?

Зазвучавший в полную силу голос старухи оказался богатым и звучным, как у актрисы. Она словно помолодела — милосердные сумерки скрыли морщины и седину.

— Слушай, гаджэ, пока есть, кому рассказать — слушай. Жил на свете цыганский барон — баро, Григорий Васильков, кочевал по Смоленщине со всем своим родом. Лошадей продавали, котлы делали, песни пели, плясали, цыганки гадать ходили, как исстари повелось. Баро сам первый плясун был, лучший наездник, а случалось, и сказки сказывал так, что заслушаться можно. Про царя и Ружу-красавицу, про Бойко-конокрада, как старый ром чёрта обманул, а чявэла саму смерть переплясала... Были у баро два сына, Мишка с Николаем, оба на фронт попали в германскую, и Гражданской на их долю тоже хватило. Оба чудом живы вернулись в табор. Старший сын, Николай, как пришёл — форму снял, женился-остепенился, хорошим цыганом сделался. А у младшего красные флаги перед глазами остались. Прозвенел вскоре слух, что сажать цыганскую нацию на землю станут, колхозы делать. Мишка и пошёл на отца — давай, мол, всем табором светлое будущее для страны строить. Слово за слово — за ножи взялись. Быть бы драке, да не выдержало у баро сердце. Старики порешили гнать Мишку из табора, он и

ушёл, шестерых молодых увёл к большевикам. А Николай Васильков новым баро стал.

Как отец его кочевал, так и он с табором бродил по Смоленщине за цыганским счастьем вослед. Случалось, голодали и мёрзли, случалось — сыты были до отвала. Бывало, пускали их поартельничать, поработать на колхозы, поддержать лошадей зимою в тепле. А бывало, и гнали, тюрьму да Сибирь сулили. Своих детей у баро не родилось, выбрали они с женой в голодный год девочку на дороге и вырастили как свою. Зорькой окрестили, а цыгане прозвали Солнышком-Кхаморо — мы же чёрные, а у девочки волосы были как золото, а глаза — цвета неба весеннего. Родители на неё нахвалиться не могли: и умна, и послушна, и работа любая в руках кипит, а уж если танцевать выйдет Зорька, босая, звеня монистом, — любую таборную перепляшет. Сказки слушать любила — как отец сядет рассказывать, так она первая рядышком примостится. Особенно по душе Зорьке сказка пришла про цыганку и смерть. Раз пришла пустоглазая в табор, села к костру без спросу и давай зыркать — кого из детишек первым косой скосить. А красавица Ружа сказала ей: погляди сперва, безносая, как я для тебя спляшу! И всю ночь танцевала для смерти, как на свадьбах и похоронах танцуют романичал. Взмошло солнышко, упала Ружа без сил — и смерть рядом с ней упала, от света камнем-валуном покатучим сделалась...

Время шло, вот и Зорьке пятнадцатый год минул. Стал отец ей жениха приглядывать, да перебирал — этот не гош для моей звёздочки, этот лицом нехорош, этот и вовсе беден. Мишка-большевик заходил как-то в табор по старой памяти — посоветовал Зорьку в Москву везти, там для цыган театр открыли, девочка способная пусть учится. Николай отказал наотрез. А там и война грянула. Ушли Зорькины женихи на фронт, и лучших коней у табора реквизируют. Остались в кибитках старики, женщины и детишки. Не успели цыгане оплакать сыновей, как пришла новая напасть — немцы подступили к Смоленску. Десять дней шли бои, рвались бомбы, гремели пушки, бежали кто куда люди из города. Табор опомниться не успел — оказался за линией фронта. Баро решил до срока в лесу схорониться, авось не найдёт никто, да и кому нужны бедные ромалэ? Провели коней в чащобу, встали у болотца, грибы-ягоды собирали — летом с голоду не помрёшь.

Неделю живут — всё спокойно. Две — всё тихо. Ромки раз в Аржановку погадать сходили, принесли хлеба и молока детям, второй сходили. Немцев видели издали, но никто их не трогал.

А потом прибежал в лес мальчишка из Красного — Мишкина цыганского колхоза. И такое рассказал, что баро поседел в одночасье. Мол, приехали немцы, большой отряд, собрали народ на площади, вывели в поле. Велели мужчинам рыть ямы, шнелъ, окопы нужны. А потом всех в те ямы и положили очередями, весь цыганский колхоз, до последнего человека. Мальчишке повезло, он белёсым, как молоко, уродился, мать закричала, что гаджѐ он, русский пацан, из Аржановки, — отпустили его фашисты.

Недолго думал баро, что делать: уходить в тыл всем табором. Через фронт пробираться опасно, а у немцев под боком жить — верная смерть. Хотел Зорьку в деревне оставить, от беды уберечь, но упрямой оказалась приёмная дочка, под стать отцу, — отказалась уходить от названной родни. Помолились цыгане Дэвлале-богу, попросили у него защиты и тронулись в путь на закате. Думали затемно пробираться дорогами, а днём по лесам прятаться. Тихий вечер тогда был, и туман над полями стоял, и хлеб уже колосился...

Только выехали к речке цыгане — навстречу отряд немцев на мотоциклах. И пошла потеха. Видал, гаджѐ, как кошка с мышкой играет? Так и фашисты цыган ловили. Баро свою кибитку в поле погнал, по пшенице, думал, не сунутся вслед, — так они коня подстрелили. И всё. Согнали цыган толпой на берег, ромки кольца снимали, серьги, дорогое монисто у одной было, — думали, вдруг откупятся? Не берут немцы золото, только смеются. Офицер один вышел — щеголеватый, в фуражке, — по-русски кое-как говорил. Приказал: ройте ямы. Баро ответил — нету у нас лопат, господин офицер. Ройте руками! Стали ромалэ копать — куда денешься. Женщины воют, дети плачут, немцы что-то бухтят по-своему, сторожат, чтоб никто не убѐг. Зорька тоже копала со всеми. Упал у неё с головы платок — аж посветлело вокруг от золотых волос девушки. Приметил её офицер, удивился: что за юная Лорелея цветѐт среди унтерменшей, может, грязные воры украли ребёнка из хорошей семьи? «Нет, — сказала Зорька. — Я цыганка, дочь барона, кровь у меня цыганская, и в землю я лягу рядом с отцом и матерью. Но скажи, видел ли ты хоть раз, как танцуют цыгане? Хочешь взглянуть? Отец споѐт и сыграет, а я спляшу для тебя, как никогда никому не плясала!» Офицер перевѐл, что предложила девушка, и фашистам понравилось — пусть станцует красавица напоследок.

Достал баро Васильков семиструнную подругу-гитару, взял хромой Степан Эрденко ненаглядную свою скрипочку, а старуха

его бубен вытащила. Распустила Зорька-Кхаморо золотые косы, разулась, взяла материнскую шаль и пошла в круг:

*...Ой да не будите то мэн ман молодого,
Ой да пока солнышко, ромалэ, не взойдет,
О-о-о любя тэй люли ча чоданэ,
Ой пока солнышко, ромалэ, не взойдет...*

Как огонь, гудел молодой голос старого баро, как шальной язык пламени, танцевала по траве Кхаморо. Молча, словно окаменев, глядели немцы на чудную пляску. Кончилась одна песня, пошла другая, третья... Одна за одной вылетали цыганки в круг, разведали по ветру юбки, звенели монистами. Что было сил отплясывали мальчишки, обессиленными ладонями отбивали такт старики. Чистым золотом сияли волосы Зорьки, слепили глаза врагам.

Всю ночь длился танец, всю ночь стояли фашисты, не в силах отвести взгляд, схватиться за автоматы. А когда первый луч солнца тронул синие облака и в далёкой деревне запели первые петухи — расступилась земля-матушка, приняла в себя словно зёрна, бродячих своих детей, укрыла от злой напасти. Очнулись фашисты проклятые, оглянулись по сторонам — а табора-то и нету. Лишь пустые кибитки да конские туши остались. И цыганская шаль чёрными кистями по истоптанной напрочь траве...

Старуха закашлялась и ухватила за новую сигарету. В предрассветной тиши одиноко вздохнула гитара с дальнего берега. Я поднялся:

— Нет, Ляля. Не так всё было.

Старуха зыркнула на меня бешеными глазами:

— Не так?

— Не так. Поглядели фашисты, как пляшет Солнышко, послушали, как поёт старый баро — песню, другую, третью... А потом офицер дал команду открыть огонь. Попадали цыгане в те ямы, что сами для себя рыли. Закидали их свежей землёй, пождали немного — вдруг кто очнётся, да и бросили могилу на берегу. Весь табор там лёг. Только цыганка одна уцелела — ей ещё пяти лет тогда не было. Мать ребёнка телом своим укрыла от пуль, поутру девочка разгребла могилу и выкопалась наружу. Мимо наш солдат пробирался — из тех, что в окружение попали и к своим выбредали за линию фронта. Подобрал девчущку, отнёс в деревню, отдал сердобольной крестьянке, рассказал, что случилось с табором. А в сорок третьем солдат спас цыганку ещё

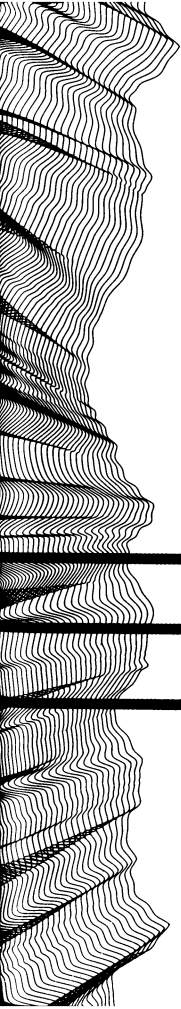
раз. Когда отступающие фашисты загнали жителей Аржановки в сельсовет, заложили выход и полили брёвна бензином, солдаты роты капитана Голутвина, вошли в деревню. Лейтенант Валерьян Рьжов забросал гранатами вражеский пулемёт. Рядовые Амонашвили и Карнаухов подползли к сельсовету и сумели распахнуть двери...

Торжествующий птичий хор перебил мой рассказ. В мае светлеет рано. Я кинул взгляд на дальний берег реки — ни костров, ни людей.

— Простите, Ляля, буду откланиваться. Пора мне. Благодарствую, что навестили наши края. Передайте привет Ленинграду... И спасибо за сказку — пока нас помнят, мы живы.

Пока я поднимался по тропке к околице сонной Аржановки, холодный туман обступал меня, подбираясь всё ближе. Он залил сапоги, ремень, гимнастёрку, поднялся до самого сердца. Но я всё ещё слышал, как тихонько поёт старуха у угасающего костра:

*Ой да не будите то мэн ман молодого,
Ой да пока солнышко, ромалэ, не взойдет,
О-о-о любя тэй люли ча чоданэ,
Ой пока солнышко, ромалэ, не взойдет...*

Личности

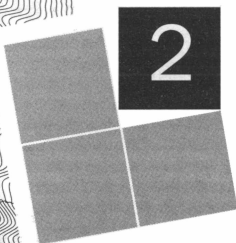
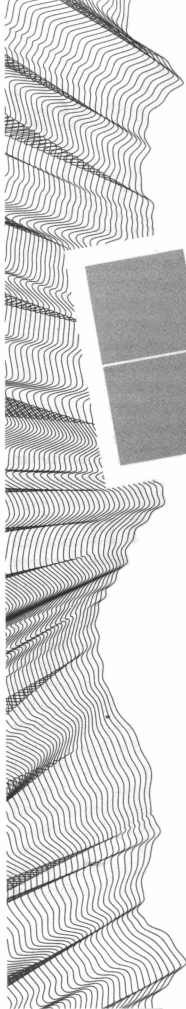
Идеи

Мысли

Досадная брешь!

(Реплика в прениях)

Существенным недостатком фантастических произведений, повествующих о будущем, является отсутствие в них представлений...

Можно ли предсказать хотя бы некоторые черты...

Для этого надо попытаться понять, по каким законам вообще развиваются...

К. Фрумкин

(«Полдень XXI век», июнь 2009)

Я во всем согласен с выступившими докладчиками. Да, фантастикой детально описаны... О мирах фэнтези еще придется упомянуть, но будем говорить все-таки о НФ. Ею обследованы ближний и дальний космосы, перемещения во времени, альтернативные ходы истории, глобальные катастрофы, внеземные цивилизации и наши с ними войны, появление среди нас людей с аномальными способностями, управление людьми на расстоянии и многое другое. Мы знаем устройство звездолетов... Ой, одну секундочку!

Там крупные пробелы. Про двигатели есть (правда, без чертежей), про бассейны и сельскохозяйственные угодья тоже есть, интерьеры капитанских мостиков и рубок — и тем не менее белые пятна остаются. Туалеты, например. «...Читатель узнает, как устроена станция и базирующиеся на ней космические корабли, на чем основывается местная экономика и т. п., и т. д.» — В. Владимирский о «Конкурентах» Лукьяненко, в том же номере «Полдня». А про канализацию ни слова! Это не та зияющая брешь, о которой пойдет речь. А раз уж к слову пришлось — в фантастике пару раз мелькал образ водопроводчика, но не протечка труб становилась основой сюжета. Такого сюжета вообще не встретилося в обозримом мною книжном пространстве. Что вполне естественно, потому что в будущем аварии на коммуникациях исключены. Но что одновременно противоречит дефинициям Ольги Чигиринской

(«П.», апрель 2009): жанр НФ определен как триединство невозможного — утопии, ухронии и ускэвии. Таким образом, планетарная катастрофа в результате разрушения фекального стока вполне отвечала бы духу жанра — такого нигде, никогда и ни в каком вещественном обличье не произойдет. Упущенный сюжет, но к сантехнической теме больше обращаться не будем.

Врачи меня интересуют. А чем они, собственно, в будущем будут заниматься? Герои фантастических произведений почти никогда не болеют. Однако в состав мало-мальски укомплектованного экипажа доктор включен. Иногда даже без имени — Доктор у С. Лема. Или с именем, как Павлыш у Кира Булычева. Поспешный ответ лежит на поверхности: врачи в дальних экспедициях лечат своих и чужих от травм. Крушения, вооруженные столкновения... Но дальше травматологии дело не идет. И вот здесь возникают вопросы.

Экстремальная ситуация на корабле, на чужой планете или на Земле — нормальный сюжет, и роль медиков очевидна. Недоумение вызывает их роль по ходу долгого, безаварийного полета. Бездельник на борту? Нет смысла рассматривать известные в НФ компромиссные варианты, совмещение профессий. Доктор, он же биолог и пр. — это несерьезно. Медицинская помощь должна быть профессиональной. Тогда другой вопрос: как часто и сколь тяжело будут болеть космонавты?

Настало время обратиться к истокам, и для начала попросимся с писателями и читателями фэнтези. Понятно, что в мире гоблинов и эльфов больницы, рентген и антибиотики не нужны. Сгодятся отвары из волшебных трав, собранных в заветной лесополосе. Герой оживает и продолжает подвиги. Ничего не известно о болезнях космических рыцарей, эпизоотиях среди монстров, а галактические принцессы если чем-то и хворают иной раз, то излечиваются силой любви и радостью победы над злодеями. Закроем эту страницу.

Примеры оказания медицинской помощи в НФ есть, и совсем неожиданно они связаны с трансплантологией. Точнее — с искусственными органами. Неуклюжий лесоруб отрубил себе конечность, ее заменили на протез, потом история повторилась, и единственное, что не понятно, — какой мозг ему имплантировали взамен утерянного? Этому Железному Дровосеку из страны Оз или из окрестностей Изумрудного города — уж кому как больше нравится. Дальнейшее развитие медицина получила в двадцатом веке. Сохранение головы профессора Доуэля (1925) было не смелым экспериментом (хотя тоже), но прежде всего

спасением умирающего больного. В те же годы (1927) истинную ксенотрансплантацию сделали ребенку, заменив легкие жабрами акулы. Ихтиандр звали мальчика.

В 1957 году к Железной звезде, а позже к туманности Андромеды, летел такой большой корабль, что обустройство на борту медпункта было вполне резонно. Из оборудования упоминаются камера гипербарической оксигенации и бесконтактная лежанка-подвеска. За все время полета в медпункте побывал только один пациент по поводу травмы, а просто болезнями герои И. Ефремова не болели. Врач медпункта поддерживала жизнь пациентки до прибытия в стационарную больницу. Подобная тактика — оказать первую помощь и ждать помощи квалифицированной, — нам о ней сегодня предстоит поговорить. А врачах медпункта жутковато похожа на терапевтиню районной поликлиники начала 90-х годов.

К концу XX века дела в медицине пошли хуже. Образ доктора, то есть существа мыслящего, почти исчез, его заменил безликий нажиматель кнопок. Что бы ни случилось на орбите или на далекой планете, всегда находился (или, к несчастью героев, не оказывался под рукой) комплект аппаратуры, полностью избавляющей медперсонал от необходимости думать. Роботы обходятся без людей, и ни в одном из произведений НФ не нашлось места ситуации, когда новые факторы внешней среды или атипичное течение болезни их — роботов — сбили бы с толку. Справляются!

Кир Булычев и вовсе не доверял земным врачам. Есть Галактический центр, и в тамошней больнице могут к голове приделать новое туловище («Любимец»), и, ясное дело, не наши земляки там работают. Когда же к месту катастрофы случайно прилетает наш корабль («Поселок»), то функция доктора сводится к оказанию первой помощи и эвакуации в тот же центр. А если, не дай бог, реанимацию надо проводить на месте, то имеется аппарат, делающий все необходимое без человеческого участия. Итак, доктор нужен для первой помощи и отправки пострадавших куда-то в хорошее место. Здесь нам надо остановиться, потому что наметился ответ на один из вопросов.

Эта схема (первая помощь и отправка) существует в военной медицине. Схему разработал Н. И. Пирогов на Крымской войне, и с тех пор она остается почти неизменной под названием «ОТМС», то есть «Организация и тактика медицинской службы». Высушив ее содержание до десятка строк, мы получим доктрину «Этапное лечение с эвакуацией по назначению». На поле боя спасение сведено к само- и взаимопомощи в ожидании помощи медицинской.

В роте есть санинструктор (первый, по ходу эвакуации, штатный медработник, прошедший короткий курс подготовки) и солдаты, временно назначенные «санитарами-носильщиками». В военной беллетристике и кино санинструктор роты обычно выглядит милой хрупкой девушкой, что не всегда верно. Затянув жгут и наспех забинтовав (не более того, время дорого), раненого отправляют на второй этап лечения — к фельдшеру батальона (это человек уже со средним специальным образованием). Он оказывает помощь в большем объеме и тут же переправляет раненого в ПМП, полковой пункт, где впервые на сцене появляется врач. Здесь раненый проведет сутки (в наступательном бою) или трое (в бою оборонительном). Следующий этап эвакуации — дивизионный медпункт, известный всем как «медсанбат». Дальше пути ветвятся согласно профилю, это госпитальные базы армии и фронта, вплоть до госпиталей глубокого тыла.

История знает единственную попытку приблизить врача к передовой — во время Финской войны, — что ни к чему хорошему не привело, и от этой практики навсегда отказались.

Вышеописанная схема привязана к российским просторам. А в краях иных можно найти другие примеры решения задачи. Во Вьетнаме на поле боя не оказывали медицинскую помощь вообще. На поляну садился вертолет, загружался и доставлял раненых на аэродром в Сайгоне, и не в здание аэровокзала, а к пандусу «Боинга-747». Раненого на каталке ввозили вглубь этого гиганта, и сразу начиналось высококвалифицированное лечение. Оно не прерывалось во время руления и взлета, а над Тихим океаном продолжали работу семь (!) операционных, включая даже глазную. Боинг садился в Калифорнии, на собственную полосу Veteran Administrative Hospital, то есть перед дверями приемного покоя. Лечение получалось одно- или двухэтапным.

Общие черты такой организации вполне сгодятся для межзвездных далей. Раз уж туда долетели (со сверхсветовой скоростью и/или в порядке нуль-транспортировки), то к месту происшествия сможет прибыть и космический госпиталь (будем надеяться, что не такой карикатурный, как в одноименном романе Джеймса Уайта). В этом случае роль корабельного врача ограничится функциями санинструктора роты — укол, перевязал, наложил шину и отправил пострадавшего на ту низкую орбиту, где работают которые поумнее. Красота! Без ответа остался вопрос: а чем доктор будет занят между катастрофами?! Я невольно вынужден продолжить: если мы в полет берем врача на случай катастроф, то впору захватить и брандмейстера. Мало ли что.

Затруднение, однако. Поэтому логично расширить поиск, выйдя за рамки НФ, и вопрос адресовать самим врачам. Их мы хорошо знаем: Франсуа Рабле (медицинские факультеты Сорбонны и в Монпелье, больница в Лионе); Конан Дойл (Эдинбургский университет, частная практика в Соутси); Станислав Лем (медфакультет Львовского университета)... Странно, но никто из них не захотел писать о своей первой — медицинской — специальности. Ну, М. Булгаков (медицинский факультет Киевского университета) — «Записки юного врача» (а его «Собачье сердце» — редкое исключение). Еще Василий Аксенов (Ленинградский мединститут), «Коллеги»... У А. П. Чехова (медицинский факультет МГУ) «Ионыч», «Хирургия» и «Палата номер шесть» написаны все-таки о временах и нравах, а не о специфике профессии. В разделе «Наши авторы» «Полдня» выпускников медицинских учебных заведений предостаточно, но нет ни одного примера разработки нашей темы. Мои извинения авторам, чьи произведения пали жертвой моей невнимательности.

Может показаться, что кинематограф обогнал литературу. Обмусоленная донельзя тема эпидемий продолжает оставаться дежурной в Голливуде. Фильмы хорошие, кто спорит, жаль, что ничего нового нам из них узнать невозможно: герой спасает мир одним из двух испытанных способов — либо отобрав у злодея ампулу с вакциной, либо нашедши ранее неведомую целебную ромашку на лугу. К разгадкам она нас не приближает.

Итак, не получив подсказки из зала, согласимся с К. Фрумкиным и пойдем своим путем согласно мысли, вынесенной в эпиграф.

Одно из двух. В будущем люди болеть не будут (мечта современников Луи Пастера: уничтожить на земле все микробы) и профессия врача отомрет. Отставим этот вариант, потому что, словами Саши Привалова из «ПНвС», это будет просто не интересно. Вариант второй: медицина развивается не хуже любой иной формы человеческой деятельности, о чем мы можем судить, экстраполировав опыт веков прошедших на времена будущие. К чему я вас и приглашаю.

Два допущения. В биологическом смысле человек останется прежним. Он уже сформировался как минимум 200 тысяч лет назад, а НФ редко заглядывает вперед больше, чем на одну тысячу. Искусственные изменения генома возможны, но они не приведут к радикальным деформациям — ибо тогда это будет уже не человек. А кто? Постулат биологии: критерием биологического прогресса является расширение ареала вида. Иными словами,

вид приобретает адаптивные черты, позволяющие жить во все более разнообразных условиях. Регрессом является мелочность в видообразовании, когда возникает разобщение на новые — теплолюбивые, морские, пустынные и высокогорные — виды. Мы — самые прогрессивные. Живем во всех климатических поясах, опускаемся в глубины океана и летаем в космос. Нет никаких оснований считать, что человек человека будет переделывать, чтобы наш вид раздробился на узко-специфичные подвиды.

И, второе, надо смириться с неопределенностью «постиндустриальной эпохи». Рассуждений на эту тему много, и надо хотя бы в рабочем порядке выбрать условный термин. Допустим так: это эпоха, когда для создания какого-либо продукта затраты сырья, энергии и рабочего времени столь ничтожны, что главной составляющей результата является компонент интеллектуальный. Мысленно проследим несколько цепочек, протянувшихся к нам из прошлого. Гуттенберг лично корпел над рельефами букв своего первого издания Библии, но потом изобрели линотип, а нынче для написания книги не нужно отвлекаться на проблемы с набором, типографской краской и переплетом. Кое-что другое для написания требуется. Для первых микроскопов бог знает сколько времени и сил уходило на шлифовку стекол, но потом — в промышленный век — на заводах задумывались больше о качестве стекла; теперь же главной заботой стала разрешающая способность, совершенствование ПЗС-матриц и т. д. Главное, ты придумай, а уж сделать-то тебе сделают! «Ручная отверточная сборка» — идиотская метафора в истории отечественного автопрома, признание своего бессилия в новом мире. Автомобильные фирмы сейчас начинают новую модель с того, что художники лепят ее из глины, а уж как там стальной лист превратить в кузов — лежит далеко на периферии заводских хлопот. Медицинский шприц изобрели в 1848 году, и до начала XX века он делался вручную мастерами-стеклодувами. Во времена О'Генри пара ботинок стоила три доллара, а один шприц — \$20. Нынешняя штамповка стоит копейки, и для лечения больных задумываться о ее «делании» не приходится. Над содержимым шприца надо думать!

Может быть, не универсален этот принцип: поменьше работы для рук, побольше для ума, но в областях гончарной, хлебопекарной, швейной, строительной и т. д. он действует. А между лично-рукодельным производством — с одной стороны, и поточно-обезличенным — с другой, нашла себе место мануфактура (согласно марксизму, как переходная стадия... за счет дальнейшего разделения труда... Ну да бог с ним, с марксизмом).

Мануфактурное производство нам очень важно — потому что в нем, по ходу работы, всегда присутствует автор идеи, не обремененный мелкой рутинной. Фаберже редко делал что-то самолично, он создавал образ, а техническое воплощение лежало на его мастеровых-ювелирах. Говорят, Александр Дюма сам почти ничего не писал, на его мануфактуре трудились архивариус (откапывающий документы) и известный всему Парижу учитель фехтования и знаток оружия (для написания боевых сцен), консультировал аристократ (знавший назубок всю генеалогию французской знати), скрипели перьями переписчики и еще кто-то. Дюма задавал тон, изобретал острые повороты и вносил в конечный продукт ту самую искру, которая до сих пор будоражит киношников.

Врач со времен Средневековья и до конца XIX века делал всё сам, то есть был кустарь. Известна гравюра XIII века — доктор у постели больного разглядывает на свет склянку с мочой. Такие были первые анализы. Порошки и микстуры он тоже намешивал сам. В редких случаях звал на помощь кровопускателя (хирурги к врачебному сословию не принадлежали) и давал указания сиделкам. А потом наступило время мануфактурного производства. Небольшие клиники, где врач именно давал указания, но заодно и сам делал операции. Уколы, припарки, компрессы, клизмы, промывания желудка — такие заботы легли на помощников.

А потом медицина вступила в эпоху... Нет! Не вступила. На заводе конструктор передает чертежи в цех и может ни о чем не заботиться, пока ему не покажут первый образец. Врач не может устраниваться «на время» от больного, передать его на другой участок цеха. В этой отрасли авторство сохраняется от первого осмотра до прощания с больным. Медицинские центры и супернаучная аппаратура не изменили ничего. Пациент не превратился в заготовку на конвейере. Почему — сейчас поговорим, но факт есть факт. Медицина осталась мануфактурным производством, и поэтому авторам НФ трудно протянуть логическую нить в будущее, лихо перескочив через стадии индустриального и постиндустриального развития. Вот почему затерялся в будущем образ доктора, вот почему к авторам НФ нет никаких претензий.

Медицина — это очень отсталая отрасль нашего земного хозяйства. Мы можем починить на орбите телескоп Хаббла, но не в силах отремонтировать суставные поверхности в коленках. Заменить их, разве что... Опять откатываемся назад, к трансплантациям. Грубо, механистично! Пересаживаем чужую почку, вместо того чтобы наладить работу своей. Причины отсталости, вообще-то, понятны. Легко устранить недостатки собственной

работы, починить то, что сами сделали. Например, металлическое изделие или трикотажное. И наш организм, наверное, легко бы починил тот, кто его сконструировал. Не мы. Как там у Ю. Олеши в «Трех толстяках»? «Я не могу исправить эту куклу, потому что не знаком с ее устройством!»

И другие причины очевидны. Медицина — наука молодая, и развиваться ей мешали очень долго... Но вот, пожалуй, самая главная причина: мы вообще не умеем работать с биологическими объектами. Мало того, что мы плохо знаем их устройство, так еще и устройство их принципиально иное, нежели привычные нам изделия из камня, железа и глины. Но мы тупо пытаемся навязать живым организмам легкие для нас понятия о том, «как должно быть». Лозунг такой прозвучал десять лет назад: «Без мыла — в двадцать первый век!». Если вязкость трансмиссионного масла не соответствует ГОСТу, масло в механизме надо заменить. Если концентрация холестерина в крови отличается от утвержденной, надо ее — концентрацию — силком низвести до положенного уровня. Легко и просто! Индустриальный век, такие же сердца. Теперь пусть пациенты оплатят подгонку своих показателей под эталон и идут по домам! Итоги такого лечения больных точно подведены словами Коробочки из разговора с Чичиковым: «Одно меня смущает, сударь, — что они уже мертвые!». Кстати, был такой короткий период в истории, «анатомическая хирургия», когда всерьез говорили: «Операция прошла успешно, хотя больной умер».

Не получается принудить мануфактуру и рукодельное производство жить по законам конвейера. Медицине еще предстоит пройти свой путь развития и разрешить кучу проблем. Это индивидуальные вариации анатомии и физиологии (пока нет никаких подвижек в этом деле). Это проблема развивающихся систем (пока изучаем срез тканей, у реального больного состояние уже изменилось). Математики сильно задолжали медикам и биологам — описания развивающихся систем, пригодного на практике, до сих пор нет. Мы не можем пока формализовать проявления болезни в духе времени. Вот один пример: у аппендицита описано 127 симптомов, из которых на практике врачи активно выявляют десяток-полтора. В конце 70-х задались целью: как бы узнать степень достоверности каждого из них. Методика: поднять истории болезней уже оперированных больных и посмотреть, какой из симптомов оправдался больше чем в 50% случаев. Такой симптом считался бы достоверным. Из ста с лишним таковой нашелся один — симптом Мондора, то есть боль в правой подвздошной

области. Работу продолжили. Заложили в... тогда это называлось ЭВМ. Заложили туда все симптомы с процентом достоверности каждого и начали вносить данные по каждому из больных, поступивших в больницу с подозрением на аппендицит. Машина тут же выдала следующий результат: у пациентки Н. вероятность аппендицита 31%, вероятность пиелонефрита 22%, правостороннего аднексита 15%, внематочной беременности 7%, неврита запирательного нерва 4% и так далее вплоть до десятых и сотых долей процента. Что прикажете делать с этими цифрами? Не захотел компьютер говорить на нашем языке. Закон хирургии — оперировать при любой вероятности, без каких-либо ее численных оценок. Иначе помрет человек от перитонита, хоть бы его вероятность изначально составляла 1%.

Не вся живность оказалась «неподдающейся». Впереди шагает сельское хозяйство. Интеллектуальное обеспечение молочной промышленности в странах Бенилюкса ошеломляет — у каждой телушки есть генетическая карта с точным прогнозом удойности и качества молока для нескольких поколений ее потомков. На птицефабриках параметры бройлеров отвечают таким жестким стандартам, какие даже не нужны покупателю. Здесь спрятана ловушка. Главным условием такой индустрии является предельная изоляция стада от внешней среды. Так что вряд ли этот опыт имеет перспективы роста за рамками отрасли. (И не хочется подкидывать авторам НФ сюжет об «оранже-рейном человеке», читателям он будет неприятен.)

Подвох даже не в этом. У нас вообще очень слабое представление о взаимоотношениях живых существ (а первоначальное значение «экологии» убийственно подменено предметом изучения других наук — общей и социальной гигиены). По разным оценкам, в человеке на каждую его клетку приходится от одной до десяти чужеродных. Это не зараза, это симбионты — и как они себя поведут в дальнем космическом полете?

Вернемся к тому, с чего начали. В дальний полет мы возьмем с собой, кроме медперсонала, колоссальное количество микроорганизмов — на коже и почти во всех внутренних полостях. Известно о взрывном увеличении числа мутаций в пробирках с бактериями на МКС. Считается, что это только под влиянием невесомости. Но чуть от дома подальше, корабль выйдет за пределы магнитосферы, попадет под воздействие радиации и, возможно, многих других мутагенных факторов. С каждым днем, месяцем и годом полета число мутаций будет накапливаться. Это касается как попутчиков-микробов, так и самих

людей. Возникнут новые взаимоотношения с привычной флорой, при трудновообразимом числе комбинаций — симбиоз и паразитизм, антагонизм, появление и исчезновение патогенности, рост и снижение вирулентности. Процесс перманентный.

Отслеживать его надо непрерывно, и теперь похоже, что у медиков на борту будет забот невпроворот. Заметим, что микробиологические проблемы — они не единственные. Непрерывно будут изменяться наши кости, мышцы и газообмен в легких из-за дыхания искусственной воздушной смесью. Знаете, что такое фосфены? Это вспышки света, наблюдаемые при закрытых глазах; их видели почти все космонавты и астронавты. Еще какие фокусы проделает с нами Космос?

Кажется, из мрака начинает проступать силуэт корабельного врача будущего. Его место службы — за подковообразным пультом, где индикаторы «alarm» и «alert» всегда в готовности зажечься. И не выявлять симптомы болезни при осмотре и в анализах — это было бы Средневековье. И не набрасывать всей силой интенсивной терапии на заболевшего космонавта — это была бы мануфактура. А делать нечто иное: в неусыпном режиме собирать информацию обо всем живом на борту, анализировать и просчитывать наперед ход событий, решительно и целенаправленно управлять ими... То есть, выражаясь по-земному, — «владеть обстановкой».

Так что медики в звездолете будут едва ли не самым занятым народом. Ах, да! Чуть не забыл: мы домой вернемся когда-нибудь? Мы же сделаемся в полете сами немножко другими и привезем на Землю не те микроорганизмы, с которыми улетали, но их видоизмененных потомков. И при нашей встрече с родными возникнет коллизия между двумя ставшими друг другу чуждыми биоценозами. Как-то оно еще обернется, я не знаю, но...

Но это и есть зона компетенции Научной Фантастики.

Технологическая Сингулярность — угроза или блеф?

(Очерк из цикла «Угрозы будущего»)

В последнее время на страницах печати всё чаще можно встретить утверждение, будто бы в самом ближайшем будущем нас ждет качественный скачок в развитии цивилизации, который кардинальным образом изменит нашу жизнь. Говорится даже о том, что начнется «постчеловеческая» эра. Это может обернуться для нас как неисчислимыми благами, так и неисчислимыми бедствиями. В ходу закрепился соответствующий термин — «технологическая сингулярность». Звучит зловеще. Попробуем разобраться, что же под этим термином подразумевается.

Грозное пророчество фантаста

Словечко «сингулярность» ввели математики (оно означает точку, в которой математическая функция стремится к бесконечности), а сделали общеупотребимым астрофизики. Последние под ним понимали и до сих пор понимают точку с бесконечно большой массой, бесконечно большой температурой и нулевым объемом. Считается, что именно из сингулярности возникла вся обозримая Вселенная. Термин можно встретить и в биологии, и в психологии. Но «технологическая сингулярность» — это нечто особенное.

Одним из активных адептов теории о скором наступлении «постчеловеческой» эры является американский математик и писатель-фантаст Вернон Виндж, который в своем докладе на

симпозиуме VISION-21, проводившемся в 1993 году Центром космических исследований НАСА имени Льюиса и Аэрокосмическим институтом Огайо, заявил:

«Ускорение технического прогресса — основная особенность XX века. Мы на грани перемен, сравнимых с появлением на Земле человека. Сугубая причина этих перемен заключается в том, что развитие техники неизбежно ведет к созданию сущностей с интеллектом, превышающим человеческий. Наука может достичь такого прорыва разными путями. <...> Прогресс аппаратного обеспечения на протяжении уже нескольких десятилетий поразительно стабилен. Исходя из этой тенденции, я считаю, что интеллект, превосходящий человеческий, появится в течение ближайших тридцати лет. <...> Фактически, нет оснований полагать, что прогресс не станет плодотворно развиваться на более разумных сущностях с более высокими темпами. Лучшая аналогия, которую можно здесь провести, — в эволюционном прошлом. Животные могут приспособиться и проявлять изобретательность, но не быстрее, чем работает естественный отбор. В случае естественного отбора мир сам выступает в роли собственного симулятора. Мы, люди, обладаем способностью усваивать окружающий мир и выстраивать у себя в голове причинно-следственные связи, поэтому мы решаем многие проблемы в тысячи раз быстрее, чем механизм естественного отбора. Когда же появится возможность просчитывать эти модели на более высоких скоростях, мы войдем в режим, который отличается от нашего человеческого прошлого не менее радикально, чем мы, люди, сами отличаемся от низших животных.

Такое событие аннулирует за ненадобностью весь свод человеческих законов, возможно, в мгновение ока. Неуправляемая цепная реакция начнет развиваться по экспоненте безо всякой надежды на восстановление контроля над ситуацией. Изменения, на которые, как считалось, потребуются «тысячи веков» (если они вообще произойдут), скорее всего, случатся в ближайшие сто лет.

Вполне оправданно будет назвать данное событие сингулярностью (даже Сингулярностью). Это точка, в которой наши старые модели придется отбросить, где воцарится новая реальность. Это мир, очертания которого будут становиться всё четче, надвигаясь на современное человечество, пока эта новая реальность не заслонит собой окружающую действительность, став обыденностью. И всё же, когда мы такой точки, наконец,

достигнем, это событие всё равно станет великой неожиданностью и еще большей неизвестностью...»

Эффектно, не правда ли? Виндж прямо говорит, что в самое ближайшее время на Земле появится иной разум, который начнет напрямую управлять процессами развития цивилизации, уведя ее по путям, которые мы из сегодняшнего дня даже не можем себе вообразить.

По мнению фантаста, возможны четыре пути достижения «технологической сингулярности». Первый путь — компьютеры обретут «сознание», на базе чего возникнет сверхчеловеческий интеллект. Второй — то же самое может произойти с крупными компьютерными сетями. Третий — связь человек—машина станет настолько тесной, что интеллект пользователей можно будет обоснованно считать сверхчеловеческим. Четвертый — нанотехнологии в сплаве с биоинженерией обеспечат людей средствами улучшения естественного человеческого интеллекта.

Фактически Виндж предлагает на выбор четыре варианта возникновения искусственного интеллекта, которые научные фантасты описывают в своих романах уже полвека.

Этапы эволюции

Сразу возникает вопрос: а почему Виндж уверен, что пришествие мыслящих машин должно наступить в течение ближайших тридцати лет? Оказывается, на это у него есть основания.

Вера сторонников теории «технологической сингулярности» опирается на наблюдения за темпами прогресса — представляется, что эти темпы непрерывно растут, то есть имеет место ускорение прогресса. Строится соответствующий график, который наглядно демонстрирует: продолжительность этапов эволюции неуклонно сокращается.

На самом деле Вернон Виндж — далеко не первый ученый, заметивший эту тенденцию. Идею об ускоряющемся росте научного знания можно встретить, например, в работах Фридриха Энгельса. Уже в середине XIX века он писал о том, что наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения. Близкие идеи высказывал выдающийся российский ученый Владимир Иванович Вернадский, писавший о непрерывном усилении темпов научного творчества. По мнению современных исследователей, имеет место «экспоненциальный закон развития науки», проявляющийся в соответствующем увеличении числа научных работников, научных организаций, публикаций и других показателей.

В рамках теории «технологической сингулярности» приводятся довольно мудреные расчеты. При этом вся эволюция жизни на Земле искусственно разделяется на этапы между так называемыми «фазовыми переходами».

Первый этап охватывает период от возникновения жизни на Земле до «кислородного кризиса», который привел к практически полному вымиранию примитивной прокариотной фауны с заменой ее на одноклеточных эвкариотов и первых многоклеточных существ. Этот период продолжался около *двух с половиной миллиардов лет*.

Второй этап — эра примитивной многоклеточной фауны венда, которая продолжалась *чуть больше миллиарда лет* и завершилась Кембрийским «взрывом».

Третий этап — собственно Кембрийский «взрыв» и палеозойская эра, когда жизнь вдруг понеслась вскачь: в течение нескольких десятков миллионов лет возникли практически все современные филогенетические «стволы» многоклеточных животных, включая позвоночных. Палеозойская эра завершилась господством на суше земноводных, за несколько десятков миллионов лет до окончания палеозоя возникли первые пресмыкающиеся. Палеозой продолжался *около 290 миллионов лет*.

Четвертый этап — мезозойская эра господства пресмыкающихся. Внезапно и быстро вымирают палеозойские земноводные, лидерство на суше переходит к пресмыкающимся — сначала звероподобным и зверозубым ящерам, потом к динозаврам. Уже в юрском периоде (середина мезозоя) появляются примитивные млекопитающие. Мезозой продолжался *около 170-180 миллионов лет*.

Пятый этап — кайнозойская эра, которой *65,5 миллиона лет* и которая, между прочим, продолжается по сей день. Началась она с вымирания динозавров и воцарения на их месте птиц и млекопитающих. Есть мнение, что динозавры вымерли в результате падения гигантского метеорита, образовавшего кратер Чиксулуб. Однако эта гипотеза вызывает серьезную критику, поскольку вымирание динозавров продолжалось больше миллиона лет, а пыль и сажа могли держаться в атмосфере максимум несколько месяцев. Более того, палеонтологи указывают, что на протяжении мезозоя скорость вымирания динозавров была примерно постоянной, но им всегда на смену приходили новые виды. Уникальность же верхней границы мезозоя состоит только в том, что на смену вымершим видам не пришли новые. Так или иначе, но именно в кайнозойскую эру возник человек.

Тут бы сторонникам «технологической сингулярности» и остановиться в своих подсчетах, но они продолжают дробить на части уже эволюцию современного мира, чтобы получить вполне определенный результат.

Шестой этап — неоген, который начался 25 миллионов лет назад и продолжался 23 миллиона лет. Это эра господства млекопитающих, осваивающих не только сушу, но и море (киты), и воздух (рукокрылые). В ходе Неогена вымирают сумчатые, древние хищники-кредонты, примитивные группы копытных. Зато возникают гоминоиды — человекообразные обезьяны.

Седьмой этап — четвертичный период (антропоген) начался 4,4 миллиона лет назад и продолжается по сей день. Первые примитивные люди (гоминиды) отделяются от обезьяноподобных (гоминоидов).

Восьмой этап — Олдувай, палеолитическая революция, которая произошла около двух миллионов лет назад. Появление первых очень грубых обработанных каменных орудий труда — так называемых чопперов. Олдувайская культура завершилась около миллиона лет назад.

Девятый этап — Шелль, нижняя граница определена в 600 тысяч лет от нашего времени, верхняя граница — в 300 тысяч лет. Овладение огнем, появляются топоровидные орудия с поперечным лезвием (кливеры), грубые рубила.

Десятый этап — Ашёль, нижняя граница определена в 400 тысяч лет от нашего времени, верхняя граница — 150 тысяч лет. Ашёльская культура характеризуется стандартизованными овальными, треугольными, круглыми и другими симметричными рубилами. На фоне ашёльской культуры появляются неандерталец и кроманьонец, который был прямым предком современного человека.

Одиннадцатый этап — Мустьер, в ходе которого произошла культурная революция неандертальцев. Начало ее относят к 100 тысячам лет до нашей эры. Появляются каменные и костяные орудия тонкой обработки: скребла, остроконечники, сверла, ножи. Появляются жилища из костей мамонта и шкур. Зарождаются примитивные религии и ритуалы.

Двенадцатый этап — верхнепалеолитическая революция кроманьонцев, которая началась 40 тысяч лет назад. Неандертальцы постепенно вымирают, им на смену приходит современный человек. В этот период многократно возросла продуктивность использования каменного сырья, заметно усовершенствовались знаковые системы коммуникации. Широкое

развитие получила охотничья автоматика: копы, ловушки, в конце периода — луки. Распространение искусства в виде сложных наскальных рисунков.

Тринадцатый этап — неолитическая революция, начавшаяся не позднее *10 тысяч лет назад*. В конце верхнего палеолита развитие охотничьих технологий привело к истреблению популяций некоторых видов животных, что подорвало пищевые ресурсы палеолитического общества и привело к ужесточению межплеменной конкуренции, отягощенному глубоким демографическим спадом. Ответом на кризис, чреватый полным вымиранием человека как вида, стал переход от присваивающего (охота, собирательство) к производящему (земледелие, скотоводство) хозяйству. Уже в Неолите возводятся поселения, напоминающие города: Чатал-Хююк (6-7 тысяч лет до нашей эры), Иерихон (7 тысяч лет до нашей эры).

Четырнадцатый этап — городская революция, начало Древнего мира, датируется *четвертым тысячелетием до нашей эры*. Массовое распространение крупных человеческих агломераций. Возникновение письменности и первых правовых документов, бюрократии и классового общества. Рождение ремесел. Революция последовала за распространением бронзовых орудий, демографическим взрывом и обострением конкуренции за плодородные земли.

Пятнадцатый этап — Железный век, эпоха империй, революция Осевого времени. Начало датируется в области *800—500 лет до нашей эры*. Возникновение технологии получения железа привело к тому, что оружие стало намного более дешевым, легким и эффективным, чем в эпоху бронзы, следствием чего стало крайнее кровопролитие в войнах. Ответом на этот кризис стало объединение мелких государств в более крупные образования и формирование морально-этических норм, ограничивающих убийство себе подобных. Последнее привело к практически одновременному появлению в разных местах Земли мыслителей и полководцев нового типа: Заратустра, иудейские пророки, Сократ, Будда, Конфуций. Произошел культурный «взрыв» античности.

Шестнадцатый этап — гибель Древнего мира, начало Средневековья. *V век новой эры*. «Фазовый переход» здесь увязывается с деятельностью Святого Августина и осуждением пелагианства на Карфагенском соборе в 417 году, что обозначило конец эллинистической философии. Основное содержание перехода состоит в кризисе и гибели Римской империи с последующим

распространением феодальных государств и княжеств под ведущей ролью мировых тоталитарных религий.

Семнадцатый этап — первая промышленная революция, начало Нового времени. Датируется *началом XVI века*. Возникновение промышленного производства. Великие географические открытия. Появление книгопечатания.

Восемнадцатый этап — вторая промышленная революция, произошедшая *в 1830-е годы*. Возникновение механизированного производства. Эпоха пара и электричества. Начало глобализации в области информационного обмена — в 1831 году изобретен телеграф. В культурной области начинает формироваться устойчивое негативное отношение к войне как средству решения политических вопросов.

Девятнадцатый этап — информационная революция, произошедшая *в 1950-е годы*. Переход промышленно-развитых стран в «постиндустриальную» эпоху, когда большая часть населения занята не в материальном производстве, а в сфере обслуживания и в переработке информации. Распространение компьютеров и автоматизированных баз данных.

Двадцатый этап — кризис и распад социалистического лагеря, информационная глобализация — *1991 год*. Становление мировой сети Интернет, означающее завершение информационной глобализации. Резкое снижение уровня военного противостояния в мире.

Разделив всю эволюцию на этапы, сторонники теории «технологической сингулярности» начинают считать соотношения временных интервалов, строят график и в ужасе хватаются за голову: оказывается, до глобального эволюционного перехода буквально рукой подать!

Приведу конечный вывод одного из таких сторонников:

«...С помощью несложной математической процедуры было найдено, что каждая последующая фаза эволюции планетарной системы в среднем в $a = 2,67 \pm 0,15$ раз короче предыдущей. Режим масштабно-инвариантного ускорения приводит к неожиданному, но, по-видимому, совершенно неотвратимому выводу: так как эволюция протекала в течение 4 миллиардов лет, с момента возникновения жизни и до наших дней, она может продолжаться лишь конечное время, причем мы вплотную подошли к точке окончания масштабно-инвариантной планетарной истории».

Ни больше, ни меньше. Чтобы увязать «конечное время» с «бунтом машин», который грядет буквально завтра, адепты

строят еще один график: на нем отмечают этапы Информационной революции, которые красиво укладываются в закон Гордона Мура (одного из основателей компании «Intel»), гласящий, что каждые два года (по другой версии — каждые 18 месяцев) происходит приблизительное удвоение количества транзисторов на новых кристаллах микропроцессоров. Если такая тенденция сохранится, заключил Мур, то мощность вычислительных устройств экспоненциально возрастет на протяжении относительно короткого промежутка времени.

Полагая закон Мура непреложным, сторонники «технологической сингулярности» приходят к выводу, что где-то между 2015 и 2035 годами вычислительная мощность отдельных компьютеров сравняется с «сырой» вычислительной мощностью человеческого мозга (порядок последней оценивается в 10^{16} операций в секунду), а затем и превзойдет ее. Вот тут-то и грянет новая революция, произойдет новый «фазовый переход», вспыхнет «сингулярность», и мы все разом перейдем в «постчеловеческое» состояние.

Научно обоснованный идеализм

Можно было бы не обращать на эту смешную теорию внимания, если бы ее не отстаивали уважаемые в обществе люди: научные работники, философы, футурологи, фантасты, — и чем дальше отстаивают, тем громче. Теперь вот к ним примкнули еще и так называемые «трансгуманисты», о которых мы поговорим чуть ниже. Поскольку данная теория значительно повышает тревожные ожидания и порождает соответствующие иллюзии, ее необходимо опровергнуть.

В первую очередь вызывает сомнения разделение всей эволюции на соответствующие этапы. Здесь очень остро пахнет идеалистическим мировоззрением, которое подразумевает присутствие Высшей Силы и предопределенность любых процессов, которые происходят на Земле.

На самом же деле всё гораздо проще. Имеет место классическая аберрация близости — когда некое близкое нам по времени (и еще не забытое по-настоящему) событие приравнивается по своей значимости к событию, происшедшему когда-то очень давно. Проще говоря, когда создание персонального компьютера объявляется по значимости равным многомиллионнолетнему процессу формирования позвоночного столба. Но ведь это не так, эти процессы объективно не являются тождественными.

Давайте посмотрим на заявленные «фазы перехода» с другой стороны.

С точки зрения Йохана Гуттенберга, мы не совершили никакой революции — ведь он изобрел способ быстрого и дешевого распространения информации, а мы, создав компьютеры и Интернет, лишь развили его изобретение.

С точки зрения изобретателей письменности, имена которых история, к сожалению, не сохранила, Йохан Гуттенберг тоже не совершил никакой революции — он просто сделал более доступной информацию, форму записи которой придумали задолго за него. Наоборот, изобретатели письменности должны удивляться, что за тысячелетия их потомки так и не сумели разработать единый для всех алфавит, а в качестве международного языка используют не самый подходящий для этого английский.

Демагогично? Но сторонники теории «технологической сингулярности» в этой связи выглядят еще большими демагогами.

Так, серьезные сомнения вызывает и то, как они разделяют на эпохи эволюцию жизни на Земле. Дело в том, что границы между периодами, принятые палеонтологами, весьма условны и в значительной степени привязаны к геологии. Сразу обращает на себя внимание «фазовый переход», который сторонники теории «технологической сингулярности» связывают с появлением гоминидов и относят на четыре миллиона лет назад (антропоген). Во-первых, почему появление еще одного вида изображается каким-то особым событием в эволюционном процессе? Только лишь потому, что мы теперь знаем, что гоминиды были нашими предками? Во-вторых, ни палеонтологи, ни антропологи до сих пор не сошлись во мнении, когда именно начался четвертичный период, с которым связывают появление развитых гоминидов. Поэтому такие границы периодов устанавливают геологи. Например, ранее нижняя граница четвертичного периода проходила на отметке 1,8 миллиона лет назад, но совсем недавно Специальный комитет Международной стратиграфической комиссии решил передвинуть границу плейстоцена на 800 тысяч лет назад, то есть теперь нижняя геологическая граница Четвертичного периода отстоит от нас на 2,6 миллиона лет. То же самое постоянно происходит с другими границами. Если же начало антропогена не связывать с началом четвертичного периода, то вопрос окончательно запутывается, ведь каждый год ученые радуют нас открытием новых гоминидов, а пресловутого «промежуточного звена»

между гоминидом и человеком так и не обнаружено, посему точная датировка этого «фазового перехода» сокрыта туманом неизвестности. Как вы понимаете, подобные проблемы лежат далеко за пределами чистой математики, к которой апеллируют адепты теории «технологической сингулярности».

Вообще же наши современные представления о прошлом Земли довольно поверхностны и меняются гораздо чаще, чем хотелось бы учащимся средней школы и их учителям. К примеру, долгое время считалось, что динозавры — это хладнокровные пресмыкающиеся типа ящериц, теперь же утверждается, что они на эволюционном дереве гораздо ближе к теплокровным птицам.

Не исключено также, что о каких-то значимых для земной биосферы «фазовых переходах» мы просто еще не подозреваем, поскольку не нашли следов или неправильно интерпретировали имеющиеся.

А можно посмотреть шире и глубже, с общефилософских позиций, и тогда мы придем к выводу, что качественных скачков в эволюции было совсем немного: появление жизни, деление клеток, специализация клеток, возникновение нервной системы, — всё остальное мы считаем «фазовыми переходами» из-за свойственного нам антропоцентризма, корни которого лежат в религиозном мировоззрении.

Те же самые соображения можно применить и к вышеупомянутому закону Мура. Вычислительная мощность — это, конечно, хорошо, но ведь без программ и файлов с данными компьютер представляет собой всего лишь грудку железа. И еще более мрачной грудкой он смотрится, если его отключить от электропитания. В глазах же сторонников теории «технологической сингулярности» компьютеры и сети выглядят чем-то мистическим — существующим независимо от разума и воли человека. Но ведь это не так! Программы пишут и файлы создают люди, электроэнергию из окружающего мира также добывают люди. И вот тут имеются очевидные проблемы, которые подчеркивают идею о скором «бунте машин». Производительность и быстродействие компьютеров растет год от года, но год от года падает культура программирования. Эту тенденцию заметили не только специалисты, о чем они часто и открыто говорят, но и рядовые пользователи: программное обеспечение дорожает, но при этом становится более громоздким, отягощенным массой лишних функций; сети (особенно общедоступные) превращаются в помойки; трафик жрут порнуха, реклама и

бессмысленные чаты, процент полезной информации снижается — если эта Сеть вдруг «осознает» себя, она тут же скончается от непереносимого стыда. С энергетикой дела обстоят получше, однако производство энергии явно отстает от ее потребления, а введение новых мощностей требует всё более значительных усилий. Не преодолены ключевые проблемы, заметно тормозящие развитие той же вычислительной техники и систем связи: до сих пор не созданы сверхъёмкие аккумуляторы (а о таком мечтает любой владелец ноутбука), до сих пор не созданы солнечные батареи с высоким к.п.д. (а о таких мечтает любой владелец мобильного телефона), не осуществлен переход на местное децентрализованное энергоснабжение (а о таком мечтает любой, у кого «вырубало» свет на праздники). Пока не будут решены эти проблемы, ни о какой «технологической сингулярности» не может идти и речи.

«Постчеловеки» сегодня

Есть и еще один аспект.

Интересно, предполагал ли Вернон Виндж, формулируя свою идею, что вскоре появится целое квазирелигиозное сообщество, которое свято уверует в его доводы и на полном серьезе начнет готовиться к «сингулярности»? Называется это сообщество вычурно: международное философское движение Трансгуманизм. Оно имеет в России довольно развитый филиал, члены которого требуют признания и поддержки их деятельности на государственном уровне. Трансгуманисты верят, что уже к 2050 году ускоряющийся научно-технический прогресс позволит создать «постчеловека», который будет обладать необычными, сверхчеловеческими способностями, но главное — абсолютным здоровьем, которое позволит ему жить неограниченное время. Короче, речь идет о достижении бессмертия, которого трансгуманисты в буквальном смысле вожделеют.

Сторонники Трансгуманизма отрицают, что являются современной коммерческой сектой, однако почти все ее видовые признаки тут налицо. Подобно сектантам, трансгуманисты уверены, что скоро наступит «конец света» (то есть эволюционно-технологическая «сингулярность»), — они даже называют конкретные даты, хотя и расходятся по этому вопросу друг с другом. Подобно сектантам, трансгуманисты уверены, что «конец света» не означает конец жизни, а сопровождает качественный переход в иное и более совершенное состояние. Подобно сектантам, трансгуманисты уверены, что «спасутся» лишь

избранные — в данном случае те, кто откажется от человеческой оболочки, которая дана природой, позволив «переписать» свою личность на другой, более надежный, «носитель», в качестве которого может выступать либо киборг (то есть механический андроид с биологическими элементами), либо человеческое тело, усовершенствованное с помощью нанотехнологий. Подобно сектантам, трансгуманисты не собираются пассивно дожидаться «конца света» («сингулярности») — нет, они действуют, хотя никто об этом их не просит! Они проводят конференции, они вовлекают неофитов, они публикуют статьи и книги, а кроме того они собирают деньги... Никогда не догадаетесь, на какие цели... Нет, не для того чтобы приблизить «сингулярность», а для того чтобы до нее... дотянуть. Трансгуманисты верят в крионику и в то, что замороженные сегодня люди завтра будут возвращены к жизни гуманными «постчеловеками». Зайдите на любой сайт трансгуманистов и с большой вероятностью вы наткнетесь на рекламу очередной криофирмы, которая за «скромную» сумму в несколько десятков тысяч долларов предложит свои услуги по замораживанию вашей головы или всего тела.

То, что крионика является одной из форм современного мошенничества, известно довольно давно, но вызывает удивление вера трансгуманистов в неизбежность воскрешения замороженных в постчеловечестве. Прежде всего, никто ничего не может сказать, как будет выглядеть это постчеловечество и насколько интересны ему будут лежащие в ледяных гробах предки. И еще — ни один из трансгуманистов, с которыми я лично знаком, не смог объяснить мне внятно, а зачем ему это самое бессмертие, какую такую ценность он лично представляет для мира и цивилизации, чтобы жить вечно... Разговоры о том, что им просто нравится жить, в данном случае не слишком уместны, ведь от этого вполне понятного желания ничего не зависит...

Но речь даже не о причудах трансгуманистов, а о том, что сторонники «технологической сингулярности» в упор не замечают важного обстоятельства — неравномерности развития земной цивилизации. Описываемый ими «фазовый переход» в короткий период возможен только в том случае, если человечество едино и находится на одинаковом уровне технологического развития. Даже описанные выше «переходы» происходили трудно и долго, сопровождаясь войнами, и не всегда более развитая в культурном и техническом отношении держава побеждала в

противостоянии. Если бы было иначе, то сейчас столицей мира были бы Афины...

Зная, сколь бурно развивается наука в США, мы можем легко представить себе, что некий качественный скачок раньше или позже произойдет в этой передовой державе (возможно, он уже произошел), однако остается открытым вопрос: как воспримет этот скачок весь остальной мир? Если в Штатах возникнет постчеловечество, то не станет ли это поводом для начала новой мировой войны, которая отбросит наш мир на сотню лет назад? Так или иначе, но нет никаких оснований надеяться, что американские «постчеловеки» заинтересуются замороженными россиянами и захотят вернуть их к жизни, одарив заодно бессмертием. А «технологическая сингулярность» нашей стране и подавно не грозит — уровень российской фундаментальной науки и культуры производства, к сожалению, продолжает быстро и необратимо снижаться.

Список использованных источников и литературы

Барышников В. Чего ждать от компьютера? Технологическая сингулярность (дискуссия на радио «Свобода» 2.11.08) / В.Барышников [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=111&Itemid=1

Брин Д. Сингулярности и кошмары / Д.Брин; пер. с англ. А.Турчина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://proza.ru/2007/05/14-31>

Виндж В. Как избежать сингулярности: пер. с англ. / В.Виндж [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/35655/>

Виндж В. Технологическая сингулярность: пер. с англ. / В.Виндж [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/35636/>

Геологи официально признали четвертичный период [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/06/04/geology/>

Диринг М. Рассвет Сингулярности / М.Диринг; пер. с англ. П.Васильев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://transhumanism.org/languages/russian/dawnofsingularity/Deering.htm>

Еськов К. Удивительная палеонтология. История Земли и жизни на ней / К.Еськов. — М.: НЦ ЭНАС, 2007.

Новоселов А. Технологическая сингулярность как ближайшее будущее человечества / А.Новоселов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.topos.ru/veer/41/singular.htm>

Панов А. Сингулярная точка эволюции? / А.Панов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.noogen.su/singular.htm>

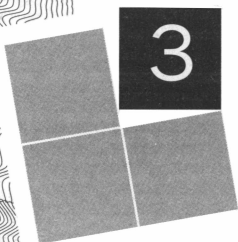
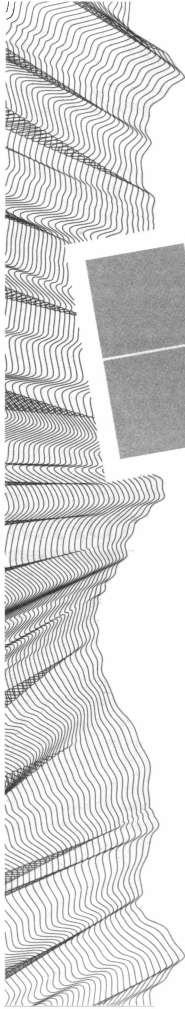
Первушин А. Грядет ли «бунт машин»? / А.Первушин // Секретные материалы XX века. 2009. № 16.

Российское Трансгуманистическое Движение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru>

ИНФОРМАТОРИЙ

Миры Стругацких: Время учеников, XXI век

Литературный проект «Время учеников» был придуман редактором Андреем Чертковым в конце 1991 года, вскоре после смерти Аркадия Натановича Стругацкого. Первый этап реализации проекта происходил с 1996 по 2000 год — за эти пять лет в издательствах АСТ (Москва) и Terra Fantastica (Санкт-Петербург) были изданы три тома мемориальной антологии, включавшие рассказы и повести Вячеслава Рыбакова, Андрея Лазарчука, Михаила Успенского, Сергея Лукьяненко и других известных писателей, написанные либо как прямые продолжения, либо как полемические альтернативные варианты произведений АБС. Проект получил широкий резонанс в прессе и даже попал в литературные энциклопедии.

Второй этап проекта, изменившего свое название на «Время учеников, XXI век», начался в 2007 году, когда в интернете появился посвященный ему сайт (vu.chertkov.ru), на котором были объявлены новые литературные конкурсы. Результатом этих конкурсов и стали две антологии, составленные так называемой «Тройкой по рационализации, утилизации, контрамоции и циклотации необъясненных явлений, нетривиальных произведений, нелинейных сюжетов и неслучайных идей» (Андрей Чертков, Николай Романецкий, Ант Скаландис) и вышедшие в 2009 году в петербургском издательстве «Азбука-классика».

Сначала в марте 2009-го был издан сборник «Важнейшее из искусств», выход которого был приурочен к премьере фильма

Федора Бондарчука «Обитаемый остров». Соответственно, произведения этого сборника были посвящены теме «Стругацкие и кино» и рассказывали фантастические истории о несуществующих экранизациях произведений АБС. Среди авторов книги были как уже известные писатели (Вячеслав Рыбаков, Николай Романецкий, Сергей Волков, Игорь Минаков, Владимир «Василид-2» Васильев), так и начинающие авторы (Тим Скоренко, Дарья Зарубина), а также члены исследовательской группы «Людены» (Инна Кублицкая, Сергей Лифанов). Два произведения из сборника — рассказ Т.Скоренко «Тихие игры» и повесть В.Рыбакова «Стажеры как предчувствие» — предварительно были напечатаны в альманахе «Полдень, XXI век».

Второй сборник, «Возвращение в Арканар», вышел в мае того же года и состоял из новых «сиквелов» к произведениям АБС. Название сборнику подарила повесть Карена Налбандяна, дающая неожиданную трактовку таким знаменитым персонажам, как Антон-Румата и Рудольф Сикорски. Повесть Игоря Минакова «Прекрасный утенок» продолжила события «Гадких лебедей», повесть Михаила Савеличева «Возлюби дальнего» стала альтернативной версией событий, описанных в «Беспокойстве», а рассказ Евгения Шкабарни-Богославского «Аллея канадских кленов» перевернул с ног на голову самую раннюю повесть АБС «Извне».

В настоящее время в редакционном портфеле проекта «Время учеников» ждут своей очереди еще десятка три произведений, среди которых, например, повесть Игоря Минакова и Ярослава Верова «Операция «Вирус» (о приключениях Максима Каммерера в Островной Империи), роман Михаила Савеличева «Черный Ферзь» (альтернативная, а скорее даже перпендикулярная версия тех же самых приключений), повесть Владимира «Василида-2» Васильева «Тень улитки» (вольное продолжение «Улитки на склоне»), роман Александра Щеголева «Агент Иван Жилин» (о втором пришествии этого героя в Страну Дураков), ну а кроме того — целый букет рассказов разных авторов, написанных на конкурс «Зона». Книжки со всеми этими произведениями планируются к выходу в 2010 году.

«Созвездие Аю-Даг» — 2009

Третий крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 15 по 18 октября в пгт Партенит (АР Крым). Фестиваль проводился на базе лечебно-оздоровительного комплекса «Айвазовское» на берегу моря. На территории комплекса находится парк с реликтовой маслиновой рощей, возраст которой более 2-х веков; водопады, каскадные ручьи, живописные уголки и 200 видов экзотических растений.

В мероприятиях фестиваля в общей сложности было задействовано около ста сорока участников из России (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Пермь, Тверь, Нижний Новгород и др.), Украины (Киев, Харьков, Днепропетровск, Донецк, Николаев и др.), Литвы, Израиля и собственно Крыма.

В фестивале приняли участие писатели: Олег Ладыженский и Дмитрий Громов (Г.Л. Олди, Харьков), Павел Амнуэль (Израиль), Дмитрий Казаков (Нижний Новгород), Дмитрий Володихин (Москва), Дмитрий Федотов (Москва), Андрей Щербак-Жуков (Москва), Вадим Кирпичёв (Москва), Антон Молчанов (Ант Скаландис, Москва), Василий Купцов (Москва), Антон и Елена Первушины (С.-Петербург), Дмитрий Скирюк (Пермь), Сергей Слюсаренко (Киев), Яна Дубинянская (Киев), Симона Вилар (Харьков), Ярослав Веров (Донецк), Игорь Минаков (Москва), Юрий Иваниченко (Симферополь), Леонид Панасенко (Симферополь), Андрей Гальперин (Евпатория), представители издательств «ЭКСМО» (Москва), «Вече» (Москва), «Таврия» (Симферополь), «Снежный Ком» (Рига), журналов «Мир фантастики» (Николай Пегасов), «Наука и жизнь» (Людмила Синицына), а также критики, редакторы, начинающие авторы и просто поклонники жанра.

В рамках фестиваля состоялись мастер-классы А. Первушина «НФ и фантбоевик в НФ-антураже», Д. Казакова «Мистика и городское фэнтези», Д. Володихина «Рецензия на фантастическое произведение», семинар Д. Федотова по фантастическому рассказу «НФ+фэнтези=?», семинар Е. Первушиной «Фантастика женским почерком», доклад Д. Володихина, презентация журнала «Наука и жизнь» и круглый стол «Наука и научная фантастика», семинар А. Щербака-Жукова «Использование

мифологических структур в драматургии фантастического кино», П. Амнуэля и Ю. Лебедева «Многомирие в НФ», доклад Д. Володихина «Идея и искусство в творчестве АБС».

Для участников фестиваля была организована экскурсия в Партернитский дельфинарий.

В рамках мероприятий фестиваля «textRock» состоялись концерты групп «СП Бабай» (С.-Петербург), исполнителей Евгения Кострыгина (Москва) и Михаила Башакова (С.-Петербург), а также выступление Поэтического содружества информантиков (ПСИ) (Москва).

Увенчалось мероприятие роскошным праздничным фейерверком.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ФЕСТИВАЛЯ:

1. Премия им. А. Грина «Золотая Цепь» — Елене Хаецкой за роман «Звездные гусары».

2. Премия им. Л. Козинец «Фиолетовый Кристалл» — Симоне Вилар за роман «Светорада Медовая».

3. Первый диплом мастер-класса А. Первушина — Дмитрий Лукин (Ялта) за рассказ «Луна исчезла»

4. Второй диплом мастер-класса А. Первушина — Николай Немытов (Симферополь) за рассказ «Планета мартышек».

5. Первый диплом мастер-класса Д. Казакова — Константин Крапивко за рассказ «Нежить».

6. Второй диплом мастер-класса Д. Казакова — Дмитрий Лукин (Ялта) за рассказ «Тюремщик».

7. Первый диплом мастер-класса Д. Володихина — Анне Игнатенко за рецензию на роман А. Лазарчука «Мой младший брат Иешуа».

8. Второй диплом мастер-класса Д. Володихина не был присуждён никому.

9. Дипломы семинара Д. Федотова (по итогам интернет-конкурса фантастического рассказа «НФ+фэнтези=?»):

- Владимир Юрченко (г. Красноярск), рассказ «Хорт»
- Арина Трой (г. Ташкент), рассказ «Пифия»
- Александр Юдин (г. Москва), рассказ «Проект Адам»
- Антон Тудаков (г. Владимир), рассказ «Возвращение вождя»
- Сергей Чебаненко (г. Луганск), рассказ «Ларец старца Нинелия»
- Андрей Гальперин (г. Евпатория), рассказ «Панкратов Sky»
- Владимир Дёминский (г. Ростов-на-Дону), рассказ «Демоны Сталинграда»

- Игорь Вереснев (г. Макеевка), рассказ «Рассечённое время».

Рассказы победителей мастер-классов и конкурса будут опубликованы в итоговом сборнике фестиваля «Настоящая фантастика-2010». Кроме того, рассказы А. Юдина и С. Чебаненко приняты к публикации в журнал «Наука и Жизнь», а авторы — премированы годовой подпиской на журнал.

Кроме того, на фестивале были вручены следующие премии:

Премия рецензионно-публицистического портала «Книгозавр» (<http://knigozavr.ru>) за лучшую рецензию на произведение в жанре хоррора и мистики:

Первая премия и приз (мобильный телефон Sony Ericsson) — Игорь Лесс (г. Москва) за рецензию «Страхи близкие и далекие» на рассказы Иванова Петра Дамиановича.

Вторая премия и приз (MP3-плеер) — Янина Грошева (г. Евпатория) за рецензию «...и ад следовал за ним» на рассказы Андрея Гальперина.

Третья премия и приз (флэш-драйв на 16 Gb) — Надежда Агафонова (г. Николаев) за рецензию «Вестник Времени Открытий» на творчество Александра Шнайдера.

Поощрительный приз за самую необычную рецензию, присланную на конкурс, получает Евгения Блинчик (г. Симферополь) за рецензию «Демарш или..?» на рассказ Андрея Гальперина.

Премия имени И.А. Ефремова СП России и Совета по фантастической и приключенческой литературе при СП России — «с целью увековечения памяти великого писателя и ученого России и поощрения литераторов, сохраняющих, развивающих и обогащающих традиции, заложенные им в отечественной фантастической литературе» — Павел Амнуэль.

Премия «Бронзовый Икар» СП Москвы и журнала «Наука и жизнь» («За настоящую научную фантастику»):

— в номинации «Лучшее художественное НФ-произведение» — Ярослав Веров и Игорь Минаков за дилогию «Десант на Сатурн» — «Десант на Европу»;

— в номинации «За общий вклад в возрождение, развитие и пропаганду традиционной научно-фантастической литературы» — Павел Амнуэль.

Оргкомитет

Наши авторы

Георгий Абсаямов (род. в 1954 г. в Москве). Окончил 2-й Московский медицинский институт; работал хирургом в городских больницах и военном госпитале. Последние годы врач-консультант частной клиники. Публиковался в сетевом «Росбалт» и в журнале «Итоги». Популярные статьи об истории науки. Живет в Москве.

Ника Батхен (род. в 1974 г. в Ленинграде). Училась в Литинституте на факультете прозы (заочно, два курса), публиковалась в различных журналах и сборниках. В нашем альманахе произведения печатались неоднократно. Живет в Москве.

Анастасия Волжская (род. в конце 80-х в Москве). Студентка Московского государственного института электроники и математики, работает программистом в НИИ. В печатных изданиях прежде не публиковалась.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде) окончил Ленинградский политехнический институт. Сменил множество работ и профессий. Писать начал в 2006-м, увлёкся писательством отчаянно и бесповоротно. Написал около сотни повестей и рассказов, закончил первый роман. Победитель и призёр множества сетевых литературных конкурсов. Известен в сети как Джи Майк, он же Балшой Грофаман, он же Монстр короткой формы. В нашем альманахе печатался неоднократно. С 1994-го живёт в США.

Владимир Голубев (род. в 1954 г. в г. Кинешма Ивановской обл.). Учился в Рязанском радиотехническом институте. Писать фантастику начал в 2005 г. Автор книги «Гол престижа». Печатался в журналах: «Уральский следопыт», «Порог», «Шалтай-болтай», «Безымянная звезда». В нашем издании произведения автора публиковались неоднократно.

Антон Первушин (род. в 1970 г. в Иваново). Выпускник санкт-петербургского государственного политехнического университета. Член семинара Бориса Стругацкого и литературной студии Андрея Балабухи. Публикуется с 1990 года. Автор остросюжетных романов и документально-исторических книг. Лауреат литературных премий: «Звездный мост», «Eurocon Encouragement Award», «Премия имени Александра Беляева». В 2005 году был

удостоен премии Союза писателей Санкт-Петербурга как лучший молодой прозаик Северо-Западного региона. В нашем альманахе печатался неоднократно. Адрес персональной страницы: <http://apervushin.narod.ru>

Леонид Резник (род. в 1956 г. в Белоруссии). Закончил Ленинградский политехнический институт и до 1990 года жил в Ленинграде. Автор пяти книг. Произведения публиковались в России, Израиле, Австралии, Финляндии. Живет в Израиле.

Андрей Саломатов (род. в 1953 г. в Москве). Первая половина сознательной жизни — художник, потом незаметно для себя перебрался в журналисты-редакторы-литераторы. Автор семнадцати книг, двенадцать из них — детские. Лауреат нескольких литературных премий: «Странник», «Алиса», «Золотая книга», «Филигрань», премия журнала «Знамя». Две кинематографических премии — за сценарии мультфильмов. В нашем издании печатался неоднократно. Живет в Москве.

Олег Сухачевский (род. в 1964 г. в г. Воронеж). Учился в Воронежском государственном университете (исторический факультет). Публиковался в журнале «Порог», сборнике «Аэлита. Новая волна/003». Живет в Воронеже.

Виктор Точинов (род. в 1966 г.). Закончил ЛИАП. Фантастические триллеры пишет с 2000 года. Автор нескольких романов, а также повестей и рассказов. В нашем издании печатался неоднократно. Живет в Санкт-Петербурге.

Наталья Шнейдер (псевдоним Натальи Бабиной) родилась в Ижевске, там живет и поныне. Закончила Ижевскую государственную медицинскую академию, работала врачом. Дебютная публикация рассказ «Смысл жизни» в сборнике «Миры Ника Перумова: Хьервард» («Эксмо», 2005 год). Несколько рассказов печатались в периодике. В нашем альманахе опубликован рассказ «Маленькие детки — маленькие бедки» (июль 2008 года).

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ

Николай Романецкий	3
--------------------------	---

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Виктор Точинов «МЫ НИКОГДА НЕ СДАДИМСЯ». Повесть	7
Олег Сухачевский «УЖАС МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ». Рассказ	49
Майк Гелприн «ИСХОД». Рассказ	59
Владимир Голубев «ЧЕРНОВИК». Рассказ	77
Анастасия Волжская «ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА». Рассказ	87
Леонид Резник «ДУША НАПРОКАТ». Рассказ	107
Наталья Шнейдер «ЛЕКАРЬ». Рассказ	117
Андрей Саломатов «РАССКАЗ № 41». Рассказ	129
Ника Батхен «КХАМОРО». Рассказ	133

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Георгий Абсалямов «ДОСАДНАЯ БРЕШЬ»	143
Антон Первушин «ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ — УГРОЗА ИЛИ БЛЕФ?»	153

ИНФОРМАТОРИЙ

МИРЫ СТРУТАЦКИХ: ВРЕМЯ УЧЕНИКОВ, XXI ВЕК	169
«СОЗВЕЗДИЕ АЮ-ДАГ» — 2009	171
Наши авторы	174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ **XXI ВЕК**

Читайте в январском номере:

Начало повести
Сергея Соловьева
«Эхо в темноте»

а также произведения
Павла Амнуэля,
Ники Батхен,
Алексея Лукьянова
и других авторов